

АԢСНЫ АԢЦААРАДЫРРАԶА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АԢСУАԢЦААРАТӘ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

В. А. НЮШКОВ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АПСИЛОВ

(II в. до н.э. – вторая половина VIII в. н. э.)

АБИГИ
Сухум 2016

УДК 94(3)
ББК 63.3(5А6х) 3
Н 98

Валентин Александрович Ньюшков. История и культура апсильов (II в. до н. э. – вторая половина VIII в. н. э.) /В. А. Ньюшков. – АБИГИ им. Д. И. Гулиа. – Сухум: Дом печати, 2016. – 216 с. Г/р 978-5-111-98-11016.

Научный редактор:

академик АНА, доктор исторических наук РАН **О. Х. Бгажба**

Рецензенты:

кандидат исторических наук **А. И. Джопуа**,
научный сотрудник отдела археологии АБИГИ АНА **Г. А. Сангулия**

Книга «История и культура апсильов (II в. до н. э. – вторая половина VIII в. н. э.)» является первым монографическим комплексным исследованием по апсильов, в основе которой положена кандидатская диссертация. В книге, на основе письменных и вещественных источников, а также обширной историографии описывается история и культура апсильов от II в. до н. э. до второй половины VIII в. н. э., об их международных связях. Апсильов – один из основных компонентов предков абхазского народа, наряду с абасгами, санигами, мисимианами. Проанализированы уровень, степень и перспективы изучения истории и культуры апсильов на основе источниковедческого и историографического анализов. Выявлены и интерпретированы сведения, характеризующие влияние военно-политических институтов на процесс становления общественного строя у апсильов на фоне рассмотрения этнополитической, культурной, социально-экономической и религиозной истории их развития и близким им мисимиан в период римского и византийского влияния.

Книга представляет интерес для студентов и лекторов, старшеклассников, а также для всех интересующихся позднеантичным и ранневизантийским периодом истории Абхазии и её материальной культурой.

© АБИГИ им. Д.И. Гулиа, 2016
© Валентин Ньюшков, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Позднеантичная и ранневизантийская эпохи в развитии человеческого общества богаты на судьбоносные исторические события: мощные потоки 2-го Великого переселения народов наводнили почти всю Европу; происходили жестокие войны между мировыми державами (Византии с Персией, Византии с Арабским Халифатом), в жернова которых попали местные племена древней Колхиды; рушились устои многих ранних классовых образований, и на их руинах создавались новые государства. В этой круговерти событий вместе со своими соплеменниками оказались и апсильов, жители небольшой страны Апсильия, одного из древнеабхазских этнополитических образований.

Именно Апсильии и апсильов, их истории и культуре посвящена предлагаемая монография кандидата исторических наук, с.н.с. отдела истории АБИГИ АНА В. Ньюškова, фактически являющейся его кандидатской диссертацией, которой он достойно продолжил работу, начатую своими предшественниками: М. Трапш, Ю. Вороновым, Г. Шамба, и др. по исследованию памятников цебельдинской культуры, на основании которого можно судить не только об этом раннеклассовом этнополитическом образовании, но и всей Абхазии в позднеантичное и ранневизантийское время.

С гордостью необходимо отметить, что на материалах этой культуры уже защищены три докторские (Ю. Воронов, О. Бгажба, Л. Хруškова) и три кандидатские (Г. Шамба, В. Логинов, В. Ньюшков) диссертации. Большой интерес эти материалы вызывают и у зарубежных исследователей: например, у М. Казанского (из Франции

– один из официальных оппонентов В. Ньюшкова), А. Мастыковой (известный российский археолог из Москвы). Они издали материалы Цебельдинской экспедиции Ю. Воронова во Франции в двух томах с некоторой коррекцией его датировок на основе новых методов.

У В. Ньюшкова была большая ответственность перед богатейшим грузом, накопленным его предшественниками, чтобы попытаться его осилить. Как видно, он, в основном, справился с этой трудной нагрузкой. Вместе с тем, в последние время стала появляться антинаучная интерпретация истории и культуры Апсолии и апсиров. Приходится с болью в сердце читать некоторые рукописи монографий, газетные статьи, уже изданные книги местных абхазоведов, где произвольно трактуются отдельные важные проблемы (например, апсилы в VI в. отсылаются жить в Мингрелию), грузинские историки вообще всю материальную культуру апсиров приписывают лазам, некоторые абхазские – только абасгам. Не отстает от подобных радетелей и российский исследователь А. Виноградов, который «почему-то» решил, что «первейший среди апсиров Марин» и его сын Евстафий были византийцами, а не апсилами, вопреки источнику (Феофану Хронографу) и установившемуся мнению большинства историков.

Название работы В. Ньюшкова вполне соответствуют содержанию. В ней собрано и осмысленно всё то, что опубликовано после трагической гибели Ю. Воронова (их уже более 150 ед.). Сам автор издал 30 статей в местных и зарубежных научных журналах, которые нашли отражение в предлагаемой работе, прежде всего представляющей историко-археологическое исследование с привлечением, при необходимости, данных этнографии и абхазского языка. Хронологические рамки исследования (II в. до н.э. – вторая половина VIII в.). Нижняя дата II в. до н.э. – археологическая – это второй, древний ярус Цибилиумского могильника, выявленный Цебельдинской экспедицией Ю. Воронова. Первое

же письменное свидетельство об апсилах, как известно, связано с Плинием Секундом (до 79, извержения Везувия, когда он погиб). Верхней датой является середина VIII в., т.е. время образования первого в Западном Закавказье раннефеодального независимого Абхазского царства, которое создалось в результате консолидации под эгидой абасгов всех древнеабхазских племён (санигов, апсиров, мисимиан) в единую феодальную народность. Границы Апсолии менялись по мере продвижения лазов с юга на север к Фасису (р. Риони) и окончательно установились в VI в. (Прокопий Кесарийский) – примерно р. Ингур – р. Гумиста (часть Эшеры) это показано в работе.

Автором наиболее полно критически рассмотрена интерпретация всех необходимых письменных источников, осмыслена вся научная литература, учтены современные достижения зарубежных авторов. Мне больше импонирует глава «К проблеме ранней этнополитической границы апсиров и их взаимоотношения с лазами», тем более, что некоторые абхазоведы ошибочно думают, что лазы – это абхазы или апсилы не являются автохтонами своей небольшой страны Апсолии и находятся в подданстве у лазов.

В работе на должном научном уровне рассмотрены, культурное, религиозное и социально-политическое положение апсиров, Даринское (апсильское) ответвление Великого шёлкового пути, где была найдена китайская бусина с иероглифом «бень» - император, крепости во главе с крепостью Цабал, раннехристианские церкви (VI в.), могильники древней Апсолии и т.д.

Из сказанного ясно одно, что данная работа об истории и культуре Апсолии отражает общеабхазскую картину, а она сегодня нужна. Во первых, как неповторимая часть мировой культуры, во вторых, как пример обратной связи, ибо многие цивилизации оставляли здесь свои следы в виде археологических материалов, которые найдены в комплексе с хорошо датирующими местными изделиями, могут быть сами более точно датированы, в третьих, в

последнее время некоторые коллеги стали забывать Ю. Воронова, который положил на плаху Абхазии свою голову. Вместе с тем данная работа удобна для восприятия старшеклассников, учителей, студентов и лекторов, а также всех тех, кого интересует позднеантичная и ранневизантийская история Абхазии и её материальная культура.

Доктор ист. наук РАН, академик АНА О. Х. Бгажба

*Посвящается светлой памяти
выдающегося кавказоведа
Юрия Николаевича Воронова,
«русского по крови, апсила по душе».*

ВВЕДЕНИЕ

В данной книге в сконцентрированной форме рассматривается история одного из древнеабхазских этнополитических объединений – апсилов. Нами определена главная цель: показать на фоне прошлого апсилов древнейшую историю Абхазии, абхазов. Их прошлое, как и других древнеабхазских этнополитических объединений (саниги, абасги, мисимиане) – это органическая часть многовековой истории абхазского народа, проживающего сегодня в Западном Закавказье.

Западное Закавказье – одно из интереснейших и удивительных регионов древнего мира. Происходившие тут этнические, политические, социальные, экономические и культурные процессы выдвинули его на один из первых рядов исследования. Неудивительно, что регион стал объектом пристального внимания со стороны специалистов. Бурные события, связанные со стремлением Римской, а затем Византийской империи, Сасанидского Ирана и Арабского Халифата утвердиться на этой благодатной, во всех смыслах, земле, совпавшие по времени с Великим переселением народов, прокладкой ответвлений Великого шёлкового пути и т.д., превратили Апсилию в район с богатой материальной культурой, венцом которой стала Цебельдинская археологическая культура.

Апсилия – одно из древнеабхазских этнополитических объединений, локализуемое в Восточно-Причерноморском регионе Кав-

каза, богатого памятниками, без исследования которых невозможно разрешить проблемы античного, ранневизантийского времени данного региона.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью расширения круга информативных источников для более углублённого изучения отдельных периодов античного и раннесредневекового времени, касающихся истории древних апсилов, которые наряду с другими родственными объединениями (абасги, саниги, мисимиане) составили основное ядро древнеабхазского народа. На сегодняшний день существует немало исследований, связанных с темой настоящей монографии и затрагивающих различные сферы жизни апсилов, однако их значительная часть лишь отдельно касается конкретно определённых проблем, требующих всестороннего изучения, анализа с привлечением всех возможных источников, что позволит воссоздать общую картину социально-культурного, исторического развития апсилов в рассматриваемый период.

Многие стороны проблемы этнокультурного и исторического развития апсилов уже получили освещение в трудах нескольких поколений исследователей (З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа, М. М. Трапш, Ю. Н. Воронов, Г. К. Шамба, М. М. Гунба, О. Х. Бгажба и др.). Вместе с тем, несмотря на длительный период накопления фактического материала и его изучения, многие кардинальные проблемы остались дискуссионными и требуют специального научного анализа и размышлений. Например, если одни исследователи (М. М. Трапш, Г. К. Шамба) датировали могильники Цебельды II—V вв., то другие (Б. А. Куфтин, А. К. Амброз, Ю. Н. Воронов) говорили о более протяжённом периоде: II—VII вв. Одним (М. М. Трапш) представлялось, что могильники цебельдинской культуры оставлены древнеабхазскими племенами абазгов и апсилов, другие (Г. К. Шамба, Ю. Н. Воронов) отстаивали их исключительно апсильскую принадлежность. Одни (М. М. Трапш, З. В. Анчабадзе, Г. К. Шамба) рассматривали древних цебельдинцев как сельское население

и проводили параллели с деревенским бытом абхазов, другие (И. А. Гзелишвили, Ю. Н. Воронов) усматривали в поселениях древних цебельдинцев черты городской формации. Одним (М. М. Трапш, Г. К. Шамба) представлялось, что отдельные комплексы погребений, раскопанные в Цебельде, были родовыми могильниками, другие (Ю. Н. Воронов) видели в них семейные кладбища. Одним (М. М. Трапш, З. В. Анчабадзе, Г. К. Шамба, М. П. Инадзе) казалось, что христианство проникло в Цебельду в конце III—IV вв., другие (Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин) отстаивали более позднюю дату — не ранее второй половины VI—VII вв. Дискуссионной оказалась и проблема политической ориентации апсилов — выступали ли они против римлян (М. М. Трапш) или же в союзе с последними (М. М. Гунба, Ю. Н. Воронов). Противоречия намечались и в определении границ Апсилии, трактовке происхождения предметов и т. д. Поэтому дальнейшее изучение данной темы возможно лишь при условии расширения круга привлекаемых источников.

В последние десятилетия вновь возрос интерес к археологическим памятникам апсилов, появилось немало исследовательских работ, значительно повысилось внимание к древностям на исторической территории Апсилии. В то же время археологические исследования в местах исторического проживания апсилов (Центральная часть Апсилии, особенно Кодорское ущелье), прерванные грузино-абхазской войной (1992 – 1993 гг.), за послевоенное время не проводились, а велись только научные разработки. Тем не менее, тот широкий объём работы, который был проделан после М. М. Трапша, Г. К. Шамба, М. М. Гунба, в частности, археологической экспедицией под руководством Ю. Н. Воронова в районе Цебельдинской (Цабалской) долины, позволяет и сегодня нам обращаться к добытому археологическому материалу, всестороннее исследование которого открывает новые страницы древней истории Абхазии. Исследуя, таким образом, историю апсилов, мы познаём и определяем качественное состояние духовного мира абхаза, его мироощущение и мировосприятие не только на про-

шлом и современном этапе исторического развития, но и с его взглядом на будущее.

Источниковедческую базу составили, в основном, письменные и археологические источники:

- Среди письменных источников выделяются: римские, ранневизантийские и средневековые (в том числе армянские и грузинские летописи и хроники). Информация, содержащаяся в них, обычно немногочисленна или отрывочна, иногда даже противоречива. Тем не менее, благодаря этим сообщениям мы располагаем отдельными датами и сведениями о событиях, что представляет ценность для решения таких ключевых проблем, как взаимоотношение носителей археологических культур, уточнение этнической принадлежности и хронологии культуры апсильов изучаемого периода, а также обладаем информацией о быте, культуре, религии и других сторонах жизни апсильийского социума;

- Археологические источники позволяют осветить поэтапное развитие культуры этноса, его быт и внутреннюю социальную жизнь и во многих случаях подтвердить или опровергнуть данные письменных источников, а порой и восполнить их отсутствие;

- Теоретический материал представляет собой незаменимый для исследования источник по социальной и политической антропологии, позволяющий лучше осмыслить рассматриваемую тему.

- Материалы этнографических, фольклорных и лингвистических исследований в Абхазии носят вспомогательный характер.

Что касается **территориальных и хронологических рамок** предлагаемого монографического исследования, то они определены следующим образом: II в. до н.э. – вторая половина VIII в. н.э. (до образования Абхазского царства - 786 г.). Территориальные рамки локализации апсильов, абасгов, санигов, мисимиан ограничены: на раннем этапе – центральной и юго-восточной территорией современной Республики Абхазия и частично Южного Кавказа (современная Республика Грузия). Так, в I–V вв. граница апсильов на юго-востоке проходила по линии рр. Риони и Техури, на северо-западе

(по данным письменных источников Плиния Секунда и Флавия Арриана) до Себастополиса, согласно же археологическим данным, с III–IV вв. – до с. Эшера. С VI в. на юге по р. Ингур, на северо-западе в районе с. Эшера и по Кодорскому ущелью до Клухорского перевала. В VII в. Себастополис продолжал считаться, в политическом и географическом смысле, главным городом Апсилии (по сведениям Джуаншера XI в.). Мисимиан с VI по VII вв. следует локализовать вдоль предгорного региона совр. Очамчырского и Галского р-нов, от левобережного участка р. Кодор до с. Пахулан, правобережья р. Ингур (древнего Бухлоона). Юго-восточная граница абасгов (со II–VII вв.) доходила, предположительно, до с. Эшера, на западе (со II – по первую половину VIII вв.) до р. Хашупсе (совр. г. Гагра), упоминаемой, вероятно, Флавием Аррианом как р. Абаск. Саниги в I в. (по Плинию Старшему) обитали в районе р. Гумиста и западнее до совр. Сочи-Адлерского района, во II в. уже частично в Гагрском районе и западнее, в VI в., согласно Прокопию Кесарийскому, санигов следует локализовать западнее совр. г. Сочи.

Здесь же хочется выразить слова благодарности в адрес замечательных людей, преданных своему делу – служению исторической науке, нашедших время прочесть рукопись книги и сделавших ряд полезных замечаний, которые в большинстве были мною учтены. Это – М. М. Казанский (доктор истории Национального Центра Научных Исследований, г. Париж, Франция) М. М. Мастыкова (доктор исторических наук РАН, г. Москва, РФ), О. Х. Бгажба (академик АНА, доктор исторических наук РАН) – автор предисловия, С. Ш. Салакая, В. М. Пачулия, Н. В. Касландзия, А. И. Джопуа (кандидатам исторических наук, г. Сухум, Абхазия), н.с. отдела археологии АБИГИ Г. А. Сангулия. Также хочу поблагодарить молодого археолога Ш. Г. Кайтана, откликнувшегося на мою просьбу подготовить исторические карты столь необходимые для книги.

Представленные рисунки в книге взяты из работ Ю. Н. Воронова, включая его совместные труды с Н. К. Шенкао.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

С началом 90-х гг. XX в. продолжилось интенсивное изучение истории Абхазии, в частности, апсилов и Апсилии¹. Наконец появилась возможность, не опасаясь запрета из Тбилиси, высказывать в статьях и публикациях своё мнение по ряду проблем, связанных с историей нашей Республики и вызывавших острую реакцию со стороны грузинских исследователей, особенно в предвоенный и послевоенный (грузино-абхазская война 1992–1993 гг.) период (Ш. Д. Инал-ипа, С. З. Лакоба, Ю. Н. Воронов и др.). В них справедливо критикуются мнения тех грузинских кавказоведов, которые искажают этническую историю абхазского народа. Стало возможным издание посмертных трудов Ю. Н. Воронова «Колхида на рубеже средневековья», «Могилы апсилов», «Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология»², а в дальнейшем и переиздания работ в семитомнике научных трудов Ю. Н. Воронова (в настоящее время издано уже четыре тома; в первом томе, в частности, напечатана докторская диссертация Ю. Н. Воронова «Колхида в железном веке (VIII в. до н.э. – VIII в. н.э.)», а также материалов цебельдинских раскопок Ю. Н. Воронова и сборника, посвящённого Цебельдинской культуре, изданных на французском языке в Лондоне при участии М. М. Казанского и А. В. Мастыковой³.

¹ Поскольку история изучения апсилов хорошо представлена в работах Ю.Н. Воронова и О.Х. Бгажба до конца 80-х гг. XX в., во избежание повтора, мы охарактеризуем ту её часть, которая появилась уже, начиная с 90-х гг. прошлого столетия.

² Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998; Он же. Могилы апсилов. Пушино, 2003; Он же. Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология. Сухум, 1998.

³ Tsibilium I. La nécropole apsile de Tsibilium. Les fouilles de 1977 – 1986 Youri Voronov. Le texte est préparé pour l'édition par Michel Kazanski. BAR International Series 0000 2007; Tsibilium II. La nécropole apsile de Tsibilium l'étude du site Michel Kazanski et Anna Mastykova. BAR International Series 0000 2007.

Достаточно информативным представляется труд Ю. Н. Воронова «Древняя Апсилия» (1998), охарактеризованный О. Х. Бгажба, являющегося ответственным редактором этой уникальной книги, как энциклопедический и представляющий большую ценность для кавказоведов. В нём можно найти исчерпывающие сведения и материалы об апсилах и древней Апсилии, начиная с эпохи времён царя Тиглатпаласара I и до раннего средневековья. В своём объёмном труде автор рассматривает различные взгляды исследователей по их работам, публикациям, касающихся всего, что связано с апсилами и Апсилией, начиная с XIX века и до 90-х гг. XX в., анализируя их и давая им свою оценку. «Древняя Апсилия» также представляет собой свод и полный анализ большинства свидетельств об апсилах и их стране, сохранившихся в древних и средневековых письменных источниках. Эволюция взглядов на расселение апсилов и размещение памятников Цебельдинской культуры отражена в сопровождающих текст картосхемах и планах. В заключение своего труда исследователь, в частности, коснулся такой темы, как историческая генетика апсилов. По его мнению, заметный вклад в апсильскую генетику внесли многие народы, как, например, греки, римляне, византийцы, персы, аланы, лазы и др.

В другой книге «Колхида на рубеже средневековья», опубликованной в 1998 г. и переизданной в 2006 г. («Научные труды в семи томах»), Ю. Н. Воронов справедливо рассматривает события, пережитые населением Колхиды I–VIII вв. н.э., уделяя при этом особое внимание проблеме изучения социальной, экономической и политической истории апсилов и ареала их проживания. Что же касается конкретно социальной истории апсилов, то, говоря о проблемах христианизации и феодальных отношений, исследователь полагал, что широкое распространение христианства в Колхиде (в частности, и в Апсилии) получает в VI в., а переход к феодализму свершился не ранее VIII в., когда образовалось раннефеодальное с господствующей христианской религией Абасгское царство. То

есть до того момента, когда рубеж к средневековью был преодолен и вся дальнейшая история Колхиды была связана с феодализмом.

Таким образом, Ю. Н. Воронов отрицал, что процесс христианизации населения в Апсилии связан с развитием феодальных отношений, как на том ошибочно настаивали некоторые исследователи, в частности, З. В. Анчабадзе¹ и Ш. Д. Инал-ипа, который говорил о том, что именно феодалы были в этом (*т.е. в христианизации*) заинтересованы².

Следует также отметить монографию Ю. Н. Воронова «Могила апсильев». Монография представляет собой полную публикацию археологических материалов с полным комплектом его рисунков предметов, выявленных на могильнике с 500 захоронениями у главной крепости крупнейшего древнеабхазского политического образования Апсилии – Цибилуа (Цабала). Коснувшись погребального обряда у апсильев, Ю. Н. Воронов, в частности, сделал важный вывод, что имеется «80 признаков его характеризующих»³. Это итог всей его плодотворной работы как археолога в Цабельинской долине.

Характерной чертой рассматриваемого периода является усиление разработки наиболее важных проблем исторического развития по истории Юго-Восточной Абхазии в ранневизантийскую эпоху. Научные исследования ведутся по пяти направлениям: по изучению истории этнополитической ситуации, христианизации и церковного зодчества, периодизации, материальных памятников, экономики и хозяйства. Важное место в работах кавказоведов по изучению этнополитической истории древней Апсилии заняли такие актуальные проблемы, как определение северо-западной и юго-восточной границы Апсилии, участие апсильев в войнах на

стороне Римской и Византийской империй, прохождение торговых дорог.

Проблема дефиниции восточных границ абасгов и апсильев на основе источниковедческого анализа «Армянской географии VII века» («Ашхарацуйц») была рассмотрена в книге, в основе которой лежит кандидатская диссертация, подготовленная в 1991 г., В. Ф. Бутба «Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу», вышедшей в свет в 2001 г. в Сухуме и переизданной с дополнениями в 2005 г. («Труды»). Углублённое исследование по определению северо-западной границы между Апсилией и Лазикой по древнегрузинскому источнику было проделано, вслед за Ю. Н. Вороновым, О. Х. Бгажба в статье «Где проходила «Клисура» Джуаншера?». Так, по мнению некоторых исследователей, - отмечается в работе, - благодаря неправильной трактовке данного источника, где на основе созвучия названий связывают Клисуру с р. Келасур, ликвидируется в V-VIII вв. целое древнеабхазское раннеклассовое образование (*т.е. Апсилия*). Так как «получается, что граница между Абхазией и Грузией должна была бы проходить в то время по р. Келасур, тем самым часть Апсилии отходила Грузии, другая же – Абхазии (Абасгии)». В то же время, по мнению О. Х. Бгажба, Клисура и Келасур – это не одно и то же, «Клисура Джуаншера не имеет никакого отношения к Апсилии, а значит и к территории нынешней Абхазии»¹. Характеризуя этнополитическую ситуацию на Западном Кавказе, Г. Д. Гумба, анализируя разный письменный материал, выдвинул версию, что Джуаншер усматривал под Клисурой реку Техури, служившую западной границей Лазики с Апсилией², *т.е.*, на территории Западной Грузии в V в. Так, в следующей своей работе, посвя-

¹ Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 41-42.

² Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 396.

³ Воронов Ю. Н. Могила апсильев... С. 12.

¹ Бгажба О. Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение (историческая серия). Вып. 2. Сухум, 2003. С. 64-67.

² Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтия Мровели // Абхазоведение (историческая серия). Вып. II. Сухум, 2003. С. 124; Он же. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение (историческая серия). Вып. III. Сухум, 2004. С. 88.

щённой ранним этапам этнической истории абхазов, О. Х. Бгажба южную этнополитическую границу древнеабхазских племён апсиров и мисимиан с древнекартвельскими племенами лазов в VI в. проводит по р. Ингур, проходившей по этой же реке и в VII в., на что указывают поздние византийские источники (Максим Исповедник, Феофан Хронограф) и Армянская география «Ашхарациуйц», «верховья которой до крепости Бухлоон в тот период были включены в политические границы Алании»¹.

Довольно широкое освещение в ряде работ получает тема военной истории апсиров. Проблеме участия апсиров в военных кампаниях Рима в самом начале II в. н.э. посвящена статья М. К. Хотелашвили (Инал-ипа) «Страницы военной истории абхазов». Согласно М. К. Хотелашвили (Инал-ипа), в источниках нет прямых указаний на то, что военные отряды апсиров могли участвовать в войнах Рима, исходя из чего исследователь предположил, что если римский император Траян (начало II в.) после войны с Парфией, по сведениям римских историков, принимает ряд кавказских племён в подданство и некоторым даёт царя, а также римское гражданство получает от него царь апсиров Юлиан, «то становится ясным, что именно он участвовал на стороне Рима в войне с Парфией»², поэтому можно предположить, как считает М. К. Хотелашвили (Инал-ипа), «апсилы принимали участие в римско-парфянской войне»³. Интересная мысль о наместничестве абасгов и апсиров была высказана в монографии адыгского исследователя С. Х. Хотко «Очерки истории черкесов». Отметив вначале этнополитическую ситуацию до конца VIII в. и указав, что такие государственные образования как Абасгия, Санигия, Зигия и Апсилия находились в

¹ Бгажба О.Х. Ранние этапы этнической истории абхазов // Археология, этнография и фольклористика Кавказ: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С.113.

² Хотелашвили (Инал-ипа) М.К. Страницы военной истории абхазов // Абхазоведение (историческая серия). Вып. III. Сухум, 2004. С.159-160

³ Там же. С.159-160.

номинальной зависимости от римских императоров, а позже под влиянием Византии, автор далее заметил, что в этой связи использовалась для военных целей воинственность горцев Западного Кавказа (абасгов, апсиров), они назначались наместниками «в картвельские провинции Византии, получали там поместья, и они же являются родоначальниками едва ли не всех княжеских родов Грузии»¹, правда, он не использовал при этом для подтверждения своих выводов доказательную базу. Привлекает внимание также работа другого адыгского исследователя Н. Г. Ловпаче «Абазино-Абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья». В ней автор стремится показать самую раннюю историю появления абазинского населения в предгорьях Северного Кавказа и объяснить нахождение абазин в Закубанье, полагая, что они попали туда благодаря миграции апсиров, абасгов и санигов в VIII в. Причину этого он видит в их нежелании «принять христианство, усиленно распространяемое в то время среди апсиров, абасгов и санигов» и, возможно, из-за увеличения населения, «что стало тесно в горах»².

Своё развитие получает в абхазских и российских исследованиях также проблематика, напрямую имеющая отношение к Северному-Западному и Южному Кавказу, как идентификация торговых путей (Мисимианского и Даринского) на территории Апсилии, с разными точками зрения, что делает данную тему в историографии актуальной. На основе анализа письменного материала (Менандр Протиктор, Феофан Византиец, Прокопий Кесарийский), а также вещественного материала, О. Х. Бгажба, вслед за Ю. Н. Вороновым, в своих работах, увязав локализацию Мисимианского пути, а затем и Даринской дороги с локализацией самих

¹ Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. От эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001. С.29.

² Ловпаче Н.Г. Абазино-Абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С.56-59.

мисимиан (близкородственных к апсилам) и их центров (Бухлоон и Тцахар), приходит к справедливому выводу, что Мисимианский путь должен был пролегать вдоль Ингурского ущелья, тогда как Даринский путь, соответственно, уже вдоль Кодорского ущелья¹. Этой же концепции придерживаются В. Б. Ковалевская, считая, что Даринский путь следует связывать с самым легко проходимым перевалом Западного Кавказа – Клухорским, а дорогу – с Военно-Сухумской, и А. Ю. Скаков, по мнению которого, «Мисимианский путь» через перевалы Баса-Чубери и Донгуз-Орунбаши соединял ущелья рек Игури и Галидзга с верховьями Баксана и Кубани². В то же время с данной локализацией не согласны А. А. Иерусалимская, В. А. Кузнецов и ряд их сторонников. Говоря об алано-апсильско-мисиманских связях в книге «Очерки истории алан», В. А. Кузнецов, в частности, интерпретируя сведения Менандра, предположил, что перевальная дорога, которую Менандр именует дорогой миндиманов проходила там, где сегодня располагается Военно-Сухумская дорога, Даринский же путь кавказовед отнес западнее территории мисимиан, т.е. в Бзыбскую Абхазию, связанную с Северным Кавказом Санчарским перевалом³. По мнению же

¹ Бгажба О.Х. Абхазия и Великий шёлковый путь // ТАГУ. Часть III. Сухум, 2003. С.23-25. Он же. Абхазия и Алания в I тысячелетии // Абаза. №1. Сухум, 2010. С.87.

² Ковалевская В.Б. Кавказ-скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005. С. 107; Она же. Даринский путь и связи Византии, Апсолии и Алан // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С.34.; Скаков А.Ю. Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов. Нальчик, 2014. С.155.

³ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С.60. Он же. О создании природно-ландшафтного и историко-археологического музея-заповедника федерального значения в верховьях Кубани // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас, 2010. С.216. Он же. Хасаутское городище и могильники и Мисимианский маршрут Великого шёлкового пути // ВКБИГИ. №4. Нальчик, 2015. С. 21

О. Х. Бгажба, «Менандр сохранил конкретное указание на то, что Даринский путь проходил западнее Мисимианского и выводил прямо в Апсолию»¹. На основе изучения торговых путей в Западной Алании в V-VI вв. А. В. Мастыкова и М. М. Казанский, ссылаясь на логику рассказа Менандра, полагают, что Даринская дорога была более западной по отношению к Мисимианской, для этого «имеются основания сопоставить с ней намеченную по археологическим источникам кубанскую трассу, как это уже было сделано Ю. Н. Вороновым»². Через Кисловодскую долину и далее в сторону Клухорского перевала в Апсолию уверенно проводит Даринский путь Э. В. Ртвеладзе, правда, Мисимианская дорога у него идёт через Мамисонский перевал по долине реки Риони³, в то время как правильнее было бы вести её через перевал Накра, вдоль ущелья р. Ингур.

Между тем, при описании истории дорог, использовавшихся для торговли с такими далёкими странами, как Китай, и прохождения Великого шёлкового пути через Кубань и Ставрополье и далее в Апсолию, в работе Ю. А. Прокопенко «История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э.» прослеживается поддержка выводов В. А. Кузнецова, касающихся локализации Мисимианского и Даринского путей⁴. В своей статье «Каменные крепости алан» И. А. Аржанцева также полагает, что Мисимианский путь проходил в Апсолию через Клухорский перевал⁵. Однако проведённое археологическое исследование материалов V-VI

¹ Бгажба О.Х. Абхазия и Великий шёлковый путь ... С.23.

² Мастыкова А.В., Казанский М.М. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V-VI веках // Материалы конференции. XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000. С.101.

³ Ртвеладзе Э.В. «ΔΑΡΕΝΗΣ ΑΤΡΟΠΙΟΝ» маршрут византийского посольства Зимарха по Средней Азии и Кавказу // ПИФК (В честь 80-летия Г. А. Кошленко). №1. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2015. С. 354-364.

⁴ Прокопенко Ю.А. История северо-кавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999. С.142.

⁵ Аржанцева И.А. Каменные крепости алан // РА. №2. М., 2007. С.87.

вв. в Кавказских Минеральных Водах, Балкарии и Верхней Кубани показало «полное отсутствие византийских импортов ранее VII в. в горных районах к западу от линии Теберда-Кубань»¹, т.е., там, где реконструируется трасса Даринской дороги А. А. Иерусалимской, В. А. Кузнецовым и др. Спорный характер несёт в себе недавно изданная статья А. Ю. Виноградова «К локализации византийских крепостей в Апсилии», поскольку автор на основе собственной интерпретации источников VII в. «Письмо Анастасия Феодору» и «Воспоминания Федора Спудея» даёт локализацию крепостей в Апилли и Мисиминии по Кодорскому ущелью, в частности, крепость Бухлоон (Букол) он относит в верховье р. Кодор², с чем нельзя согласиться.

За минувшие два десятилетия активно велась работа по изучению религиозной истории древней Апсилии и раннехристианской культуры на её территории. В первую очередь, следует отметить работы Г. А. Амичба «Культура и идеология ранне-средневековой Абхазии (V-X вв.)» (1999 г.), Е. К. Аджинджала «Из истории христианства в Абхазии» (2000 г.), архимандрита Дорофея (Дбар) «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии» (второе издание, 2015 г., первое – 2005 г.) и др. Надо заметить, что во всех трёх указанных работах поднимается проблема хронологии ранней истории христианства в Абхазии. На основании трактовок письменных данных и раскопок был сделан вывод, что официальное введение христианства в VI в. было осуществлено в два этапа, при этом справедливо замечено, что и после официального введения языческие дохристианские обряды продолжали сохраняться в нагорной и подгорной зоне, в том числе в Апсилии и Мисиминии³.

¹ Мастыкова А.В., Казанский М.М. Центры власти и торговые пути... С.101.

² Виноградов А.Ю. К локализации византийских крепостей в Апсилии // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. М., 2014. С.226.

³ Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V-X вв.). Сухум, 1999. С.29.

Развивая тему христианизации абасгов и апсилов, Е. К. Аджинджал также придерживается мнения о том, что в VI в. древнеабхазские народности: апсилы, абасги и другие племена официально принимают христианство в качестве государственного культа, но уже, что маловероятно, вторично, после того, как с апостольских времён были приобщены к христианству¹. В этом отношении особого внимания заслуживает монография, сравнительно недавно изданная, архимандрита Дорофея (Дбар). Сам характер работы включает новые интерпретации важнейших сообщений византийских авторов, касающихся религиозной жизни абхазов. Подробно исследовав процесс появления и дальнейшего распространения христианства, в том числе, и у апсилов, автор приходит к выводу, что уже в первой половине VI в., «происходит окончательное утверждение христианства среди абхазских субэтнических групп: апсилов, мисимиан и др.»². Вместе с тем, касаясь результатов археологических раскопок, можно наблюдать, что апсилы и после официального принятия и утверждения христианства ещё долго продолжали сохранять традиционные верования и обычаи³. Цибилумский могильник – яркий тому пример. Посвященная широкому хронологическому порядку христианизации апсилов, неизданная ранее работа Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба предлагает археологический материал, выявленный в окрестностях Цибилума (Цабала), свидетельствующий «о христианизации внутренней Апсилии». На основании этого материала было выделено 5 этапов. Это: 1) «Доюстиниановская эпоха, археологически иллюстрируемая с V в. н.э.»; 2) «Раннеюстиниановская эпоха», «официальное принятие христианства» и «начало широкой христианизации рядовых общинников»; 3) Эпоха персо-византийских

¹ Аджинджал Е.К. Из истории христианства в Абхазии. Сухум, 2000. С.63.

² Архимандрит Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии (второе издание). Новый Афон, 2015. С.222.

³ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Два всаднических захоронения апсилов из Цебельды // ТАГУ. Т.6. Сухуми, 1987.

войн за Колхиду (541-556 гг.); 4) «Позднеюстиниановская эпоха», «дальнейшее расширение христианизации всего населения»; 5) «Послеюстиниановская эпоха, включая и VII век»¹. В то же время, в некоторых исследованиях предлагается более узкая дата христианизации апсиров, абасгов, мисимиан, санигов. IV веком датирует Р. М. Барциц в своём автореферате «Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике» принятие Абхазией христианства в качестве официальной религии и ознаменование окончания процесса консолидации близкородственных племён абхазо-адыгской группы, – апсиров, абасгов, мисимиан, санигов, – в крупные этнополитические образования². О распространении христианства через территорию Апсолии и Клухорский перевал в Аланию упоминается в книге В. В. Гудакова «Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века», согласно которой «почти два столетия понадобилось византийским миссионерам, чтобы преодолеть Клухорский перевал от Цибилиума до верховьев Кубани, обращая по пути местное население в христианскую веру»³.

Широкое историко-типологическое толкование даётся раннехристианским памятникам Восточного Причерноморья (IV-VII вв.) на фоне распространения христианства в монографии Л. Г. Хрушковой. Изложение в книге строится по историко-географическому принципу, особое внимание уделяется крупным центрам, например, приморским городским памятникам Апсолии Севастополю (совр. Сухум), Гюэносу, а также Драндскому храму и ранним

церквям нагорной Апсолии в районе Цебельды, в крепости Цибила. Здесь же хотелось бы обратить внимание на некоторые сделанные ею выводы. Так, автор, отстаивая мысль о том, что апсирь рано приобщились к христианству, в частности, описывая церковь №3, отмечает, что ее апсида имела полуциркулярную форму и не была пятигранной¹, как выяснили Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, которыми в результате дальнейших раскопок в Цибилиумском церковном комплексе были внесены существенные коррективы в отношении гранности внешней стороны апсиды церкви № 3. Проблема дефиниции датировки Цибилиумской крепости, построенной в эпоху Юстиниана в течение нескольких лет (Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба), исследователем поставлена под сомнение, что аргументируется наличием ряда неясностей, т.к. «такая и точная и узкая дата не находит подтверждения в письменных источниках»². В то же время, в условиях нарастания византийско-иранских противоречий появление оборонительной системы в Цебельде и в других крепостях Апсолии, как показал продолженный Ю. Н. Вороновым и О. Х. Бгажба анализ археологических материалов (закладных монет, фибул, обломков стеклянных сосудов, краснолаковой посуды и т.д.) в период правления Юстиниана, объясняет нам предназначение всего данного объекта³, т.е, с более корректной хронологией – VI в. Такую точность датировки, придав ей значимость, Э. Я. Николаева подтвердила и для крымских памятников ранневизантийской эпохи⁴. Рассмотрев политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н.э.–XIII в. н.э.),

¹ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. К интерпретации христианских памятников Апсолии // Абхазоведение (историческая серия). Вып. IV. Сухум, 2007. С.234, 244.

² Барциц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. Автореф. к кандид. диссертации. Нальчик, 2008. С.18.

³ Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. С.-Пб., 2007. С.103.

¹ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002. С.315.

² Там же. С.318.

³ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Крепость Цибилиум – один из узлов Кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // ВВ. 48. М., 1987. С.131.

⁴ Николаева Э.Я. Рец. на Ю.Н. Воронова, О.Х. Бгажба. Материалы по археологии Цебельды (Итоги исследований Цибилиума в 1978 – 1982 гг.) // СА. №2. М., 1989. С.271-273.

С. М. Шамба также датировал крепость Цибилиум по последним данным, 529–541 гг. т.е. VI веком¹.

Важное значение имеет тема хронологии некрополей Цебельды, ставшая в последние десятилетия в российской историографии предметом специального исследования. Наблюдается стремление разбить её на ряд локальных временных периодов с привязкой к европейской хронологии. Для определения датировки цебельдинских некрополей О. А. Гей и И. А. Бажан в работе «Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа)» обращаются к эпохе готских походов и к началу Великого переселения народов, которые были ориентированы на Рим и «вовлечены в общий поток ключевых исторических событий на западных и восточных границах империи, отразившихся и в памятниках археологии». Как отмечают исследователи, «это даёт уникальную возможность привязать к разработанной по материалам цебельдинских некрополей непрерывной шкале III–VI вв. н.э. не только некоторые кавказские памятники, но также крымские, черняховские и вельбарские, а полученную систему в целом - синхронизировать с системой европейской хронологии Г. Эггерса - К. Годловского»². В откорректированной форме реконструируется на фоне исторических событий эволюция некрополя в Цибилиуме (II–VII вв.) М. М. Казанским и А. В. Мاستыковой в соответствии с датами центрально- и западноевропейских, а также северопонтийских древностей, которые для датировки закрытых комплексов привлекают хронологию абхазских древностей, разработанную О. А. Гей и И. А. Бажаном. Погребения Цибилиума М. М. Казанским и А. В. Мастыковой были соотнесены с 11 хронологическими пери-

¹ Шамба С.М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н.э.-XIII в. н.э.). Автореф. к докторск. диссертации. Ереван, 1998. С.66.

² Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. С.52.

одами, объединёнными в IV стадии. Наиболее ранняя стадия относится к 170/200 – 330/340 гг., а поздняя–450-640/670 гг., разделяемая на периоды 9 (450-550) и 10-11 (530/550-640/670 гг), которые в хронологии восточноевропейских древностей соответствуют постгуннскому периоду и горизонту геральдических поясов¹.

Значительное место в публикациях уделяется изучению Цебельдинской культуре, её материальной стороне и носителям данной культуры. В статье О. Х. Бгажба «Цебельдинская экспедиция Ю. Н. Воронова» рассматриваются выводы, сделанные Ю. Н. Вороновым во время проведения Цебельдинской экспедиции. Так, например, «через сопоставление археологических данных и скупых летописных строк удалось подойти к решению важнейших вопросов истории Апсолии». Это – редкая в археологии удача, – отмечает автор, когда Ю. Н. Воронов с помощью раскопок доказал подлинность сообщения Прокопия Кесарийского о сражении между оккупировавшими летом 550 г. крепость персами и восставшими апсилами². «Что же касается апсильов, то на примере общины крепости Цибилиума археологически установлена преемственность её носителей на более чем 1500 летнем континуитете культуры (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.)», – отмечается в другой работе, посвящённой ранним этапам этнической истории абхазов³. Коснувшись преемственной связи апсильской культуры с предшествующими культурами – колхидской и кобанской, Г. К. Шамба обратил внимание, что «в истории археологии имеется много тому примеров, когда наблюдается возврат к более ранним формам орудий и оружия. Так, раскопки памятников Апсолии (I–VII вв.) показали, что основные руководящие формы этой вновь открытой культуры по существу есть почти

¹ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV «Крупновский чтения». Владикавказ, 2008. С.173.

² Бгажба О.Х. Цебельдинская экспедиция Ю.Н. Воронова // ЛА. Сухум, 1998. С.176.

³ Он же. Ранние этапы этнической истории абхазов.... С.113.

повторение (или реплика) местных изделий более раннего периода, т.е. эпохи поздней бронзы – раннего железа»¹. Более подробно Г. К. Шамба останавливается на анализе истории апсилов и их культуры в имеющей полемизирующий характер статье «Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племён в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии/Грузия», Тб., 1999)». В контексте критического анализа статей М. В. Барамидзе и М. П. Инадзе, взятых в качестве примера, исследователь, в частности, справедливо указал в ответ на статью М. П. Инадзе по поводу часто вспоминаемого грузинскими историками сильного влияния культуры лазов на культуру и язык апсилов, что «в развитии материальной культуры среди племён Кавказского Причерноморья выдающихся успехов добились апсило-абасгские племена»². Изучению метательного оружия (лук и стрелы, самострел) у абхазов и абазин в прошлом, а также развитию технологии изготовления собственного ратного оружия у абасгов, апсилов, мисимиян, зихов в тезисной форме посвящается работа Н. К. Шенкао³. Исследованию пряжек и поясных наборов Едысского могильника (VI – VII вв. н.э.) на фоне их распространения в Европе и Азии уделил внимание в своей статье Р. Г. Дзаттиаты. Изучая связи раннесредневекового населения Абхазии с северокавказскими народами, восточными и южными соседями, автор заметил, что «среди вещевого материала Цебельды и других памятников Абхазии выделяются поясные наборы, аналогичные нашим материалам». Особое внимание обращено на влияние кочевых народов Причерноморья на Цебельду, при этом интерпретирующая ссылка дается на работы Ю. Н. Во-

¹ Шамба Г.К. Древний Сухум. Сухум, 2005. С.41.

² Он же Г.К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племён в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии/Грузия»). Тб., 1999 // ВАНА, № 1, Сухум, 2005. С.92.

³ Шенкао Н.К. К вопросу изучения метательного оружия (лук и стрелы, самострел) у абхазов и абазин в прошлом // Тезисы докладов научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа З.В. Анчабадзе. Сухум, 2000. С.11.

ронова, В. А. Кузнецова, М. М. Трапш¹. Материалы Цебельдинской культуры получают освещение и в статьях И. О. Гавритухина, А. В. Пьянкова и Р. М. Рамишвили в книге «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV – XIII вв.)». Основной упор здесь делается на связь населения Цебельдинской культуры в III-IV вв. с населением Сочинского района по доступным отрывочным материалам из района Сочи, позволяющим об этом говорить, вплоть до сохранения этих связей в VI в., на значимость Цебельдинского (Цабалского) комплекса памятников и на сравнение многочисленных некрополей столицы апсилов и её округа, по мнению Р. М. Рамишвили, с Самтаврским могильником, а также на международную торговую связь, находясь на которой Цебельда со своей округой широко пользовалась привозными предметами, что и отражается в погребальных комплексах (II-VIII вв.). Правда, Р. М. Рамишвили обходит молчанием тему этногенетической принадлежности, выделенной анализом археологического материала Цебельдинской культуры, видимо полагая, что её носителями должны были являться западнотуркменские племена, тем более что автор стремится отразить самостоятельную историю абхазского народа в своей статье как часть общегрузинской истории². Кстати, этому периоду была посвящена работа Ю. Н. Воронова «Археологические древности и памятники Абхазии (V-XIV вв.)», в научном журнале «Проблемы истории, филологии и культуры. Т. XII. М.-Магнит., 2002», которая заслуживала право быть напечатанной в книге «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII вв.)», но была отклонена по требованию грузинских авторов. Отдельным исследовательским аспектом рассматривается в работе М. М. Казанского и А. В. Ма-

¹ Дзаттиаты Р.Г. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI–VII вв. н.э.) // Аланы: история и культура. III. Владикавказ, 1995. С.121.

² Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху раннего средневековья (IV–VIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII вв.), из серии «Археология». М., 2003.

стыковой «Погребения коней в Абхазии в позднее римское время и в эпоху Великого переселения народов». Акцентируя внимание на появлении захоронений коней у апсилов по хронологической шкале, авторы отмечают, что исчезновение конских погребений происходит в VI в., возможно из-за ускоренной христианизации абхазского населения, их появление у апсилов, особенно у привилегированной части населения, исследователями связывается с погребальным обрядом воинской элиты и с минимальной ролью влияния степных кочевых народов в гуннскую эпоху, т.е., появление конских погребений они связывают не с внешними влияниями, а с появлением военизированных элитных групп¹, что, вообще, справедливо.

Надо отметить работы, посвященные истории народного хозяйства и социально-экономическим отношениям в VI-X вв. Проведя большое исследование на основе фактического материала (археологического, этнологического, фольклорного и сообщений письменных источников), Г.А. Амичба уделил большое внимание жизни древних цебельдинцев и хозяйственному развитию самой Апсолии, а также экономике, находившейся в то время на подъеме. Затрагивая тему цебельдинских материалов и находок из погребений Ахаччараху, он подметил, что это «позволяет археологам говорить, что у апсилов этих мест на рубеже античности и средневековья были широко развиты скотоводство, земледелие, различные ремёсла, охота, военное дело и т.д.»². В контексте этнической преемственности кораксов с апсилами раскрываются основные аспекты истории апсилов и мисимиан в монографии О. В. Маана. Исследователь приходит к заключению, что Апсолия была не только «крупной в экономическом отношении областью на торговом пути», но также «являлась важным

¹ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С.152.

² Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. Сухум, 2002. С.178.

духовно-религиозным центром Абхазии – здесь располагался крупнейший Драндский собор, где находилась резиденция архиепископа Себастополя»¹. Весьма содержательными являются и другие работы автора, в которых Апсолия предстаёт как самостоятельное политическое образование, имевшее широкие торгово-экономические связи с сопредельными областями и другими государствами².

Особо следует выделить работу В. Е. Кварчия об исторической и современной топонимии Абхазии. На основе изучения топонимии Абхазии автор, в частности, исследует, что для нас очень важно, происхождение исторических названий, подлинную транскрипцию поселений, рек, гор, в том числе и на территории исторической Апсолии и Мисиминии (Атара, Бухлоон, Герзеул, Тусуме, Цибилуи и др.), соотнося их с историческими событиями³, которые порой могут быстро менять топонимические названия. Также необходимо отметить коллективный труд – монографию «Абхазы», изданную в издательстве «Наука» в 2007 г., (переиздана в 2012 г.), где отражены важнейшие этапы этнической истории абхазов, формирование этноса и т.д. В ряде авторских работ содержатся сведения об апсилах и Апсолии, об их этнополитической, социально-экономической и культурной истории (О. Х. Бгажба «Ранние этапы этнической истории». Г. А. Амичба «Средневековый период (IV–XVIII)», О. П. Дзидзария «Средства сообщения и передвижения», С. М. Сакания «Культовое зодчество средневековой Абхазии»). Большим событием стал также в 2007 г. выход в свет книги О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба «История Абхазии с древнейших времен до наших дней», дополненная последними данными новых исследований. Это первый основательный труд в послевоенное время,

¹ Маан О.В. Абжуа. Историко-этнологические очерки. Сухум, 2006. С.511.

² Он же. Гулрыпшский район Абхазии. Сухум, 2013; Он же. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум, 2012.

³ Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006.

охватывающий все периоды истории Абхазии. В основе издания лежит концепция рассмотрения истории абхазов и Абхазии не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими соседними народами и цивилизациями. «Судя по археологическим материалам, Апсилия была связана с Грецией, Сирией, Египтом, Карфагеном и многими другими культурными центрами», - отмечает О. Х. Бгажба¹. Следует отметить, что перед грузино-абхазской войной 1992-1993 гг. и в военный период было издано и переиздано учебное пособие по истории Абхазии (Сухум, 1991; Гудаута, 1993) с подробным освещением всех этапов исторического развития абхазского народа.

Таким образом, несмотря на проделанную специалистами большую работу по истории изучения Апсилии и апсильов, хронологии и интерпретации их памятников, остаётся, как отмечают современные исследователи, много спорных вопросов, требующих дальнейшего разрешения с привлечением новых данных на основе археологических исследований, а также в трактовке письменных и эпиграфических источников для решения таких проблем, как, например, особенности социально-экономического, этнокультурного и политического развития древних апсильов.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Римские позднеантичные источники.

Исторические источники об Абхазии и абхазах I – середины V вв. н.э. весьма многообразны, что, в свою очередь, показывает, насколько этот регион Кавказа являлся значимым для авторов летописных строк. В то же время не все источники, к сожалению, могут предоставить объективную, достоверную информацию по истории позднеантичной Абхазии. Характерной особенностью антич-

¹ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007. С.86.

ных источников как более раннего времени, так и позднего периода античности является их компилятивность и продолжавшаяся традиция следования мифу. Античная историография отличалась ограниченным кругом источников и индивидуальным характером исторического исследования. Информация весьма неравномерно освещала различные периоды и регионы. Более подробно рассказывалось о тех областях, с которыми греки, а впоследствии римляне имели тесные контакты¹. К сожалению, ни один труд осведомлённых историков позднеантичного времени не дошёл до нас полностью.

В античности не было системно функционирующей архивной службы, поэтому историки лишь эпизодически и случайно использовали документальный материал. В итоге, немногие греко-римские писатели той эпохи могли достаточно верно отразить по большей части этническую ситуацию и исторические события своей современности и «имевшие специальным заданием дать географическое описание таковых, подходили к осуществлению своих замыслов по определённому трафарету»². И по существующей античной традиции, которая продолжала бытовать и в историографии (даже во времена ранневизантийской эпохи), они древнеабхазское население Восточного Причерноморья, чтобы не усложнять себе работу, попросту продолжали часто по старинке, памятуя эпоху I тыс. до н.э., с рубежа н.э. называть то колхами, то гениохами, т.е. собирательными терминами – этнонимами, а территорию современной Абхазии именовали Колхидой, Себастополис-Диоскуриадой, преподнося одновременно сведения о них частенько в мифологической форме: Псевдо-Плутарх (конец I - начало II вв. н.э.) «О названиях рек и гор и об их произведениях»; Валерий Флакк (вторая половина I в. н.э.) «Аргонавтика»; Аммиан

¹ Источниковедение истории Древнего Востока // Под ред. В.И. Кузищина. М., 1984. С. 195.

² Меликсет – бек Л.М. По следам перипла Арриана // ТАИЯЛИ. Вып. XXX. Сухум, 1959. С.105.

Марцеллин (333 - 391 гг. н.э.) «Деяния»; Гигин (конец II в. н.э.) «Рассказы» и другие позднеантичные авторы.

Тем не менее, пережив на рубеже двух тысячелетий процесс упадка эллинистической культуры и начавшегося возрождения культуры в эпоху римского владычества, обитатели Восточного Причерноморья сразу оказались в центре внимания римских историков и географов.

В различных источниках тех времён мы находим первые сведения о древнеабхазских этнополитических объединениях – санигов, апсилов, абасгов. Что касается конкретно апсилов, то о них впервые, наряду с санигами, упоминает римский учёный Плиний Секунд (I в. н.э.), а далее, уже во II в. н.э., вместе с абасгами, – римский полководец Флавий Арриан (чьи сведения о Восточном Причерноморье легли в основу ряда научных разработок), римский грамматик Эвлий Геродиан, а также Стефан Византийский, автор V в., который называет их, исходя из какой-то античной традиции, «скифским племенем», живущим по соседству с лазами, и анонимный автор того же века, вошедший в литературу под именем Псевдо-Арриана.

Правда, «детальное изучение и сравнение изложенных в рукописи сведений приводят к убеждению, что географическое сочинение, называемое периплом Анонимного автора, ни что иное, как тот же перипл Арриана, расширенный и дополненный самим автором»¹, а также отрывками Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна, отредактированным в V или VI вв. неким составителем, повторившим сведения Арриана и других источников, добавившим лишь некоторые современные ему названия и все расстояния, которые были даны в стадиях, переведя их в мили.

В то же время, внимание вызывает упомянутый Флавием Аррианом, т.н. пункт Старая Лазика (у современного с. Ново-Михайловское Туапсинского района Российской Федерации), не

засвидетельствованный ни одним другим источником и не вписывающийся никак своим названием в дальний регион обитания адыгских племён (зихов). Он не может быть увязан с проживанием здесь лазов, вне той территории, где они локализируются античными авторами, поскольку те части его труда, которые касаются «остальных причерноморских областей, где Арриан лично не бывал, справедливо заподозрены критикой в отношении их подлинности и признаны позднейшими вставками и дополнениями»¹, соответственно, отдельные сведения Арриана вызывают недоверие. Это подтверждается и следующими противоречиями, перекочевавшими в средневековые и современные исторические произведения: разрыв между территорией абасгов и рекой Абаск, сомнительная принадлежность царя «зилхов» Стахемфака к эпохе Адриана и т.д.².

Таким образом, картина расселения вышедших из ахейско-геоихийских пределов племён, описанная Плинием и Аррианом, свидетельствует о значительных географических переменах, происшедших в период времени Страбона и до Арриана, т.е. за сто лет³.

Вообще же, при рассмотрении этих наиболее значимых на территории Восточного Причерноморья племён, носивших как собирательно-мифологический характер, так и наполненный конкретно этническим содержанием, большую роль играет фиксация в географических названиях языковых элементов абхазо-адыгского происхождения, как например, в античной транскрипции: Апсар, Акампсис и т.д, что, в свою очередь, указывает на связь «между апешлайцами ассирийских источников и апсилами позднеантичных авторов»⁴. Для нас очень важно, что этим подтверждается существование этно-культурной преемственности в I тыс. до н. э.: «Из разных источников тех времён и, прежде всего Плиния Старшего,

¹ Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С.85.

¹ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... Сухум, 1998. С.42.

² Там же. С.42.

³ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С.187.

⁴ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия.... С.35.

Флавия Арриана и других авторов известно, что аборигенные племена не только не были поглощены и растворены в эти решающие моменты истории, но стали ещё более выкристаллизовываться: происходит чёткое выделение от прежних, нередко грецизированных племенных наименований их подлинных самоназваний, этимологизирующих с помощью абхазского языка. Отныне во главе этих племён становятся апсилы и абасги – прямые предки современных абхазов, своими корнями восходящими в глубокую древность Кавказского Причерноморья»¹.

Таким образом, апсил – древнейшее (после абешла и Апсар) абхазское слово, закреплённое в письменных документах две тысячи лет тому назад² и как можно видеть, исходя из совокупности всех сведений, включающих сюда греческие и римские письменные источники, апсилы являлись у одних античных авторов скифским племенем, локализуемым в районе Диоскуриады, у других – кавказским племенем, размещённым севернее колхов, в устье р. Коракс (совр. Кодор). В связи с чем «древнегреческие географы называли их кораксами»³.

Ранневизантийские источники.

В VI в. в письменных источниках довольно часто появляются упоминания об апсилах. Это византийские ранние источники. К этому времени «этнополитическое положение Абхазии в раннее средневековье было сложным. В регионе безраздельно доминировала Византия»⁴, что не осталось незамеченным в византийской историографии. По мнению Андре Гийу, «историю в Визан-

тии рассказывали двумя способами: через описание событий какого-либо правления или периода или посредством мировой хроники»¹. Для Абхазии, в частности Апсолии, более подходит первый способ.

Наиболее полные и достоверные историко-географические сведения об апсилах содержатся у Прокопия Кесарийского в восьмой книге его «Войны с готами», написанной в 554 г. н.э. Живя в период правления императора Юстиниана, Прокопий стремился отобразить историю Византии так, где все описываемые им события прямо или косвенно были связаны с именем императора. «Прокопий берётся за перо, ибо убеждён, что никто другой не расскажет о войнах Юстиниана I подробнее, правдивее и лучше, чем он сам»². Прокопий стремится больше показать внутреннюю ситуацию у абасгов и апсиров, как их строптивость, так и лояльность к Восточно-римской империи на фоне происходившей перманентной войны, дать понять читателю, что империя не была безучастна к жизни и тех народов, которых он считал варварами, вкладывая по обыкновению в это слово смысл – «чужие, не римляне»³. Это довольно подробное описание абазского-апсиро-мисимианско-византийских восстаний, происходивших в середине VI в., в период ирано-византийских войн, в том числе, и на территории Абхазии/Целью византийской политики являлся захват геополитического пространства в Западнокавказском регионе, строительство цепи укреплений, составивших Кавказский внутренний лимес, именуемый у летописца часто как «Клисура», крещение предков абхазов и т.д.⁴.

¹ Андре Гийу. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2007. С.338.

² Чичуров И.С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (VI- начало IXв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Вып.5. М., 1981. С.28.

³ Величко А.М. История Византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия I. М., 2012. С.175.

⁴ Прокопий Кесарийский Война с готами. О постройках. М.,1996; Он же. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.

¹ Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии до н.э. ...С.199.

² Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов... С.220.

³ Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С.142.

⁴ Амичба Г.А. Средневековый период (IV–XVIII вв.) в книге «Абхазы». Издание второе, исправленное. М., 2012. С.65.

Его труд был продолжен и доведён до 558 г. ритором Агафием Миринейским¹. Его «История» в отличие от «Истории войн» Прокопия, в которой, по его мнению, «большая часть событий времён Юстиниана точно описана ритором из Кесарии Прокопием»², привлекает внимание, тем, что «апсильцы им упоминаются в связи с отсутствовавшим до этого на местной этнокарте племени мисимиан»³. В своём историческом сочинении автор немало места отвёл войне в Лазике, в том числе и событиям в Абхазии 554 – 555 гг., связанных с борьбой мисимиан против Византии⁴. Несомненно, сведения Агафия существенно конкретизируют и дополняют картину, набросанную Прокопием Кесарийским. Как заметил в своё время византист М. В. Бибилов, «описательность – другая характерная особенность византийских наименований народов: риторическому стилю повествования присуща замена этнонимов описательными выражениями»⁵. И труд Агафия в этом не исключение.

Дальнейшие события были освещены в труде Менандра Протиктора, занимавшего высокий пост в имперской администрации и потому хорошо информированного. Этот труд охватывает время от последних лет правления Юстиниана до царствования Тиберия I включительно (558-582 гг.). К сожалению, полностью он не сохранился и известен только в отрывках. Но и в них можно найти кое-какие исторические сведения об Абхазии, подтверждающие и дополняющие сведения Прокопия и Агафия. Для нас интересно описание Менандром обратного пути в 60 гг. VI в. византийского дипломата Зимарха.

Следует отметить, что информация об апсилах в источниках VI в. имеется также в XXXI новелле Юстиниана. В VIII в. о них писал византийский историк Феофан Хронограф, в связи с вторжением арабов в Апсилию и занятием ими крепости Сидерон. Здесь у него

¹ Андре Гийу. Византийская цивилизация ... С.339.

² Чичуров И.С. Место «Хронографии» Феофана... С.24.

³ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия.... С.56.

⁴ Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М., 1996.

⁵ Бибилов М.В. К изучению византийской этнонимии // ВО. М., 1982. С.152.

византийцы и апсилы выступают как верные союзники. Также хотелось бы остановиться на одном описании, содержащем важные сведения об апсилах и связанных с ними мисимианах. Это источник VII в., в основу которого положены письмо Анастасия Апокрисария и мемуары Феодосия Гангрского. Нельзя не указать и письменный источник менее всего изученный, написанный на рубеже VII–VIII вв., а именно «Космография» Равеннского анонима, в котором вместе со страной Абасгией отмечена страна Абсилия и река Абсалис¹, вероятно р. Кодор, но не как граница между ними.

Таким образом, ранневизантийская историческая литература, при всей своей имперской направленности, в описании событий, происходивших на территории современной Абхазии, имеет для нас огромное значение, поскольку благодаря таким историкам древности, как Зосим, Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Менандр Протиктор, Феофан Исповедник и др., мы получили ту историю, которая дошла до наших времён. Тем самым, ранневизантийская историческая литература при критическом подходе стала бесценным главным источником (из письменных) по данному периоду в изучении истории древней Абхазии, опережая по своей важности древнегрузинские и армянские средневековые источники.

Средневековые источники.

Из средневековых источников, в первую очередь, следовало бы отметить армянские и грузинские. Сведения в них об абхазах и их территории лапидарны и сводятся, в основном, к средневековой политической истории Абхазии. Так, в «Армянской географии VII века» («Ашхарацуйц») фиксируется этнополитическая граница по р. Ингур между Апсилией и Лазикой и проживание на территории страны абазгов, апсиров и абхазов². В следующем источнике

¹ Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С.191-192.

² Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного хозяйства. Ч. 226. Пер. Патканов П. С.-Пб., 1883. С.30.

армянского автора X в. Шапуха Багратуни также имеются сведения по истории Абхазии для рубежа VI–VII вв. В нём он отмечает захватнический характер политики Византии в Западном Закавказье: «Протягивая руки на восток, Морик [византийский император Маврикий] захватил земли армян, агван и абхазов, властвуя, и на западе, и на юге»¹. Отличительной чертой древнегрузинских источников в отношении Абхазии является описание агрессивной политики арабов на Кавказе и общей борьбы грузинского и абхазского населения с захватчиками. В анонимном сочинении «Мученичество и деяния святых и славных Давида и Константина» повествуется о борьбе населения Аргветской области с арабами в середине 30-х гг. VIII в. в связи с разорительным нашествием Мурвана Кру. Установлено, что события, связанные с этим нашествием, были описаны в VIII же веке². «И покорил [он] крепости и города, опустошил их, сделал непроходимыми и безлюдными земли мегрелов и абхазов. И когда увидел Мурван Кру все, что постигло его (имеется в виду вышеназванное стихийное бедствие), сильно винил себя и своих советников из-за вступления в эту изобилующую теснинами и покрытую лесами страну [Мегрелия]; и снялся [с этого места] и расположился лагерем у Питиоты (Пицунда), в городе на морском побережье, именуемом Цхуми...»³. У древнегрузинского историка XI в. Джуаншера Джуаншериани «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии») тоже большое внимание уделено походу в начале VIII в. арабского военачальника Мурвана Кру (Глухого) в Грузию, а затем в Абхазию. Правда, он уточняет, что Цхуми был городом в Апсилии или, как он её называет на грузинский лад, Апшилети: «И как только прошёл Глухой Клисору, которая была в

¹ Цит. по; Хонелия Р.А. Некоторые вопросы политической истории Абхазии VI–VIII вв. по данным армянских источников // СНРА. Сухуми, 1967.

² Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты перевел, собрал, предисловием и комментариями снабдил Г.А. Амичба. Сухум, 1986. С..5.

³ Там же... С..5.

ту пору рубежом между Грецией и Грузией, разгромил город Апшилети Цхуми и подступил к крепости Анакопии»¹. Заметим, Клисора здесь выступает не как р. Келасур, а как ранневизантийский оборонительный рубеж, по всей видимости, в Западной Грузии.

Между тем, следует заметить, к ряду средневековых древнегрузинских и армянских источников позднего периода X – XI вв., следует относиться осторожно, так они включают массу легендарного и лапидарного материала. В этой связи очень хорошо заметил известный немецкий альпинист и географ Готфрид Мерцбахер: «Грузинская летопись часто представляет собой смесь басен и анахронизмов; ей недостаёт точности, она часто прибегает к помощи персидских и армянских источников, а потому на ней нельзя основывать прочной хронологии. Известная доля национального самолюбия побуждала составителей подобных документов нередко помешать самые бессмысленные вещи»². А.П. Новосельцев справедливо отметил, имея в виду древнегрузинского писателя XI в. Леонтия Мровели, что даже если он и пользовался какими-то источниками V–VI вв., реальных событий, происходивших задолго до него, знать не мог³. Отчасти, считаем, это может относиться и к сведениям, представленным Джуаншером Джуаншериани, которые нуждаются в уточнении.

Вместе с тем, фиксация этнонима «апсил», что интересно, отмечена и в более позднее время. Здесь следует, для начала, рассказать о выходе из Абхазии Ипшир-паши. В отличие от большинства других абаз, «известно к какому именно абхазскому племени или клану он принадлежал». Имеется даже два указания: Челеби говорит, что он принадлежит к племени Хиси (что для нас важно

¹ Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. Тб., 1986. С..103.

² Готфрид Мерцбахер. К этнографии обитателей Кавказских Альп // Кавказ. Выпуск VIII. Племена, нравы, язык. Нальчик, 2011. С.244

³ Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980. С..167.

– В.Н.), а Альфред Шмуэли, цитируя османский документ, отмечает, что Ипшир – паша «происходит из племени Апсил из Абхаса»¹. Также об апсилах пишет турецкий учёный начала XIX в. Фераизи. Опираясь на свидетельства своих предшественников, он указывает на разгром абхазов и апшилов турками в 1440 г.². Давая перечень сёл, Иоганн Антон Гильденштедт обозначает село под номером 31 Апсилы (География Мингрелии)³.

Таким образом, историографическая мысль ранневизантийского времени не ограничивалась только византийской исторической литературой. Для истории нашей страны очень важными являются сведения, представленные в средневековой армянской и грузинской источниковедческой литературе, и эпиграфическими данными. Так, анализ ранневизантийских и средневековых источников считается одним из наиболее трудных, а где-то даже и деликатных моментов в изучении древней истории Абхазии, которая богата на различные события, связанные, в первую очередь, с формированием самого древнеабхазского этноса.

Поэтому так важен правильный, неподобострастный анализ письменных источников, который бы соответствовал общепризнанной концепции, доказывающей, что абхазский народ сам в прошлом выстраивал собственную модель развития своей территории, взаимодействуя с соседними народами и державами, сохраняя, при этом, свой этнокультурный стержень. Прежде всего, скрупулезный анализ этих источников, в совокупности с вещественными и другими источниками, лишённый всякой предвзятости, даёт нам полную картину кипучей политической, социально-экономической жизни Западного Закавказья.

¹ Хотко С.А. История Черкесии в середине века и новое время. СПб., 2001. С.455.

² Шенгелия Н.Н. Османские источники по истории Грузии XV-XIX вв. Тб., 1974 (резюме на русском языке). С.251.

³ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С.201.

АПСИЛЫ. НА РАННЕМ ЭТАПЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (I – V вв.).

Этнополитическая обстановка в Восточном Причерноморье в период Римской империи

Бурные события, происходившие в конце I тысячелетия до н.э. на территории Малой Азии и Восточного Причерноморья, стали ключевыми для ранней истории племён, которые, находясь на периферии античной цивилизации, шагнули вместе с остальным этно-племенным миром в неспокойное первое тысячелетие нашей эры. В это время гениохийский племенной союз окончательно распался. Из него выделился ряд древнеабхазских этнополитических объединений: апсиров, санигов, абасгов.

Как известно, любое историческое исследование должно неизбежно начинаться в зависимости от источников, на которых основывается. Несмотря на тот факт, что появление в позднеантичных источниках названий означенных объединений чередуется с незначительными сведениями о них самих, они, в то же время, содержат ценную информацию по этнополитической ситуации в Восточном Причерноморье. Так с начала II в. н.э. римский наместник императора Адриана Флавий Арриан даёт общую политическую информацию по каждому этнообъединению, которые фигурируют у него как βασιλεία («царства»). Они все равны, в то же время, «царство» апсиров являлось более ранним¹. Стоит заметить, что появление непосредственно апсиров, по данным археологиче-

¹ Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998. С.4.

ских раскопок на Цибилиумском могильнике, следует датировать уже со II в. до н.э. по выявленному II ярусу (II в. до н.э. – II в. н.э.)¹, что важно для нашего исследования, поскольку данный факт противоречит искусственно выдуманной «теории двуаборигенности» и, в частности, подтверждает глубокие этногенетические корни древнеабхазского населения на территории Восточного Причерноморья с древних времен. Ряд абхазских исследователей (Ю. Н. Воронов и др.) полагают, что апсилы бытовали в Колхиде и ранее, на что указывают сообщения древнегреческих авторов Ксенофонта (V в. до н.э.) и Гиппократ (V–IV вв. до н.э.) в связи с их упоминанием в Центральной Колхиде этнонима фасиани, близкого по своему созвучию с апсилами².

Но вернёмся к Флавию Арриану. Следует отметить, что упомянутая им система политического устройства в Восточном Причерноморье была в какой-то степени универсальной, если оглянуться на несколько веков назад, в эпоху конца эллинизма, столь ярко описанную греческим географом Страбоном в «Географии». Только Страбон, живя в эпоху конца эллинизма (I в. до н.э.), донёс до нас достаточно ценную информацию о жизни причерноморских племён Колхиды того времени. После него никто, как известно, столь ярко не раскрыл структуру общества в последних веках до нашей эры. Как справедливо заметил Л. А. Ельницкий, Страбон, «будучи каппадокийским уроженцем, был достаточно сведущ в кавказской географии, поэтому описание внутренних областей Кавказа, а также и его черноморского побережья, ставшего более известным с тех пор, как по нему прошел на север Митридат, спасаясь от преследования Помпея, исполнено им со значительной полнотой»³.

¹ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Материалы по культуре апсильев II в. до н.э. – II в. н.э. // ТАГУ. Т.6. Сухуми, 1988; Бгажба О.Х. Цебельдинская экспедиция Юрия Воронова (вместо предисловия) в книге: Ю.Н. Воронов Могилы апсильев. Пушчино, 2003. С.6.

² Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. С.139-140.

³ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С.146.

Страбон пишет: «После крушения могущества Митридата вся его держава (т.е. Понтийское царство- В.Н.) распалась и была разделена между многими правителями. В конце концов, Колхидой завладел Полемон, а после смерти последнего правила супруга его Пифодорида, которая была царицей колхов, городов Трапезунта и Фарнакии и лежащих выше варварских областей» (Страбон. Кн. XI, II, 18). В результате, в начале нашей эры под властью Пифодориды находилось всё юго-восточное Причерноморье, а сама она являлась вассалом Римской империи¹, которая разгромила войско Митридата, начав усиление здесь своего влияния.

Благодаря победе Помпея над Митридатом, римская власть теперь распространилась с запада на восток от Испании до Ефрата, а с севера на юг – от берегов Понта Эвксинского до пустынь Египта². Этот победный триумф Плутарх описывает так: «На досках, которые несли во главе триумфального шествия Помпея, были написаны имена царств, над которыми он одержал победу. Там были следующие: Понтийское царство, Армения, Колхида, Иберия, Албания и др.». Как видно, в список царств была включена и Колхида, тем самым как бы подчёркивался её политический вес, который она имела в то время в этом регионе Западного Кавказа для будущей римской экспансии на побережье Чёрного моря. Неслучайно римляне поставили здесь правителем некоего Аристарха.

Таким образом, империей был сделан первый шаг по колонизации Западного Закавказья. В 63 г. Нерон аннулировал эфемерную независимость Понтийского царства и Колхида стала зависимой страной, которая управлялась местными правителями, назначавшимися с согласия Рима. Формально она входила в состав римских провинций – сначала Полемоновского Понта, а затем Каппадокии. Несмотря на это, греко-римское полисное устройство в Колхиде проявилось слабо, и страна, как и раньше, в основном жила само-

¹ Трапш М.М. Древний Сухуми. Труды: в 4-х томах. Т.2. Сухуми, 1969. С.287.

² Молев Е.А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003. С.254.

стоятельной жизнью, поддерживая с Римом лишь незначительные связи. Самого же римского провинциального управления в Колхиде пока ещё создано не было. С этого времени, можно считать, начинается новая история для местного населения Колхиды.

Согласно раннеримским источникам, гениохи, колхи, племя тавров, босфораны, и народы, живущие вокруг Понта и Меотийского озера, были вовлечены в сложную, а местами и жестокую геополитическую игру сверхдержавы той эпохи. Колхида оказывается разделённой на отдельные «царства». Это привело к тому, что в конце I – начале II вв. н.э. на территории Западного Закавказья появились новые этнические, уже известные нам наименования. Н. Г. Волкова справедливо заметила, что «закономерности развития этнонимов таковы, что они всегда обусловлены той конкретной исторической эпохой, в условиях которой существует и развивается этнос и связанная с ним этническая номенклатура. Изменения в исторической обстановке нередко влекут за собой и изменения соответствующих этнических названий, исчезновение одних и появление других»¹.

Между тем, в начале I тыс. н.э., сохраняя свою этноиндентичность, древнеабхазские этнообъединения: саниги, апсилы, абасги, имеющие под собой общие глубокие генетические корни, были территориально между собой обособлены, в связи с чем их развитие происходило в условиях традиционно-культурно-бытового своеобразия в рамках своего региона, определяя, в то же время в нём, надо думать, свою этническую принадлежность.

В качестве возможного примера можно привести садзов XIX в. Они, проживая в прибрежной полосе между Мацестой и Гагрой, чётко определяли свою этническую принадлежность как «садз», не смешивая её с другими группами абхазского населения². Что

¹ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С.5.

² Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // ДС. Вып. 1. М., 2012. С.31

же касается конкретно апсилов, то они в I–II вв. н.э. «заселяли значительную часть Колхиды к северу от Фасиса до Себастополиса, что подтверждается археологическими материалами»¹ (фибулами, браслетами, наконечниками копий, мечами, керамическими изделиями, обрядом кремации)².

Следовательно, современные южно-абхазские земли, куда входили две ведущие провинции позднесредневековой Абхазии, Гума и Абжуаа, составляли юго-восточную часть территории расселения апсилов. Они, надо полагать, вместе с абасгами и санигами, согласно сообщению Флавия Арриана, проживали вблизи моря, в прибрежной полосе, хотя археологические материалы указывают и на предгорный район.

Следует отметить, что Арриан, в отличие от Плиния Секунда, упомянувшего «*племя абсилов, крепость Себастополис, реки Сигания, Тера, Астельф, Хрисороас, находившиеся на территории Апсильи*»³, размещает у этой крепости, что неожиданно, санигов, «с апсилами граничат абаски... рядом с абасками – саниги, в земле которых лежит Севастополь»⁴. Видимо, для Арриана не имела принципиального значения точная локализация древнеабхазских этнообъединений, поскольку она в то время менялась. В то же время, ряд исследователей полагает: «анализ источников показывает, что пункт этот расположен был в действительности в «земле апсилов» и при Арриане»⁵. То, что апсилы могли проживать в районе Себастополиса, мы находим и у Л. Г. Хрушковой, которая также отмечает, что, в действительности, в том месте, где был располо-

¹ Бгажба О.Х. Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007. С.82.

² Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. С.135.

³ Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). Сухуми, 1989. С.139.

⁴ Цит. по: Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Составители: Патракова В.Ф., Черноус В.В. Ростов-н-Д., 1990. С.311.

⁵ Леквинадзе В.А. Монументальные памятники Западной Грузии I–VII вв. Автореф. на соискание учёной степени д.и.н. М., 1973. С.10.

жен Севастополис и жили саниги, по Арриану, «более вероятно, что там жили апсилы»¹. По данным Флавия Арриана, вопрос о границах населения Восточного Причерноморья однозначно решён быть не может. Так, Флавий Арриан упоминает к западу от Питиунта гидроним Абаск, который нет никаких оснований отрывать от абасгов и сопоставляемый обычно с рр. Бзыбь или Псоу. В свою очередь, это заставляет предполагать присутствие абасгов северо-западнее Севастополиса (Сухума) до южных границ проживания санигов (приблизительно, в районе р. Псоу). Этот очевидный факт перекрывает реконструированную карту Римской империи 211 г. н.э. конца царствования Септимия Севера, которая находится в Римском музее в г. Манхинг (Германия). В ней, скорее всего, ошибочно, в частности, даётся расселение апсиров и абасгов. Так, последние локализованы от р. Ингур до Севастополиса, в то время как апсилы – от р. до Ингур, с чем согласиться невозможно. Правда, надо отдать должное карте, апсилы верно локализируются от р. Фасис².

Между тем, по мнению Ю. Н. Воронова, локализация Диоскуриады-Севастополиса на территории санигов должна быть объяснена какой-то традицией, некогда объединявшей все население региона под названием «саниги», и восходящей, скорее всего, к источникам Страбона, которые помещали в этой местности соанов-санегов³. Ещё в своей самой ранней работе Ю. Н. Воронов высказал интересную мысль, что абасги являлись, видимо, прежде частью апсиров или санигов, скорее санигов, поскольку абазги, проживавшие в районе Нового Афона в V–VI вв. н.э., сохранили характерную для санигов керамику с белой кристаллической примесью, выпадающей на поверхности, тогда как ке-

¹ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002. С.36.

² <http://brilliantmaps.com/roman-empire-211/>

³ Воронов Ю.Н. Древняя Аспилия. Источники. Историография. Археология. Сухум, 1998. С.43.

рамический материал апсиров (Очамчира, Атар, Цебельда) не имеет этого признака¹.

Возможно, что когда Флавий Арриан давал описание обитателей Восточного Причерноморья, случайно, не вдаваясь в излишние подробности, санигов, живших намного западнее Севастополиса, он увязал с абасгами, поместив абасгов в тот район, где жили апсилы, тем более что и саниги, и абасги ещё недавно, в I в. н.э., представляли собой одно этнообъединение. Поэтому на ограниченной приморской территории современной Абхазии, судя по письменному источнику Флавия Арриана, проживали во II в. н.э. вместе уже три самостоятельных древнеабхазских этнообъединения.

Здесь же следовало бы отметить и один момент. Так, среди некоторых современных абхазских историков бытует неверное мнение, что абасги упоминаются ещё в III в. до н.э. древнегреческим писателем Ликофроном в поэме «Александра» в форме «абасг». Между тем, было бы странно, чтобы греческий поэт и грамматик, создатель анаграмм, живший в Египте, мог знать абасгов. Зададимся вопросом, почему об абасгах не писали географы и историки, которые жили в его время и после него – Дионисий, Страбон, Помпоний Мела, Плиний Секунд и др.? Кстати, поэма «Александра» – одно из самых сложных для чтения произведений классической литературы, никто не может её прочесть без соответствующих комментариев, но даже они не сильно облегчают труд. В византийский период это произведение было очень популярно: его читали и очень часто комментировали, а различные авторы цитировали строки из него. Сохранились два пояснительных пересказа поэмы, а также коллекция комментариев братьев Цец, т.е. схолии, где в некоторых из них имеется поздняя вставка, сделанная Иоанном Цецом (XII в. н.э.) с упоминанием об абасгах. Как хорошо известно, Плиний Секунд упоминает в I в. н.э. на территории современной Абхазии только санигов и апсиров, последних в окрестностях г. Севастополис (Плиний, Кн. VI, IV.14.), а абасги появляются только в

¹ Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969. С.77.

письменных источниках со II в. н.э. в перипле «Объезд Эвксинского Понта» Флавия Арриана (Арриан, 15).

Итак, стремясь защитить малоазийские земли от набегов врагов, постоянно вторгавшихся через Колхиду, Рим на рубеже нашей эры тратил огромные усилия на укрепление своих границ на Восточном побережье Чёрного моря¹. Укрепившись на чужой земле ограниченными площадями приморских крепостей – кастеллов, империя вскоре проникла во все сферы жизни местных племён, приспособлявая их возможности к выполнению своих тактических задач. По данным археологии, в 1959 г. в западной части Сухумской крепости были открыты остатки жилого дома со стенами римского периода, выложенными из булыжника на известковом растворе и двор с хозяйственным помещением и колодцем². В частности, в письме Митридата VI к парфянскому царю Аршаку, приводимом римским писателем, как нигде полно отражается сущность римской захватнической политики: «*Ведь у римлян есть лишь одно, и притом давнее, основание для войн со всеми племенами, народами, царями – глубоко укоренившееся в них желание владычества и богатств*» (Крисп, История. VI, 6).

Таким образом, в истории Западного Закавказья, начиная с I в. н.э., можно выделить два взаимосвязанных друг с другом периода, отразившихся на хозяйственном укладе и быте местного населения: начало установления римского влияния в регионе и, начиная с VI в., прохождение торговых путей (так называемых ответвлений) Великого шёлкового пути через древнюю Апсилию к одному из главных опорных пунктов Римской империи в Восточном Причерноморье – к крепости Севастополис.

Надо заметить, что покорение Западного Закавказья Римской империей носило определённый (конкретный) и в то же время

специфический (для данного региона Кавказа) характер, поскольку он представлял для римской колониационной политики большую стратегическую ценность. Западное Закавказье являлось и буферной зоной, и тыловым районом в стремлении римлян к расширению своего влияния на соседние территории, особенно в период римско-парфянских противоречий, которые долго оставались главной проблемой восточной политики Римского государства¹. Римская империя, тем не менее, здесь отходит от практики полного порабощения местного населения, добиваясь некоторого баланса и равновесия в местной этносреде, проводя политику умиротворения, главной целью которой, возможно, была полная стабилизация границы при внешней экспансии. Во многом, как представляется, такая позиция со стороны ведущей державы древнего мира связана была со стремлением сделать торговлю безопасной и доступной. К тому же, «война на Кавказе была чрезвычайно невыгодна для римлян из-за их неумения воевать в горах, о чем убедительно свидетельствует как опыт Марка Антония против парфян, так и события 54–63 гг. н. э.»². Вместе с тем, стремясь здесь закрепиться, Рим ставит своей задачей обеспечить навигацию по Чёрному морю, поэтому римские вооружённые силы занимают ряд пунктов на Черноморском побережье³ для дальнейшего строительства там мощных фортификационных объектов. Для римлян очень важна была связь с морем, поэтому свои укрепления они стремятся строить на побережье⁴. Византийцы же, наоборот, в отличие от римлян, стремились максимально колонизовать Причерноморский регион вдали от моря.

Соответственно, земля апсильов, простиравшаяся, как известно, до реки Фасис (Риони), не могла не попасть в поле зрения заво-

¹ Габелия А.Н. Севастополис – укрепление Понтийского лимеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. С.376.

² Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Севастополис-Цхум в книге: «Научные труды». Т. IV. Сухум, 2014. С.232.

¹ Беликов А.П. Рим и Парфия: Истоки взаимного неприятия // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С.52.

² Шмалько А.В. Восточный поход Нерона // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990. С.88.

³ Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С.231.

⁴ Леквинадзе В.А. «Понтийский лимес» // ВДИ. №2. М., 1969. С.91.

евателей, как стратегически важный регион, связанный перевалами Главного Кавказского хребта с Северным Кавказом, представлявшими одновременно большую опасность, поскольку по ним к жизненно важным для римлян центрам Колхиды прорывались воинственные аланы и другие северокавказские племена¹. Именно с этой целью, в частности, сюда, по поручению римского императора Адриана, был направлен Флавий Арриан, в первую очередь, в рамках антипарфянской политики, т.е. для укрепления римских кастелл и их гарнизонов. Как свидетельствует сухумская надпись (датированная II в. н.э.) Флавий Арриан, как легат императора Адриана, укрепил римский военный лагерь в Себастополисе².

Флавий Арриан (Квинт Эппий Флавий Арриан) родился в непосредственной близости от Западного Закавказья – в малоазийском городе Никомедия в Вифинии и в течение ряда лет (131-137 гг.) управлял в качестве наместника провинцией Каппадокия. Об этом, в частности, свидетельствует греческий историк рубежа I–II вв. н.э. Дион Кассий в своей Римской истории, рассказывая о войне, начавшейся в земле албанов Фарасманом Иберским, которая коснулась не только Мидии, но также Армении и Каппадокии. Вскоре война прекратилась. Одной из причин её окончания явилось то, что албаны испугались правителя Каппадокии Флавия Арриана³. По мнению Л. Н. Ельницкого, «из сообщения Диона Кассия явствует, что Арриан в бытность правителем Каппадокии организовал защиту этой провинции и прилежащих областей от нападений аланов, грабивших Армению и Каппадокию при попустительстве иберийского царя Фарасмана II»⁴. Как известно, аланы

¹ Воронов Ю.Н. Древнеабхазские племена в римско-византийскую эпоху в книге «История Абхазии». Сухум, 1991. С. 47.

² Ельницкий Л.Н. О малоизученных и утраченных греческих и латинских надписях Закавказья // ВДИ. №2. М., 1964. С.139.

³ Цит по: Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С. 366.

⁴ Ельницкий Л.Н. О малоизученных и утраченных греческих и латинских надписях Закавказья.... С.139.

были совершенно особым сарматским племенем, имя которого стало собирательным для других варваров гораздо позднее, когда они во II в. сделались самым грозным противником понтийского эллинизма, закавказских государств и Римской империи¹.

Здесь же следует отметить, что к тому времени, когда Арриан появился у отрогов кавказского хребта, во II в. н.э. римская Каппадокия включала в себя Полемонов и Галатский Понт, Малую Армению, черноморское побережье до Себастополиса, представляя «крайний северо-восточный бастион империи, обращённый к Кавказу»². С введением же при императоре Веспасиане в 69-70 гг. н.э. в провинцию Каппадокию (бывшее Понтийское царство) двух дополнительных легионов («Апполонов» и «Молниеносный») дало возможность римлянам начать размещение в Восточном Причерноморье регулярных войск. Нельзя исключать, что здесь могли находиться и ауксиларии, т.е. вспомогательное войско, которое римляне набирали из подвластных им народов.

Согласно римскому историку Иосифу Флавию (ок. 37 – ок. 100 гг.), если в середине I в. н.э. мир на всём Чёрном море поддерживался с помощью трёх тысяч гоплитов (тяжеловооружённых легионеров) и сорока военных кораблей³, то с началом строительства т.н. «Понтийского лимеса» общая численность римских солдат стала резко увеличиваться, достигнув пяти-шести тысяч воинов, занимавших полтора десятков крепостей⁴. Себастополис, основанный на месте милетской колонии Диоскуриада (VI в. до н.э.), стал важным звеном лимеса⁵. При этом ранее существовавшие крепости, доставшиеся в наследство римлянам от греческой колонизации данного региона, дополнительно укрепили мощными

¹ Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. №2. М., 1994. С.159.

² Перевалов С.М. Арриан у ворот Кавказа // ПИФК. М.-Магнитогорск, 2001. С.283.

³ Флавий Иосиф. О войне иудейской // ВДИ. №4. М., 1947. С.276.

⁴ Габелия А.Н. Себастополис – укрепление Понтийского лимеса... С.380.

⁵ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён.... С.77

оборонительными стенами и башнями, сложенными из обожженного кирпича¹. В то же время, «греческие города восточно-причерноморского побережья, игравшие роль торгово-ремесленных центров в эллинистический период, в римское время приобретают значение опорных крепостей с постоянными римскими гарнизонами»² (кастеллы). В кастеллы, как мы знаем, местное население, в отличие от канаб (поселений), прилагавшихся к крепостям, не допускалось.

В этой связи будет уместным подробнее рассказать об организованной системе обороны восточной границы, которую В. А. Левкинадзе выделил в особый лимес и дал ей название «Limes Ponticus («Понтийский лимес»», по аналогии с лимесами в других регионах империи³. Общеизвестно, что лимесом (лат. Limes), чаще всего, называют пограничные оборонительные сооружения в области между Рейном и Дунаем (в Центральной Германии) и между Дунаем и Черным морем (в Добрудже)⁴. В. А. Левкинадзе полагал, что его главной функцией была защита морских коммуникаций в черноморском бассейне⁵. Несмотря на то, что сами римляне не использовали данное понятие, т.е. «Понтийский лимес», тем не менее, оно прижилось в литературе и им стали пользоваться, в частности, О. Лордкипанидзе, Х. Бракманн, Д. Браунд, другие же авторы, например, К. Цукерман, Н. Ломоури не согласны с данным понятием⁶. Вместе с тем, поскольку функции лимеса являлись более широкими и его строительство было нацелено на поддержание римского господства в Восточном Причерноморье, он, скорее всего, вместе с Каппадокийским представлял собой единую кор-

донную линию «Кавказский лимес», с двумя участками – Понтийским и Армянским¹. Но одно бесспорно, что в конце I – начале VI вв. в Восточном Причерноморье существовала сложная система прибрежных римских укреплений².

Таким образом, появляется новая, более усложнённая и практическая оборонительная система, призванная контролировать всё восточно-причерноморское побережье, главным элементом которой стала кастелла – четырёхугольная пограничная крепость, входившая в систему лимесов, с примыкавшей к ней канабе (поселением). Так, «Арриан отмечает наличие римских гарнизонов в пяти стратегических пунктах в направлении с юга на север», т.н. «Понтийского лимеса»³. В «Диспозиции» Арриан перечисляет контингенты «союзников» – ополченцев, которые наряду с регулярными армиями использовались для охраны территории в качестве отрядов местной самообороны⁴. Они, как и «восточно-причерноморские гарнизоны римлян, подчинялись в I–III вв. каппадокийскому командованию, о чём свидетельствует, в первую очередь, инспекционное их посещение в 134 г. Аррианом»⁵, в ведении которого находилась территория прилегающих клиентских государств (Армении, Иберии, вероятно, также Албании), вплоть до Каспийских (Дарьяльских) ворот⁶. Известно, что Каспийскими воротами могли называть и Дербентский проход.

При таком положении дел политика Римской империи не могла не зависеть от лояльности местного населения. Поэтому, не случайно, ещё «на рубеже двух эр политика Рима в отношении

¹ Мартынов А.И. Археология. М., 2002. С.298.

² Голенко К.В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964. С.109.

³ Левкинадзе В.А. «Понтийский лимес» // ВДИ. №2. М., 1969. С.91.

⁴ Уорвик Брей, Дэвид Трамп. Археологический словарь. М., 1990.

⁵ Левкинадзе В.А. «Понтийский лимес». С.91.

⁶ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... С.35.

¹ Перевалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов; М., 2010. С.328; Остахов А.А., Ильюшин Ю.В. Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (Iв. до н.э. – III в. н.э.). Пятигорск, 2012. С.66.

² Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. С.372.

³ Перевалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана... М., 2010. С.309.

⁴ Там же. С. 312.

⁵ Левкинадзе В.А. «Понтийский лимес»... С.76.

⁶ Перевалов С.М. Арриан у ворот Кавказа... С.283.

далёких от империи варварских племён была направлена на сдерживание их враждебных намерений посредством предоставления им почётно-дружеского статуса друзей «Римского народа», а также «оставшейся по сути неизменной – не допустить значительного усиления ни одного из социумов»¹, параллельно используя силу в тех случаях, когда она требовалась. Ведь, как известно, «римляне никогда не оставались равнодушными к тому, что происходило во враждебном для них варварском мире, а тем более в том его секторе, который примыкал непосредственно к границам империи»².

Тем не менее, вторжение во внутреннюю жизнь обитателей Причерноморья, в сочетании с повинностями, связанными с постройкой дорог и укреплений, обострённые социальные противоречия не могли не повлиять на то, что в Колхиде «развитие шло в сторону ослабления, а не укрепления Римского господства. Обстановка на территории Колхиды была исключительно сложная»³. Главный римский форпост в западной её части – Себастиополис играет лишь сравнительно скромную роль опорного пункта римского владычества⁴. Своего апогея политическая ситуация достигла тут после гибели императора Нерона. «Гибель Нерона была лишь первым этапом глубокого политического кризиса, который переживала Римская империя в конце 60-х годов I в. н.э.»⁵, вылившегося в гражданскую войну. Кризис этот, докатившийся до её самых окраин, как известно, спровоцировал в Восточном Причерноморье массовое восстание 69 г. н.э. во главе с представителем местных племён

¹ Гутнов Ф.Х. Рим и аланы в начале н. э. // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 2004. С.62.

² Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С.113.

³ Меликишвили Г.А. История древней Грузии. Тб., 1959. С. 364.

⁴ Соловьёв Л.Н. Диоскурия – Себастиополис – Цхум // ТАГМ. Вып.1. Сухуми, 1947. С.131.

⁵ Бокщанин А.Г. Римская империя в I столетии н.э. (30 г. до н.э. – 96 г. н.э.) в книге «История древнего Рима». М., 1981. С.212.

Аникетом¹. Как справедливо заметил А. П. Новосельцев, «это было стихийное восстание аборигенных племён, к которым, по мнению некоторых исследователей, присоединилась и местная греческая беднота»².

В сообщении Тацита, Аникет – раб, варвар, «некогда командовавший царским флотом», предстаёт как самозванец и разбойник. *«Именем Вителлия он привлек на свою сторону пограничные с Понтом племена, пообещав самым нуждающимся дать возможность пограбить и во главе значительных сил неожиданно ворвался в Трапезунд, славный древний город, основанный греками в самой отдаленной части Понтийского побережья. Расположенная здесь когорта, составлявшая в прошлом царский гарнизон, была перебита...»*. Далее Тацит пишет: *«Мятеж Аникета привлек внимание Веспасиана, и он выслал против повстанцев отдельные подразделения легионов во главе с опытным военачальником Вирдием Геминем. Напав на занятых грабежом, разбредшихся по всей округе варваров, он принудил их вернуться на корабли. Поспешно выстроив несколько быстроходных галер, Гемин погнался на них за Аникетом и настиг его в устье реки Хоб, где тот чувствовал себя в безопасности, так как успел деньгами и подарками привлечь на свою сторону местного царя Седохеза и теперь рассчитывал на его поддержку»* (Tacit., Ann., III, 47-48), (русс. перевод сочинен. Тацита Г.С. Кнабе). В сносках, в конце книги, Г. С. Кнабе, в частности, отмечает, что Хоби или Хопи река в Грузии, стекающая со склонов Мегрельского хребта и впадающая в Черное море севернее устья р. Рион³.

Однако нельзя исключать, что речь в источнике идёт не о царе с именем Седохез, а о племенах седохезах. Примечательно, что в аннотированном указателе этого же издания, составленном А. С.

¹ Трапш М.М. Труды: в 4-х томах. Т.2. С.287.

² Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980. С.152.

³ Кнабе Г.С. Комментарии к книге, ко второму тому «Корнелий Тацит. История». Л., 1969. С.280.

Бобовичем, фигурирует не «царь Седохез», а «седохезы – народность, обитавшая в Колхиде»¹, согласно источнику, в устье р. Хоба (Ингура),² т.е. на территории, где обитало одно из древнеабхазских этнообъединений – апсилы, согласно данным, прежде всего, археологических источников³.

В тоже время, из-за обострившейся политической обстановки возникла реальная угроза потери Колхиды, а мятеж Аникета должен был показать, что и в будущем такие удары могли возникнуть. Римский император Траян, пришедший к власти в 98 г. н.э., предпринял уже в 109 г., незадолго до своего знаменитого похода в Парфию в 113 г., новое завоевание Западного Закавказья. Он заставил вождей колхов (к которым, по традиции, древние писатели относили почти всё восточно-причерноморское население, в собирательном смысле), царей иберов и сарматов признать господство Рима, усилив, тем самым, ещё более имперское влияние, в частности, в восточном регионе Причерноморья, выразившееся в предоставлении т.н. царского права влиятельным.

Отмечая, в частности, в письме к императору Адриану, Флавий Арриан пишет: «*За лазами следуют апсилы; у них царь (в подлинном изложении, басилевс – В.Н.) Юлиан, получивший царство от твоего отца (т.е. от Траяна- В.Н.)*»⁴. Следует сказать, что в истории Абхазии царский титул (басилевс) входит в обиход с II в. н.э. Однако властители абхазских этнополитических объединений первых веков нашей эры, вассально зависимые от римских императоров, фактически являлись правителями⁵, то есть, строго говоря, принявшими «царский» титул (др.-греч. βασιλεύς; - в античности термин басилевс стал означать «правитель»). Раньше всех его по-

¹ См.: Ломоури Н.Ю. Восточное Причерноморье и Рим в I в. н.э. // Историко-филологические разыскания. Часть 1. Тб., 1980. С.143.

² Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С.186.

³ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины... С.135.

⁴ Цит. по: Кавказ и Дон в произведениях античных авторов... С.311.

⁵ Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V-X вв.). Сухум, 1999. С.105.

лучил Юлиан, по всей вероятности, местного (апсильского) знатного происхождения, за какие-то заслуги от римлян, а также заодно и римское имя. Возможно, что Юлиан являлся для имперской администрации более удобной фигурой, с которой можно было бы вести переговоры и договориться, например, о совместной охране имперских границ в Восточном Причерноморье. Согласно сообщению Флавия Арриана, немного позднее такая практика или традиция получает распространение уже при следующем императоре Адриане, когда царство получают басилевсы лазов, абасгов, санигов и т.д.

Таким образом, Флавий Арриан, будучи римским чиновником, стремился показать принадлежность данной территории Восточного Причерноморья к Римской империи, подчёркивая зависимость «царей» от римских императоров. В то время как, завися от действий римской колониальной администрации, правители, а, по мнению английского исследователя Дейвида Браунда, «цари Восточного Причерноморья, по-видимому, играли в качестве союзников римского государства две связанные между собой роли. Первая состояла в поддержании порядка на местах, вторая – в обеспечении Рима товарами и службой по мере возникновения в том надобности и там, где это было необходимо»¹. Они же сохраняли властные полномочия, структуру внутреннего управления, социальную среду – опору собственной власти.

Осенью 113 г. Траян выступил из Рима в поход против парфян. Эта экспедиция, предпринятая римским императором в Переднюю Азию, во многом является для нас интересной, так как наряду с другими племенами в ней, возможно, принимали участие непосредственно сами апсилы, по крайней мере, на это «у нас имеются кое-какие косвенные данные, позволяющие думать, что военные отряды апсильов участвовали в войнах Рима, по крайней мере, в самом начале II века н.э.» и более того, в этом походе на

¹ Дейвид Браунд. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. №4. М., 1991. С.48.

стороне Рима участие мог принимать апсил Юлиан¹, тот самый, показавший себя с лучшей стороны и выбранный римлянами как первый среди апсильев, т.е., «был «узаконен» римским императором Траяном»².

В то же время вызывает некоторое удивление его римское имя. Ш. Д. Инал-ипа пытается объяснить это тем, что Юлиан «по-видимому был связан каким-то образом с некоей римской фамилией»³. Скорее всего, не только Юлиан, но и другие представители социальных верхов Апсолии носили римские имена⁴. Таким образом, можно констатировать, что после 113 г. восточно-причерноморское побережье окончательно было как политически, так и территориально связано с Римской империей.

Несомненно, для большей стабильности в регионе, для предотвращения любой опасности, в том числе и той, которую могли представлять жившие в Западном Закавказье этносы, для более успешной транспортировки войск, чтобы гарнизоны быстро укреплялись, закавказский регион, представляющий стратегическое значение, должен был, прежде всего, служить римлянам барьером против враждебных им сил. С этой целью, «во второй половине I в. н.э. Рим стремился создать на восточных берегах Чёрного моря цепь зависимых «буферных» государств для предотвращения вторжения сарматских племён с Северного Кавказа»⁵. Появление этих т.н. «государств», представлявших собой больше зависимые объединения, означало использование римлянами их в качестве рычага управления этим регионом Кавказа. Встречаемый часто в погребениях на территории исторической Апсолии римского происхождения материал (амфоры, стекло, оружие и т.д.) как раз

¹ Хотелашвили (Инал-ипа) М.К. Страницы военной истории абхазов // Абхазоведение (историческая серия). Вып. III. Сухум, 2004. С.159-160.

² Аджинджал Е.К. Из истории абхазской государственности. Сухум, 1996. С.6.

³ Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С.48.

⁴ Амичба Г.А. Культура и идеология... С.96.

⁵ Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии... С.76.

свидетельствует о влиянии римской армии на внутреннюю жизнь местного населения того времени.

Для римских императоров вообще была обычным делом административная реформа, воплощенная с успехом и в Западном Закавказье. «Поэтому в Колхиде «римляне легко реализовывали свой любимый девиз «Divide et impera»¹. Вспомним арриановские «царства». Тот же Дейвид Браунд, ссылаясь на Арриана, пишет: «с точки зрения Рима, их царства (т.е. «царей» Восточного Причерноморья - В.Н.) были «даны» им римским императором»². Тем самым, Римская империя в своих военно-политических интересах, связанных с Западным Закавказьем, повышала одновременно авторитет древнеабхазских этнополитических объединений в причерноморском регионе.

Можно говорить, что мнения специалистов-кавказоведов разнятся по классификации этнополитических объединений в начале н.э. в Восточном Причерноморье.

Одни не склонны конкретно указывать, что это были государства. Так, Г. А. Меликишвили полагал, что эти «объединения Северной Колхиды» были «союзами племён с сильными зачатками государственности», в связи с этим он замечает, что «местное население сравнительно мало соприкасалось с развитыми государствами того времени»³, находившиеся на рубеже двух эр на стадии догосударственного развития⁴. Для М. М. Трапша они были просто «абхазские политические образования»⁵. З. В. Анчабадзе же придерживался мнения об существовавших «абхазских «племенных» княжествах (княжества апсильев, абазгов и санигов)»⁶. Ш. Д. Инал-ипа, рассматривал их (т.е. племенные объединения), как этнополитиче-

¹ Цит. по: Челидзе В.В. Исторические хроники Грузии. Тб., 1980. С.97.

² Дейвид Браунд. Римское присутствие в Колхиде и Иберии... С.48.

³ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С. 374.

⁴ Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья... С.168.

⁵ Трапш М.М. Древний Сухуми... С. 288.

⁶ Анчабадзе З.В. Избранные труды в двух томах. Т. 1. Сухум, 2010. С.191.

ские единицы апсилов, абазгов, санигов¹. С. М. Шамба, в частности, считает, что это были возникшие на территориях ранее подчинённых Понту «отдельные племенные объединения, возглавляемые племенными вождями»². Г. К. Шамба же говорит о них (Апсилии, Абасгии, Санигии) как об «этнополитических объединениях»³ (правда, в более ранних работах они у него значатся как раннеклассовые общества типа «царств»). Для английского кавказоведа Дэвида Лэнга эти объединения после раздела римлянами Колхиды - небольшие принципаты со своим отдельным назначаемым правителем, т.е. своего рода автономии, представлявшие политическую единицу, включавшую в себя несколько деревень или общин⁴. О. В. Маан же полагает, что это были политические образования, как «царства» или «княжества» апсилов, абасгов, санигов, вероятно являвшимися союзами племён, находившихся на стадии «военной демократии», сильными зачатками государственности⁵. По мнению Н. В. Касландзия, «в первых веках нашей эры апсилы и абасги из форм этнической общности превращаются в потестарные структуры»⁶ и т.д.

Другая же часть исследователей, наоборот, считает, что с рубежа н.э. на территории современной Абхазии следует видеть ранние государства или государственные образования. Например, С. Х. Хотко полагает, что это были не просто государства, а «государства, составлявшие своего рода конфедерацию»⁷. Е. К. Аджинджал

¹ Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С.396.

² Шамба С.М. О чём говорят монеты. Сухуми, 1982. С.36.

³ Шамба Г.К. Древний Сухум (Поиски, находки, размышления). Сухум, 2005. С. 129.

⁴ Дэвид Лэнг. Грузины. Хранители святынь. М., 2006. С.90.

⁵ Маан О.В. Основные черты социального строя в книге «Абхазы». Издание второе, исправленное. М., 2012. С.322.

⁶ Касландзия Н.В. Традиции престолонаследия и институт соправительства в Абхазском царстве (конец VIII – первая четверть XI вв.) // Абхазоведение (историческая серия). № 5-6. Сухум, 2011. С. 118.

⁷ Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. От эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001. С.29.

считает, что это была «конфедерация» этатических (государственных) образований не только позднеантичной, но и раннесредневековой Абхазии¹, у Т. М. Шамба и А. Ю. Непрошина, государственные образования - «царства» Санигия, Апсилия, Абасгия»². По мнению, М. М. Гунба Абхазское царство берёт свои истоки с царств, упомянутых Аррианом и на протяжении всего первого тысячелетия н.э. наблюдается его усиление³.

Таким образом, какое бы мы не давали определение «царствам» апсилов, абасгов, санигов, одно ясно, что это были древнеабхазские этнополитические объединения, больше представлявшие форму социополитической организации предгосударственного общества. Во внутренней своей политике они были самостоятельны, в то время как во внешней очень зависели от Римской империи. Социально-политический их строй с начала нашей эры имеет все очертания военно-политической организации, особенно это хорошо заметно на примере цебельдинского общества, т.е. у апсилов. В тоже время процесс государствообразования даёт о себе знать. По имеющейся небольшой серии более богатых погребений можно говорить о существовавшей социальной неоднородности общины в Апсилии. Усилилась роль отдельных представителей из числа местного населения, появляется прослойка профессиональных воинов, выкристаллизовывается новая военизированная аристократия. Вероятно, в тот период существовало подобие трёхступенчатой структуры власти: базилевс («царь», «вождь») – знатные (уважаемые), люди – простой народ⁴ или крестьяне (воины, ремесленники)⁵.

¹ Аджинджал Е.К. О титулатуре абхазских царей. Сухум, 2014. С.28.

² Шамба Т.М. Непрошин А.Ю. Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004. С.43.

³ Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. ... С.252.

⁴ Бгажба О. Х. Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии (II – VII вв.) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы Международной научной конференции. М., 2015. С.10.

⁵ Воронов ЮН. Колхида на рубеже средневековья... 1998. С.182.

Между тем, в быту у апсилов, как и у других древнеабхазских этнополитических объединений, главную роль в жизни общества, вероятно, играла (как и в XIX в.) «**акыта**». Известно, что абхазская община (акыта) тянулась десятки километров, занимая значительную площадь. Жилища абхазов были разбросаны по холмам, равнинам, долинам рек и ущельям, среди девственных лесов, на расстоянии 1-2 километров в среднем друг от друга. Поселившись на новом месте, каждая семья расчищала для себя вокруг своего жилища небольшую площадь и устраивала отдельную усадьбу.

Так, будучи «основой основ» самобытного общественного устройства страны, абхазская сельская община («**акыта**») делилась «на ряд посёлков – **ахабла**, часто населённая в основном членами одной (родственной – В.Н.) группы»¹ или союза **ажәла**. **Ажәла** принято называть фамилией, «но ажвла – это не совсем фамилия, она как «семья» охватывает всех, кто носит родовое имя, считает себя потомками одного «большого предка» – **аб ду**»². Поэтому, «все его члены считались связанными кровным родством», а, значит, и «брачные отношения внутри круга категорически запрещались. Для него было характерно известное территориальное единство»³. В XIX и даже в начале XX столетия у абхазов, наряду с малой нуклеарной, ещё достаточно продолжала сохраняться большая или патриархальная семья с сильными общинными традициями⁴.

Специфично наличие имевшихся у абхазов особых родственных объединений, так называемых патронимий – **абипара**, образовавшихся в результате сегментации больших семей, свидетельством

¹ Аргун Ю.Г. Быт, нравы и обычаи в книге «История Абхазии». Сухум, 1991. С. 233.

² Бигуаа В.Л. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. Сухум, 2012. С. 265.

³ Маан О.В. Основные черты социального строя в книге «Абхазы». Издание второе, исправленное. М., 2012. С. 325.

⁴ Он же. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сухум, 2003. С. 61.

чему является бытование большой семьи в недалёком прошлом у абхазов, считает В.Л. Бигуаа. «Чаще всего семьи такой патронимии живут по соседству, иногда даже в одном общем дворе, сохраняя при этом некоторое хозяйственное и идеологическое единство. Последнее выражается, в частности, в коллективной памяти об общем предке – главе неразделённой большой семьи, разделение которой дало начало позднейшей патронимии»¹.

Очевидно, абипара – это группа близкородственных семей, происходящих от деда, прадеда или прапрадеда². Для сплочения такой группы важную роль также играли обрядовые семейные моления, в частности, обращённые к богу кузни и кузнечного дела Шашвы. Кузня представлялась местным жителям чем-то вроде святилища, стоящего выше, чем церковь³. Кузня была неотъемлемой частью жизнедеятельности абхазов. Там они изготавливали принадлежности для сельского хозяйства и охоты. С богом кузни Шашвы связан праздник Ажьыра-ныха, который имеет глубокие исторические корни. Ажьыра-ныха – буквально «кузня-святилище» у абхазов являлась не только хозяйственно-производственным сооружением, но выполняла функции семейного святилища – как отдельной семьи, так и группы родственных семей⁴. Надо заметить, в привилегированном положении были и сами кузнецы. «Ритуал в кузне у абхазов мог представлять собой акт символического создания или воссоздания вселенной. Главным творцом ее являлся кузнец»⁵.

¹ Бигуаа В. Л. Семья: структура и внутренняя организация в книге «Абхазы». Издание второе, исправленное. М., 2012. С. 273.

² Он же. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов... С. 265.

³ Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977. С. 52.

⁴ Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. Сухум, 2010. С. 33.

⁵ Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 303.

В то же время, в III–V вв. в Апсилии кузнецы не были ещё свободными людьми и нередко относились к военной среде. Обнаруженные в погребениях апсильов (в окрестностях с. Цабал) кузнечный молот и кузнечные пружинные щипцы вместе с вооружением красноречиво указывают, что «кузнец и воин одно лицо» и «второго великого разделения труда» ещё тут не произошло¹. В этой связи интересно отметить, что в местном кузнечном ремесле пакетирование, сварка, появившаяся техника наварки стального лезвия на железную основу не стали традиционными для Западного Закавказья, оставаясь на уровне новаций².

Несомненно, в плане изучения истории апсильов представляет также хозяйственная деятельность и быт той части населения, что бытовала в горной части, в меньшей степени, попавшей под влияние античного культурного мира. В этом смысле могильники дают по интересующей нас теме обильный материал. В первую очередь, это касается погребального обряда. Для погребального обряда Цебельдинской культуры характерен биритуализм (кремация и ингумация).

Известно, что «на могильнике Цибилиума по характеру захоронений выделяются два основных типа погребений: трупоположения на спине и трупоожжения

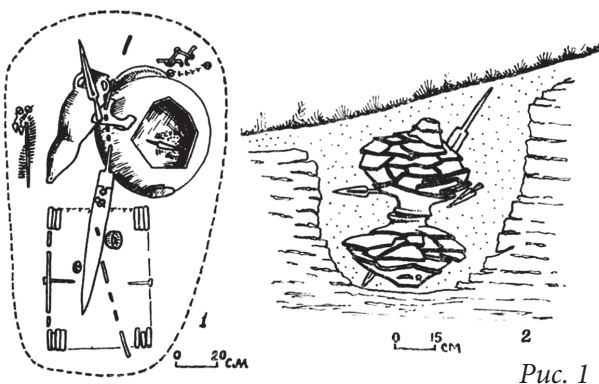

Рис. 1

¹ Бражба О.Х. По следам кузнеца Айнара. Сухуми, 1982. С.47.

² Он же. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (в I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). Автореф. на соискание учёной степени д.и.н. М., 1994. С.20.

в урнах – кремации». При этом первый тип преобладает над вторым. Из 467 захоронений – 43 кремации (рис. 1), в то время как ингумаций – 414 (рис.2)¹.

Возникла дискуссия о причине данного явления и с чем оно связано. То, что оба типа погребения располагаются вперемежку, не составляют никаких особых групп и синхронны, указывает, по мнению М.М. Трапш, что «древнее население, оставившее Цебельдинские некрополи, принадлежало, в основном, к довольно однородной этно-культурной группе»². Действительно, вряд ли можно говорить о том, что разнотипность погребения была связана с

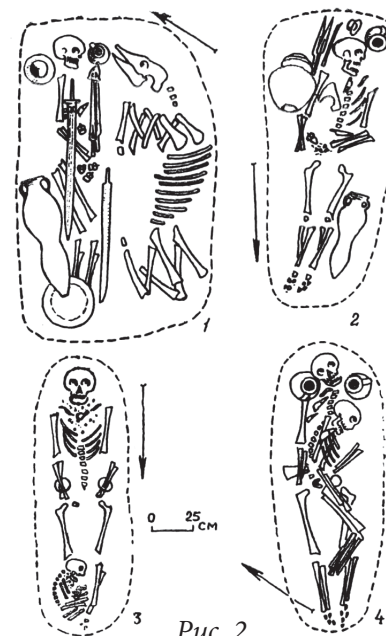

Рис. 2

разноязычным элементом. На это указывает также и Г.К. Шамба, отмечая, что «жители древней Цебельды, проживая в одном и том же месте, ведя один и тот же образ жизни, пользуясь одними и теми же предметами материальной культуры и, что главное, владея общим кладбищем, не могли быть разноязычными, а, скорее всего, здесь мы имеем дело со смешанными культурами двух традиций одного этнического массива, причём число приверженцев кремационного обряда незначительно»³. В данном случае мы говорим не об этнических различиях, а о различии в вероисповедании⁴, в

¹ Воронов Ю.Н. Могилы апсильов. Пущино, 2003. С. 12, 91.

² Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей. Труды: В 4-томах. Т.3. Тб., 1971. С.124.

³ Шамба Г.К. Ахачарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970. С.13-18.

⁴ Анчабадзе З.В. Избранные труды в двух томах... С.217.

рамках одной материальной культуры¹. Даже по сей день, в сохранившихся родовых некрополях, повсеместно распространённых в Абхазии, погребение производится по религиозному признаку. Так, на одном родовом кладбище умершие могут быть похоронены и по христианскому, и по мусульманскому обряду, а также по языческому, традиционному². Тем самым, заключает Г.К. Шамба, опровергается мнение, существовавшее в специальной литературе, якобы в Цебельде и её окрестностях трупоположение и трупосожжение располагались независимо друг от друга отдельными очагами, и что кремация присуща только апсилам, а ингумация – колхам³.

Не исключено, что погребальный обряд мог отражать и какие-то социальные процессы. Захоронения апсильов демонстрируют отсутствие строгого ритуального единообразия – в них отмечено свыше 80 расчленяющих признаков: в ориентации, позе тела, рук и ног, в расположении и ассортименте инвентаря и т.д.⁴. И в этом случае представленный в могилах апсильов, характерный для моноэтнических археологических культур биритуализм, скорее всего, был связан с социальными различиями, но не с этническими или с религиозными.

Между тем, не вдаваясь в подробности изучения данной проблемы, выходящей уже за рамки нашего исследования, заметим, что такой вид обряда, широко практиковавшийся среди населения эпохи до н.э., как кремирование умерших на стороне с последующим захоронением праха в урнах или без них в грунтовых ямах, аналогичный кремациям Северо-Западного Кавказа V–XIV

вв.¹, сохраняется, в частности, на территории Абхазии с X в. до н.э. до VI в. н.э. и продолжает бытовать с рубежа нашей эры, что для нас очень важно, и на территории Западной Колхиды, а именно в Западной Грузии, в с. Чхороцку (недалеко от реки Хоби) (II–III вв.н.э.), по времени почти совпадающий с появлением Цебельдинской культуры. Здесь, например, «была засвидетельствована кремация покойников с захоронением пепла вместе с предметами в урнах»² аналогично тому, как на могильниках Цибилиум (Цабал) – 1,2,3,4,8,9. (например погребения 14, 64, 67, 97, 287, 430). Обращает на себя внимание преобладание кремаций воинов, значительно в меньшей степени женщин и детей³.

Следует отметить, инвентарь в погребениях периода II–IV вв. выделяется своей специальной направленностью, иллюстрируя, тем самым, общественную жизнь апсильов, в большей степени в

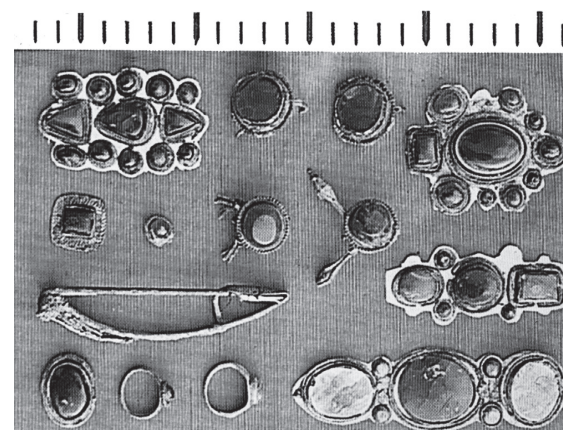

Рис. 3

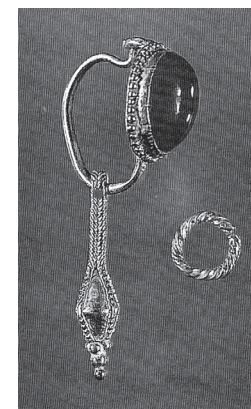

Рис. 4

¹ Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тб., 1978. С.108.

² Джопуа А.И., Нюшков В.А. О генезисе апсильской культуры в трудах Г.К. Шамба // Третья Абхазская Международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013. С.53.

³ Шамба Г.К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии... С.17.

⁴ Воронов Ю.Н. Некоторые аспекты погребального обряда Абхазии (могильники Цебельдинской культуры, позднесредневековые погосты, кладбища XIX века) // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986-1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988. С.159.

¹ Пьянков А.В. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII веков из Кубано-черноморского региона // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н.-Д., 2002. С.128.

² Лордкипанидзе О. Наследие древней Грузии. Тб., 1989. С.344.

³ Воронов Ю.Н. Могилы апсильов... С.91.

области хозяйственной и военной деятельности, а наличие в могилах фибул-брошей, пряжек, колец и колечек, перстней, подвесок, косметических инструментов свидетельствует ещё об одной стороне истории жизни апсиров или апсиров, в стремлении быть красивыми (рис. 3, 4). В это же время, согласно археологическим источникам, уже достаточно чётко начинает обозначаться социальная стратификация.

Воинское сословие у апсиров

Проблема возникновения воинского сословия в Аписии занимает видное место в древней истории Абхазии. Ей посвящён ряд авторских публикаций М. М. Трапша, М. М. Гунба, Ю. Н. Воронова, О. Х. Бгажба, Н. К. Шенкао, В. А. Логинова, М. М. Казанского, А. В. Мاستыковой и др. Однако без историко-культурного комплексного исследования эту важную проблему решить нельзя. И здесь, прежде всего, особое место в разработке системы социальной стратификации в Аписии принадлежит материалам цебельдинских некрополей, где археологические находки являются основным источником, показателем формирования древнего общества.

Наметившейся иерархизации населения Аписии, её усилению способствовала, несомненно, военная обстановка. Довольно большое количество оружия и погребений воинов, обнаруженных в некрополях Цебельдинской долины – центре Аписии, как это было уже показано исследованиями Ю. Н. Воронова¹, М. М. Казанского и А. В. Мастыковой², доказывают, что данный регион Кавказа

¹ Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // ПИФК. Т. XII. М.-Магнитогорск, 2002.; Он же. Могилы апсиров. Пущино, 2003.

² Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. L'ancêtre de Tsibilium (Vleav. J.-C.–VIIeap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.. 164 p. (British Archaeological Reports. International Series; S1721), 2007.

был милитаризован. Анализируя выводы указанных исследователей, можно говорить, что к V–VI вв. важнейшим явлением социального устройства общества в Аписии становится выделение профессионального военного слоя, т.е. формирование военной аристократии, дружинной знати. Появление в конце IV– начале V вв. в могилах апсиров престижного оружия указывает на это.

Так, согласно стадии III/5–8 (380/400–440/450 гг.), по хронологической квалификации М. М. Казанского и А. В. Мастыковой¹, с фиксацией захоронений военных предводителей, воинов-всадников, воинских погребальных ритуалов, элементов «дружинной» материальной культуры довольно отчетливо отмечаются признаки указанной выше новой формы организации. Во главе социума стоит военный предводитель и верная ему дружина, состоящая, судя по выявленному в могилах апсиров археологическому цебельдинскому материалу, из знатных воинов, представлявших, по всей видимости, всадников.

Погребения с захоронениями коней воинских предводителей некрополей Шапки и Цебельды, отличавшиеся богатым набором оружия, куда входили меч, кинжал или скрамасакс, и/или щит с металлическими элементами², также подтверждают наличие слоя военной иерархии в Аписии, что должно было отражаться и на самом типе оружия.

Наиболее типичные боевые предметы указанного выше периода происходят из могильников Цебельдинской культуры Аписии. Было найдено весьма разнообразное и высоко усовершенствованное

¹ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: XXV «Крупновские чтения». Владикавказ, 2008. С. 173–178; Они же. Хронология Цебельдинской культуры (II–VII вв.) // Третья Абхазская Международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013. С. 58.

² Они же. Погребения коней в Абхазии в позднеаримское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 152.

ванное оружие. Сам комплекс вооружения состоял из защитных средств и наступательных видов оружия (мечи, кинжалы, копья, топоры, ножи и т.д.) наряду со стандартным набором оружия (копья, топоры, стрелы), встречающимся в воинских могилах, сопровождавшихся захоронениями коней. В свою очередь, можно говорить, что существовала определенная иерархия в погребениях апсилов и по набору оружия¹. Основными родами войск, надо полагать, были пехота и конница.

Поэтому особый интерес не могут не вызывать конские захоронения, которые были обнаружены на месте исторического расселения апсилов (в Цебельдинской долине). В этом плане для сравнительного анализа интересны могильники, синхронные по времени Цебельдинскому могильнику: Дюрсо близ Новороссийска и Андреевская щель (Анапский район). Так, на раннесредневековом могильнике Дюрсо (без сомнения, он вместе с Цебельдинским принадлежит к ряду крупнейших могильников Восточного Причерноморья I тыс. н.э.) было найдено 16 конских захоронений² и одно – на могильнике Андреевская щель³. Обнаруженные конские захоронения с воинским ассортиментом, в основном, вероятно, можно классифицировать как воинские кенотафы с захоронением боевого коня.

В этой связи следует отметить, что воинский кенотаф с захоронением коня так же, как на могильниках Дюрсо и Андреевская щель, частично фиксируется и на Цебельдинском могильнике, локализуемом в Центральной Апсилии. Это конское погребение 55

¹ Мастыкова А.В., Казанский М.М. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // НВБГУ. № 9(64). Белгород, 2009. С. 25–31

² Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4. М., 1979. С. 212–232.

³ Новичихин А.М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. Военная археология. Выпуск 1. СМГИМ.М., 2008. С. 26–41.

(Цибилум-1), в котором оружие отсутствовало. Конский костяк лежал на правом боку, головой на запад, ногами на юг. Судя по положению костей ног, не исключено, что их перед захоронением предварительно связывали¹. Такое положение костей ног коня может свидетельствовать, что он был принесен в жертву еще живым. Об этом говорит и инвентарь, который включал железные удила с псалиями и бронзовое кольцо, находившееся среди зубов. Дата комплекса – V–VI вв. н.э.²

Следующее конское захоронение 455 некрополя Цибилум-10, на первый взгляд, может показаться тоже кенотафом. Здесь ноги коня при захоронении, вероятно, также были связаны, уздечный набор отсутствовал. Однако данное захоронение все же отличается от предыдущего, поскольку вместе с ним обнаружены: кремационное погребение воина 456 с сопровождающим набором военного оружия – железным мечом, боевым топором, тремя железными ножами, а также женское кремационное погребение 457. Комплекс датируется III в. н.э.³. Скорее всего, воинское погребение 456 и конское 455 можно объединить в одно всадническое.

В этом случае, по своему характеру оно близко к погребениям 376 и 377 могильника Цибилум-1, где в большой погребальной яме площадью 2 г1,6 м при глубине до 1,5 м, на возвышенной части дна лежал скелет коня, захороненного в скачущей позе, с отдельным уздечным комплектом. В западной части ямы, в продольном углублении был захоронен воин (ориентированный головой на юг) с богатым набором вещей, в том числе оружие: железный нож, рукоять которого была украшена сердоликом в бронзовой оправе, обломок второго железного ножа, два железных лезвия, скопление железных наконечников стрел; снаружи у правого колена найдена бронзовая выгнутая пластинка сердцевидной фор-

¹ Воронов Ю.Н. Могилы апсилов... С. 21.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 86–87.

мы, которая, видимо, служила наконечником колчана. Комплекс датируется V в. н.э.¹.

К всадническому захоронению относится, судя по всему, и ингумационное захоронение 313 могильника Цибилиум-2, где погребённый был положен на правый бок, головой на северо-запад, его череп почти соприкасался с костями задних ног коня с фрагментарно сохранившимся уздечным и седельным комплектом. Из оружия было обнаружено: железный наконечник копья, маленький и большой железные ножи, а также бронзовые детали поясного набора: рамка, ременные наконечники, разнотипные бляшки, две пряжки. Дата комплекса – поздний VI в. н.э.².

Между тем, И. Р. Ахмедов считает, что данное мужское захоронение 313 из некрополя Цибилиум-2 не является всадническим, поскольку было совершено позже конского и не связано с ним. По мнению исследователя, «сбруйные прямоугольные пряжки, находившиеся на скелете коня, близки типам с хоботковидными язычками, более характерными для V в. Положение коня необычно для цебельдинских погребений, где в ингумациях скелет коня обычно лежит вдоль и сбоку от погребенного»³. Аналогичного мнения придерживаются М. М. Казанский и А. В. Мастыкова, предположившие также, что конское погребение не связано с мужским захоронением из-за позиции коня, необычной для цебельдинской культуры, и найденных удилов, типичных для IV – первой половины V в.⁴. Таким образом, выходит, что конское захоронение более раннее, чем мужское, и разница между ними составляет около ста лет.

¹ Там же. С. 72-13.

² Там же. С. 62.

³ Ахмедов И.Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. ТГИМ. Вып. 145. М., 2005. С. 244.

⁴ Казанский М.М, Мастыкова А.В. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов... С.151.

Вместе с тем, данное захоронение, судя по расположению в одной погребальной яме воина и коня, является, на наш взгляд, ещё одним всадническим.

Всадническим можно считать и погребение 259 некрополя Цибилиум-1. Оно представляет собой кремацию воина, помещённую в плохо обожжённый пифос. Вне урны находился костяк сильно стянутого перед захоронением коня. В погребении были обнаружены железный топор, два наконечника копий, железный нож, а также бронзовая пряжка. Захоронение датируется IV в. н.э.¹.

Следующее всадническое захоронение 383 Цибилиум-2 по своему характеру близко стоит к захоронению 259 Цибилиум-1, но с более богатым инвентарем (возможно, это был участок захоронения какой-то привилегированной группы – семьи?)². Датируется оно V в. н.э. и представляет собой кремацию воина в пифосе и втиснутого в узкую яму костяка коня, с которым связаны железные удила с псалиями, лежавшие на шейных позвонках у черепа, и железная пряжка. Оружие: железный наконечник копья, однолезвийный меч, топор, семь наконечников стрел и два железных ножа³.

Стоит остановиться еще на одном захоронении – это разрушенное ингумационное погребение 448 Цибилиум-8, которое, согласно Ю. Н. Воронову, можно классифицировать как воинское с конем. Исследователь датировал его рубежом нашей эры. Следует заметить, что конский костяк не фиксируется. Из интересующего нас инвентаря в нем сохранились железный наконечник копья своеобразной конструкции и детали конской уздечки – железные удила с колесиковидными псалиями⁴. В тоже время И. Р. Ахмедов данное погребение датирует второй половиной II – первой поло-

¹ Воронов Ю.Н. Могилы апсиров... С.52.

² Мастыкова А.В. Федераты Восточной Римской империи на Черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилиум (II – VII вв.) // НВБГУ №17. Белгород, 2008. С.25.

³ Воронов Ю.Н. Могилы апсиров... С. 73.

⁴ Там же. С. 84.

виной III в. н.э., считая, что колесиковидные псалии по своим типологическим признакам близки к сарматским¹.

Таким образом, в результате исследования некрополя Цибилиум (Цабал) с 1977 по 1986 гг., в общей сложности, было найдено 7 конских всаднических погребений. К этому числу следует отнести ещё одно, судя по довольно богатому ассортименту оружия (два железных наконечника копий во фрагментах, железный топор, железный умбон, железный обоюдоострый меч с бронзовым перекрестием, железный однолезвийный меч), воинское элитное всадническое погребение ЦХ-4-5 Шапкынского могильника. Сам воин лежал на боку лицом к коню, слегка согнув ноги. Конский костяк был сильно поврежден при пахоте, уздечка не обнаружена². Само погребение из-за представленных в могиле двух типов мечей (раннего, по времени, обоюдоострого и позднего – однолезвийного), по Ю. Н. Воронову и В. А. Юшину, ограничивается пределами IV–VI вв.³.

Интерес представляет также погребение № 22, открытое в 1968 г. на цебельдинском некрополе Апианча. Костяк покойника разрушен, с ним находился его конь. Вместе они были положены в глубокую яму: остов коня был опущен крупом вниз, на уровне конской груди помещен покойник в вытянутом положении. Оружейный инвентарь очень беден: фрагменты железного ножа, два фрагмента лезвия⁴. В число предметов конского убора входят удила, псалии, уздечный набор, колокольчик. Дата погребения – IV–V вв. н.э.⁵. Данное захоронение, видимо, можно также поставить в один ряд со всадническими, а его автохтонный характер подчеркивает

¹ Ахмедов И.Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины... С. 241.

² Воронов Ю.А., Юшин В.А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. №1. М., 1973. С.176.

³ Там же. С. 189.

⁴ Гунба М.М., 1978. Новые памятники цебельдинской культуры. Тб., 1978. С.30-33.

⁵ Там же. С. 83.

ся здесь же найденной керамикой, типичной для Цебельдинской культуры. Те же автохтонные черты заметны и в следующем всадническом погребении, обнаруженном в Сухуме; это захоронение коня с его хозяином, которое датируется приблизительно VI в. н.э.¹.

В результате археологических раскопок в окрестностях Цебельды были выявлены пять воинских захоронений, относящихся к V в. н.э.: четыре из них обнаружены в некрополе Абгызраху (погребения № 1, 23, 29, 34) и одно – в Ахьацараху (погребение № 3). В погребении № 29 некрополя Абгызраху вместе с костяком лошади был найден костяк жеребёнка. Здесь же был обнаружен бронзовый колокольчик. Все конские костяки сопровождалась уздечными и седельными наборами (кольцами, пряжками и т.д.), удилами и псалиями².

Подробно проанализировав захоронения, М. М. Трапш предположил, что апсилы и абасги в III–IV вв. н.э. «широко использовали лошадь в хозяйстве, а также конницу в военных действиях»³. Основанием для такого утверждения стали найденные археологом двулезвийные мечи и наконечники копий, которые, по его наблюдению, в III–IV вв. н.э. являлись основным оружием древнеабхазских этносов. Именно «апсило-абасгские всадники могли рубиться мечами на полном скаку», «цебельдинская конница в III–IV вв. н.э. имела на вооружении как длинный, так и короткий меч или кинжал»; она же, т.е. «конница эта наряду с пехотой являлась основным родом войск Цебельдинской общины в III–IV вв. н.э.»⁴. Принимая во внимание столь серьёзный вывод, мы всё же должны заметить, что для этого времени (римско-византийская эпоха) появление в Апсилии военной конницы очень сомнитель-

¹ Трапш М.М., 1971. Культура цебельдинских некрополей. Труды: В 4-томах. Т.3. Тб., 1971. С.123; Он же. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми, 1975. С. 65.

² Он же. Культура цебельдинских некрополей... С. 122.

³ Там же. С. 161.

⁴ Там же. С. 147.

но из-за практического отсутствия всаднических могил. А само применение всадниками (как видно на примере нескольких всаднических захоронений) не двулезвийного типа мечей римского времени, а более поздних однолезвийных указывает на то, что такая конница могла появиться ближе к середине V в. н.э. Это, в свою очередь, подтверждает археологический материал, найденный в Цебельде. В этом случае, можно тогда уже говорить о военизации мужской части апсилийского общества в эпоху Поздней античности.

Поэтому мы можем только предполагать, что здесь, в Центральной Апсилии, с середины V в. н.э. имелись специальные подвижные отряды как пеших, так и конных меченосцев; были, видимо, и конные лучники, панцирные кавалеристы, ибо имелось собственное им оружие¹, как, например, у конного войска в Предкавказье, где вооружение конницы в IV–VII вв. состояло из лука со стрелами, длинного меча, пластинчатого доспеха, кольчуги².

Между тем наличие на могильниках только конских погребений (кенотафного типа) могло бы, на наш взгляд, указывать на значительное присутствие всаднических захоронений и в самой Цебельдинской долине. Всё это говорит о том, что конь мог быть похоронен позже своего хозяина и по каким-то причинам не в одной с ним могильной яме. Примером этому, возможно, мог бы служить отмеченный выше, в частности, могильник Дюрсо с конскими погребениями. Из 16 конских погребений означенного могильника А. В. Дмитриев выделил в качестве всаднических три захоронения (300, 479, 500), увязав их с конскими погребениями – 4, 9, 10³. Так, в погребении 300, располагавшемся в 11 м к северо-

востоку от конского захоронения 4, у правой руки погребенного лежал длинный меч, преломленный при захоронении на три части; в погребении 479, обнаруженном в 2,5 м к югу от конского захоронения 9, были найдены меч и два кинжала; в парном, мужское и женское, погребении 500, находившемся в 3,5 км к северу от конского захоронения 10, при мужском скелете обнаружен кинжал с вырезами у рукояти¹.

Правда, исследователь выражает некоторое сомнение, считая, что нет «полной уверенности, что погребения именно данных воинов связаны с вышеописанными захоронениями лошадей, имеющими металлические детали облицовки седел». Вместе с тем А. В. Дмитриев всё же полагает, что «во всех трёх случаях существует ряд совпадений»². Лошадь находится всегда слева от предполагаемого всадника, ориентировка всадников и лошадей совпадает, а наличие богатого инвентаря, по мнению исследователя, означает принадлежность всадников к воинской аристократии³. В данном случае, в частности, И. Р. Ахмедов видит на некрополе Дюрсо параллель с представленными в Цебельде погребениями лошадей, полагая, что обычай погребения боевых коней на могильнике Дюрсо явно имел такое же значение, что и захоронения в Цебельдинской долине⁴. Также хотелось бы отметить, что конские погребения на могильнике Дюрсо могут представлять большой интерес и для изучения контактов понтийского региона со средним Дунаем в эпоху Великого переселения народов⁵.

Вместе с тем, согласно М. М. Трапшу, «обычай захоронения верхового коня вместе с хозяином имеет глубокую традицию в

¹ Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). Сухум, 2002. С. 123.

² Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // ИАА. Вып. 3. Армавир, 1997. С. 67.

³ Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска... С. 222–226.

¹ Там же. С. 222–226.

² Там же. С. 228.

³ Там же. С. 228–229.

⁴ Ахмедов И.Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины... С. 250.

⁵ Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009. С. 127.

Абхазии»¹, но, вероятно, он часто не соблюдался из-за разновременности смерти хозяина и коня. Надо отметить, что на территории исторической Апсилии было исследовано около 100 воинских захоронений V–VII вв.² Основу же апсильского войска, судя по всему, составляла пехота³, игравшая, как и в Предкавказье в ранневизантийскую эпоху, видимо, вспомогательную роль, также вооруженная короткими кинжалами, луком и копьем⁴ и боевыми метательными топорами наряду с «цебельдинскими».

Следует отметить, что наличие воинского (снаряженного) коня, по всей видимости, означало некий эталон привилегированности его владельца. Конница составляла значительную часть войска, включая высокогорный регион. О ее наличии у горного населения Абхазии – мисимиан (соседи, близкие по образу жизни апсилам) свидетельствует византийский историк VI в. Агафий Миринейский. Подробно описывая битву византийцев и мисимиан в районе высокогорной крепости Тцахар, Агафий отметил существование у мисимиан шестисот пеших и конных воинов (Агафий. Кн. 4, 16).

Подобные конные отряды, формировавшиеся из числа местного мужского населения, видимо, существовали и в Северо-Западной Абхазии, в местах исторического расселения санигов (современная территория Сочи-Адлерского района). Свидетельством этому являются обнаруженные конские захоронения, части седельной сбруи и т.д., а также найденные в последнее время в Сочинском районе, в окрестностях Красной Поляны, ранневизантийские предметы, которые находят ближайшие соответствия в

¹ Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии... С. 65.

² Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // ПИФК. Т. XII. М.-Магнитогорск, 2002. С. 340.

³ Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV – VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков. Советско-Венгерский сборник. М., 1982. С. 134.

⁴ Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье... С.67.

погребальных комплексах Цебельдинской культуры: мечи, копья, топоры, удила (рис. 5), пряжки (IV–V вв.). Можно предполагать, что в это время кавалерия у санигов играла существенную роль в военном деле¹. Очевидно, всадничество как часть элитного военного сообщества локально не ограничивалось одним Северо-Западным регионом, затрагивая и другие территории Западного Кавказа, где проживали древнеабхазские «народы» (апсилы, абасги саниги), испытавшие влияние позднеантичной цивилизации. Сам конь формировал облик мужчины как воина-дружинника.

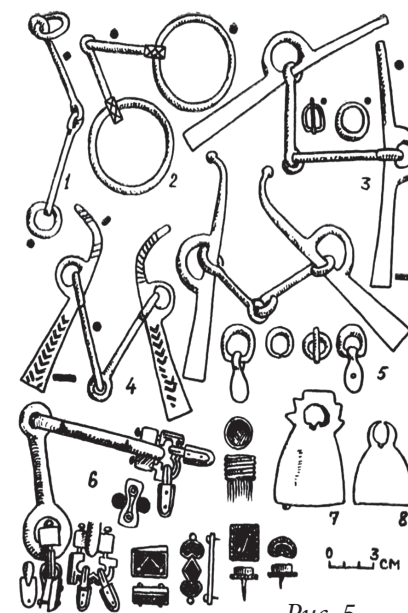

Рис. 5

Появление захоронений с конями у апсильов считается одним из археологических свидетельств проявления воинских погребальных обрядов, повсеместно распространенных на Южном Кавказе еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Неслучайно в литературе укрепилась точка зрения, что если индоиранцы познакомили Азию с конем, то иранцы – со всадничеством². «В самом начале I тысячелетия до н.э. погребения человека с конем распространяются в Закавказье довольно широко и, судя по могильным сооружениям и инвентарю, не имеют исключительной культурной привязки, что, возможно, объясняется широкой возрастающей

¹ Гавритухин И.О. Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв.), в книге: «Археология». М., 2003. С. 190.

² Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. М, 1977. С. 61.

ролью всадничества»¹. Возможно, поэтому конские захоронения появляются у апсилов как отражение престижных культов, связанных с воинской элитой².

Представляется вероятным, что сам элемент всадничества у апсилов, связанный и с поставкой выносливых и резвых скакунов, появился из-за их активных контактов с кочевниками (гуннами и, прежде всего, с аланами). Как известно, после ухода гуннов аланы, продвигаясь на юг, в сторону Центрального Предкавказья, в конце IV в. н.э. постепенно переходят к оседлости. «Причина была одна: кочевать по кавказским предгорьям было неудобно»³. В результате, завязываются тесные связи с местными аборигенными этносами (абасгами, апсилами, лазами и др.). Поскольку войска аланов практически полностью состояли из всадников на всем протяжении их истории, появление коней в Апсилии среди элитной части населения вполне может быть объяснимо. Материалы всаднических захоронений апсилов середины I тыс. н.э. указывают, что скаковые и боевые лошади в значительном количестве закупались и перегонялись сюда с Северного Кавказа. Вместе с тем будет несправедливо не отметить, что, судя по размерам предметов седельного и уздечного наборов, в первую очередь – удил, найденных в цебельдинских погребениях, местные апсилы разводили различные породы лошадей⁴.

Согласно Нартскому эпосу, можно отметить, что на Кавказе существовали, по крайней мере, две породы коней – арашь и хуаре, небольшие, удобные для передвижения в горах, сильные и вынос-

¹ Погребова М.Н. Конские погребения Южного Кавказа эпохи поздней бронзы / Раннего железа // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С.76.

² Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов... С.152.

³ Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. СПб., 2007. С.54.

⁴ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей... С.156.

ливые¹. Надо полагать, что из этих же пород коней состояла и свита жениха Хании (дочери Аирговых) в количестве ста вооружённых всадников, согласно данным указанного эпоса².

В то же время, конечно же, нужна была такая порода коней, которая в условиях сложного горного пересеченного рельефа могла бы откликаться на малейшие движения колен всадника, что было очень важно для последнего, учитывая тяжесть его вооружения и отсутствие стремян. Надо полагать, что местные породы лошадей в Абхазии, разводившиеся в античную и средневековую эпохи, отличавшиеся своей выносливостью и приспособленностью к условиям сильно пересеченных и гористых местностей, все же уступали «аланским коням». «Аланские кони» – новая порода коней, выведенная в эпоху Римской империи, отличалась своей рослостью и выносливостью, способной выдержать вес тяжеловооруженного всадника. Неслучайно в V столетии в Западно-Римской империи, наряду с аланским воинским и конным снаряжением и оружием, особенно ценились аланские кони³.

Так, например, при исследовании курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) выявлены псалии, по отдельным признакам аналогичные обнаруженным в могилах апсилов в эпоху Великого переселения народов⁴. Тщательное изучение конского убора позволяет говорить, что в конце V в. в Цебельде использовалась узда понтийских и европейских стилей⁵, что вполне логично, учитывая аналогию и близость образцов конской узды с образцами Восточной Европы и Северного Кавказа. Это позволяет говорить, что «коней древние цебельдинцы традиционно должны были за-

¹ Ковалевская В.Б. Конь и всадник... С.130.

² Салака Ш.Х. Избранные труды в трёх томах. Т.I. Сухум., 2008. С. 65.

³ Ковалевская В.Б. Кавказ - скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. М., 2005. С. 88.

⁴ Габуев Т.А., Хохлова О.С. Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) // РА. №4. М., 2003. С. 24.

⁵ Ахмедов И.Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины... С. 250.

купать на Северном Кавказе, откуда в Абхазию проникали и соответствующие формы уздечки»¹ т.е. из Алании.

Таким образом, мы не можем отрицать имевшуюся инфильтрацию аланского населения на территорию Западного Закавказья (о чём более подробно будет сказано ниже) и снабжения элитарной части местного населения конями, перегонявшимися с Северного Кавказа, останки которых засвидетельствованы на Цебельдинских могильниках (т.н. всаднические захоронения). По существующим археологическим признакам, определяющим дружинно-всадническое сословие, а именно: 1. вооружение, 2. снаряжение всадника, 3. снаряжение, сопровождающее захоронение боевых коней (упряжь, шпоры, плети и т.д.)², можно полагать, что в социальной структуре Апсолии существовала особая страта всадников, составлявших передовую привилегированную часть апсолийского ополчения. Судя по обнаруженным в цебельдинских погребениях деталям бронзовой обоймы от уздечки, части седла, железных подпружных пружек, железных удилов с псалиями, хорошо представленным в материалах Северного Кавказа (середина I тыс. н.э.) и по конской сбруе, также имевшей северокавказский характер, поставка скакунов совершалась путем регулярного перегона с Северного Кавказа, пополняя тем самым конские ресурсы Апсолии «за счет внедрения в местную дружинную знать северокавказских всадников»³, по большей части аланских.

В заключении к данному параграфу можно сделать некоторые выводы:

1. Судя по полученным данным, преобладание в V в. н.э. воинских могил и максимального количества конского убора в не-

¹ Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV – VII вв.... С.136.

² Армарчук Е.А. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников С-В Причерноморья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. «Крупновские чтения», 1971–2006. М.,- Ставрополь., 2008. С. 788.

³ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Два всаднических захоронения апсолов из Цебельды // ТАГУ. Т.6. Сухуми., 1987. С. 72.

крополях Цебельды может указывать на расцвет всаднического привилегированного сословия в Апсолии, что соотносится со стадиями III/5–8 (380/400–440/450 гг.) и IV/9 (450–550 гг.)¹.

2. Появление всаднического сословия у апсолов стало возможным в результате довольно активных контактов с северокавказскими племенами, что, в свою очередь, оформило и саму, как таковую, дружинную знать, составлявшую привилегированную элитную прослойку общества в Апсолии.

3. Наличие конских могил с конским (или без) убором в некрополях Цибилиума (Цабала) может свидетельствовать о всадническом типе данного захоронения, когда всадник, вероятно, был погребен в другом месте.

4. Общее количество всаднических погребений в Апсолии, по нашим подсчетам, достигает 14. Такое, на первый взгляд, небольшое количество обнаруженных всаднических могил в Апсолии может быть объяснено на примере самбийско-натангийской культуры (Калининградская обл.). В ее ареале «количество погребений всадников с конями для римского времени невелико, что позволяет рассматривать их как индикаторы социального положения умершего»².

В общеисторическом и культурном контексте Римской ойкумены

В эпоху начавшегося очередного Великого переселения народов в IV в. народы и племена, проживавшие на евразийских просторах, пришли в движение. Этот процесс сильно изменил

¹ Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. Lanécropoleapsilede Tsibilium (VIIeap. J.-C.–VIIeap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étudedusite.Vol. 2.Oxford: Johnand Erica Hedges Ltd..164 p. (British Archaeological Reports. International Series; S1721), 2007.Р. 55–60; Казанский М.М., МастыковаА.В. Эволюция некрополя Цибилиума (II–VIIвв.)... С. 173-176; Они же. Хронология Цебельдинской культуры (II – VII вв.)... С. 36.

² Скворцов К.Н. Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Аллейка 3) // РА. № 3. М., 2012. С.36.

этно-территориальное аборигенное пространство не только в Восточной Европе, но и затронул тот регион Северного Кавказа, где обитало родственное абхазскому адыгское население. Как известно, «Евразийская Степь практически постоянно в течение более 2500 лет выталкивала и перемешивала различные, как правило, кочевые этносы. Северо-Западный Кавказ, будучи Западной окраиной Евразийской степи, был затронут почти всеми этими коллизиями»¹. Подкуранные катакомбы и подбои, равномерно распространённые в долинах Северного Кавказа, с первого века нашей эры уже свидетельствуют о проникновении из евразийских степей ираноязычных кочевников².

В это же самое время, вслед за готами, у кавказских границ Римской империи появился более грозный противник – это гунны. В связи с этим охрана важных перевалов через Главный Кавказский хребет теперь приобрела для Рима особо важное значение и составляла одну из главнейших обязанностей римского гарнизона в Западном Закавказье (особенно в период Великого переселения народов).

Таким образом, складывавшаяся на то время тревожная обстановка вела, само собой, к вооружению народа. Об этом свидетельствуют археологические данные с некрополей Цабала, Шапки и др. некрополей Цебельдинской культуры. Что же касается распространения инородного по своему происхождению в местной среде оружия, то оно, скорее всего, было связано, с влиянием «варваризированной римской армии, занимавшей прибрежные опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа»³. Примером этому могут послужить сведения из ранневизантийских ис-

¹ Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений.... С.59.

² Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981. С.88.

³ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилуим (II–VII вв.) ... С.175.

точников. В них, в частности, отмечается, что ромейские ветераны расселились в значительном количестве среди абасгов.

Так, принято считать, что Цебельдинская археологическая культура являлась по своей сути самобытной, своеобразной, отличающейся целым рядом совершенно неповторимых черт, отсутствующих или нехарактерных для любой другой области за пределами Абхазии. Своё отражение она получает в целом ряде специфических для этой культуры вещей. Это одноручные и двуручные глиняные кувшины с чашеобразными венчиками, орнаментированные амфоры также с чашечкообразными венчиками, женские и мужские украшения из бронзы, серебра, золота, железа и т.д. В итоге, как считал ещё М. М. Трапш, наиболее важной и специфической особенностью Цебельдинской культуры, четко выделявшей ее из всего окружения и указывающей на ее самостоятельный характер, являлась определенная группа керамической посуды, а также железные топоры, указывавшие на локальную особенность Цебельдинской культуры. «Таким образом, - замечает исследователь, - некоторые из вышеуказанных особенностей Цебельдинской культуры позволяют отделить ее от других одновременных ей соседних культур Кавказа»¹.

Вместе с тем, изучая некрополи Цебельды, мы видим, что обитатели данного района Аписилии не были отгорожены от остального мира и, наряду с местными, использовали вещи, попадавшие и в результате происходившего за Кавказским хребтом в это время активного перемещения народов, ведущих кочевой образ жизни. Уже со второй половины II в. происходит продвижение «кочевников на юг и юго-восток Северного Кавказа»², которые, оседая на территории предгорно-равнинной зоны, могли оказывать влия-

¹ Трапш М.М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960-1962 // ТАИЯЛИ.Т.33. Сухуми, 1963. С.258.

² Чеченов И.М. К проблеме периодизации ранней истории тюрок Северного Кавказа (I тыс. н.э.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., Ставрополь, 2008. С.775.

ние на материальную культуру населения Цебельды, особенно в период Великого переселения народов и в результате прохождения торговых путей через Апсилию, в том числе, через её главные крепости Цибилиум (Цабал) и Шапки в VI в. Именно тогда Северо-Западный Кавказ находился в фокусе интенсивной международной торговли, которая осуществлялась по развитой системе путей и горных перевалов¹. Да и сам археологический материал Цебельдинской культуры, засвидетельствованный на Северном Кавказе (Теберда, Нальчик и др.), указывает на имевшиеся широкие культурные и торговые связи населения, проживавшего по обе стороны Кавказского хребта.

Принимая во внимание тот факт, что в результате инфильтрационных потоков, взаимодействие не всегда этнически однородного населения, проживавшего по обе стороны Кавказского хребта, исключать нельзя, переселения отдельных семей на Северный Кавказ могли иметь место уже в начале первых веков нашей эры, а «уровень развития автохтонных народов способствовал установлению продолжительных контактов в различных сферах общественной жизни». Например, в верховьях Кубани разнотипные археологические памятники располагаются вперемешку, что может свидетельствовать об определённой этнокультурной интеграции в этом районе Северо-Западного Кавказа².

По всей видимости, такие географические условия, как отдалённость, сложность горного рельефа и т.д. не являлись серьёзным препятствием для межкультурной сплочённости носителей разных по существу, но близких по этническому признаку культур. Пример тому – материалы из Сочинского района. Там, по последним данным, в III–IV вв. местное население – саниги имело непосредственные связи с носителями Цебельдинской культуры³.

¹ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины... С.124.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С.111.

³ Гавритухин И.О. Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) ... С.190.

Не приходится сомневаться в том, что, судя по вещественным источникам, носители Цебельдинской культуры всегда имели более широкие этнокультурные региональные, не ограниченные во времени и пространстве связи, находясь в общеисторическом, культурном конгломерате происходивших в циркумпонтийской и средиземноморской зоне различных событий. Так, согласно О. А. Гей и И. А. Бажану, «подобные географические условия: с одной стороны - изолированность от внешнего мира, с другой - территориальная близость к понтийскому лимесу, создавали предпосылки для развития здесь высокой самобытной культуры (*т.е. Цебельдинской - В.Н.*), причудливо впитавшей в себя разнородные влияния»¹. Тем самым, эти исследователи, разбив на три хронологические ступени материалы цебельдинских некрополей, проводят последовательную по времени аналогию материалов Цебельдинской культуры с памятниками Крымского п-ова римского периода, типа Инкерман, Ай Тодор и др., а также Черняховской, Вельбарской культур. Они исходят из того, что все эти культуры, резко различные по своей окраске, так или иначе были связаны с Римской империей «и вовлечены в общий поток ключевых исторических событий на западных и восточных границах империи, отразившихся и в памятниках археологии». Например, акцент делается на появлении германского и римского оружия, украшений и др.² на фоне общей провинциально-римской унификации материальных культур, куда была вовлечена и Цебельдинская культура. Присутствие такого разнородного оружия в могилах апсильов может свидетельствовать об их раннем включении в военную систему римско-византийской империи.

В этой связи следует отметить, что на общее происхождение Цебельдинской и Черняховской культур, прослеживаемое в вещах, обратил внимание ещё в своё время также М. М. Трапш. По

¹ Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. С.9.

² Там же. С.52.

его мнению, «наряду с позднеантичными и сарматским культурными элементами в Цебельде встречены также вещевые находки, связанные по своему происхождению с Черняховской культурой, представленной на территории современной Украины, Молдавии и далее на Западе, развивавшейся одновременно с Цебельдинской культурой в эпоху Великого переселения народов»¹. Можно говорить, что типологически некоторые железные кузнечные изделия (особенно предметы вооружения), а также бронзовые украшения (фибулы, пряжки) близки к синхронному инвентарю Цебельдинской культуры². Надо заметить, что обе эти культуры (Цебельдинская и Черняховская), сохраняя тесные экономические и культурные связи с позднеантичной цивилизацией, находились в культурном пространстве Римской державы и примыкавшего к ней Барбарикума. Отсюда, встречающиеся в некрополях Цебельдинской долины инородные по своему происхождению, отмеченные выше, предметы «профессионального» вооружения, такие как щиты с металлическими умбонами и рукоятями, бусы, чаще мозаичные или каменные, лежавшие у большинства цебельдинских мечей (V–VI вв.), распространенные сначала у кочевников Восточной Европы, а с V в. – по всей Европе. Следовательно, общеевропейская мода «эпохи переселения народов» была воспринята не только дунайскими или боспорскими, но и апсильскими воинами³ из числа привилегированного дружинного сословия.

Между тем вызывает сомнение предложенная М. М. Трапшем, на основании анализа погребального инвентаря и привлечённого сравнительного материала из разных областей Кавказа, Крыма и всего степного юга бывшего СССР, датировка существования цебельдинских некрополей II–V вв. н.э.,⁴ так как она не только не соответствует в хронологическом плане апсильским материалам

VI–VII вв., но и суживает по времени общекультурную тенденцию развития Цебельдинской культуры уже в ранневизантийский период с его более широкими торговыми связями (например, Великий шёлковый путь). Таким образом, заключительный этап периодизации, предложенной М. М. Трапшем, отмечает А. А. Амброз «получает более позднюю дату» в свете новых данных¹ и уже датируется по А. А. Амбразу, Ю. Н. Воронову², а также Ю. Н. Вороновым и О. Х. Бгажба³, М. М. Казанским и А. В. Мастыковой и др. VI–VII вв.

Общеизвестно, что Кавказ, находясь в сфере геополитических интересов римско-византийского мира, имел самые широкие торгово-экономические связи, которые, в свою очередь, повлияли на концентрацию римского и позднее ранневизантийского импорта (в том числе оружия) на данной территории Евразии. Не случайно «в своих основных чертах боевое снаряжение апсильов тесно смыкалось с комплексом вооружения, складывавшегося в этот период под непосредственным влиянием римско-византийского культурного мира на огромной территории от Западной Европы до Передней Азии включительно»⁴. Основу же апси-

Рис. 6

¹ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989. С.16.

² Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.)... С.336.

³ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсолии. Сухум, 1986. С.48.

⁴ Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV – VII вв. ... С.121.

¹ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей... С.217.

² Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум. 2007. С.101.

³ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины... С.95.

⁴ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей... С.218.

лийского войска, судя по всему, составляла пехота, вооруженная короткими кинжалами, луком, копьем, мечами, ножами и боевыми метательными топорами.

В связи с этим следует отдельно остановиться на «цебельдинских» топорах (получивших своё название по месту их первоначальной находки (рис. 6.). Самые ранние из них относятся к эпохе второй половины IV и первой половины V в. Они интересны тем, как ещё заметил Б. А. Куфтин, что по своей форме обнаруживают сходство с топорами позднееримского времени в Германии и Богемии¹. Так, в частности, по мнению М. М. Казанского, «цебельдинский» топор соответствует позднееримской форме². Имея

своё военное предназначение, «цебельдинские» топоры сами по себе использовались как универсальное оружие, реже - в хозяйственной деятельности. Внешнее и функциональное соответствие апсильских и франкских топоров той же эпохи, а также интересный факт распространения сходных форм топоров (прототипом которых вполне мог быть римский топор) по обширной территории вдоль границ Римской империи от Кавказа до Бельгии позволяет предполагать в основе формирования цебельдинских топоров те же закономерности,

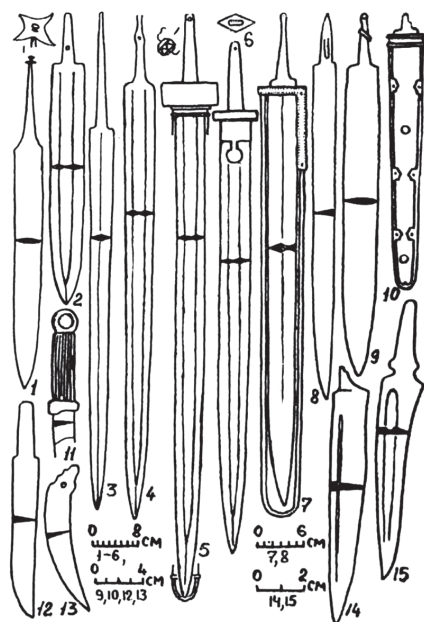

Рис. 7

¹ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980. С.15.

² Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // МИАЭК. Вып. 4. Симферополь, 1994.

сти, которые обусловили общность и многих других изделий на варварской периферии позднееримского и ранневизантийского мира (умбоны для щитов, поясные наборы, уздечки и др.)¹.

Не меньший интерес также представляют позднееримские мечи (короткие и длинные (рис. 7), особенно, из сварочной дамаскской стали, найденные в местных захоронениях древнеабхазских воинов. К самым ранним для территории бывшего Советского Союза можно отнести 5 экземпляров мечей III–IV вв., исполненных виртуозной техникой сварочного дамаса (дамасская сталь) – вершиной ручного кузнечного ремесла. Судя по анализам сделанных находок, в Абхазии «каждый второй древнеабхазский воин был вооружён подобным мечём»². Их, несомненно, широко использовали в ирано-византийских войнах. Из 10 исследованных мечей из разных регионов Абхазии 5 оказалось из «дамасской стали» (Цабал)³. Всё это указывает на сильную военизацию мужской части апсильского общества в римско-византийскую эпоху. Наличие данного оружия у местного населения также может означать, что оно составляло гарнизоны кастеллов, если учесть, что образовавшаяся напряжённая ситуация вокруг Аpsилии способствовала вооружению этого же населения.

Здесь же стоит заметить, что контакты между обитателями Цабала (Цебельды) – апсильов с носителями римской культуры происходили не только в центрах концентрации римских воинских частей – в Питуунте и в Себастополисе, но и, вероятно, на месте строительных работ оборонного значения (сооружение крепостей, прокладка дорог) в долине Цабала, которая была стратегически важным районом на подступах к перевалам, связывающим побережье Понта с Северным Кавказом⁴. Поэтому, происходившая

¹ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул... С.16.

² Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии.... С.80.

³ Бгажба О.Х. Мечи из «дамасской стали» в Абхазии // ИАИЯЛИ. Вып. XIII. Тб., 1973. С.76.

⁴ Сорокина Н.П. Стекланные сосуды IV-V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. Вып. 158. М., 1979. С.63.

внутренняя «милитаризация» апсилов, надо полагать, римлян не сильно тревожила, тем более что ещё со времён императора Траяна в римских войсках служили и кавказцы»¹. И после Диоклетиана, вернее, его военной реформы, им даже платили, судя по письменным источникам.

Таким образом, так вершилась политика, направленная на приспособление к тактическим нуждам империи местного населения, делаясь ещё более гибкой. В частности, коснувшись восстановления т.н. Понтийского лимеса, О. А. Гей и И. А. Бажан остановили своё внимание на федератах, которые приобретают особое значение при Галлиене (*римский император, сер. III в. - В.Н.*) в связи с его военными реформами. По их предположению, «федератами становится и население Цебельды, главной задачей которого было контролировать стратегически важный район на подступах к перевалам, связывающим побережье Понта с Северным Кавказом»². Правда, некоторые исследователи этот политический процесс относят к несколько более позднему времени. Так, по мнению М. М. Казанского, быстрому распространению новых типов оружия в среде местного населения, «несомненно, способствовало включению санигов, абасгов и апсиров в систему обороны Империи, видимо, не позднее первой половины IV в. в качестве «народов – клиентов», выполнявших функции первой линии обороны понтийской границы Рима»³. Согласно же данным позднеантичного источника «Нотия Дигнитатум», местные восточнопричерноморские племена также защищали империю вдали от своих родных мест. В конце III в. существовало состоявшее не менее чем из 300 всадников отдельное воинское кавалерийское соединение абхазов, входившее в состав византийской армии «*Ala prima Abasgorum*» («первое аб-

¹ Аджинджал Е.К. Из истории христианства Абхазии. Сухум, 2000. С.27.

² Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов».... С.21.

³ Казанский М.М. Позднеримская /ранневизантийская армия и Западный Кавказ // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 2004. С.89.

хазское крыло»), которое квартировалось в Египте, в Хибее, в Большом оазисе для обороны этой территории»¹.

Можно констатировать, что носители самобытной Цебельдинской культуры Апсолии позднеантичного времени, как и носители периферийных аборигенных культур Северного Кавказа, Восточной и Западной Европы (конец I – начало V вв.) были вовлечены в общий поток тех культурных импульсов, что исходили, главным образом, от Римской империи, являвшейся распространительницей, в частности, новых видов оружия. Это, в свою очередь, наложило определённый отпечаток на их формирование, сближая их в одну общую культурную среду позднеантичной цивилизации римско-византийского образца. Позднее «богатый и разнообразный инвентарь могил показал высокий уровень материальной культуры апсиров, широкие связи региона с ранневизантийским миром»².

Генезис Цебельдинской культуры и общий подъём экономического развития у апсиров

Занимая важное место в процессе древнего международного общения, имея широкое историко-культурное пространство, Кавказ, как известно, находился в эпицентре практически всех мировых исторических событий того времени. Именно через Кавказ происходил культурный межнациональный обмен, включающий в себя распространение мировых религий, передача хозяйственного опыта и сельскохозяйственных культур, медицинских знаний, изобретений. Выше мы говорили о внешней культурной интеграционной тенденции, отразившейся на уровне культурного развития местного населения, находившегося в системе межнациональных и культурных контактов. Это – исчезновение античной цивилиза-

¹ Хотелашвили (Инал-ипа) М.К. Страницы военной истории абхазов // Абхазоведение (историческая серия). Вып. III. Сухум, 2004. С.169.

² Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... С.291.

ции, Великое переселение народов. Но могло ли это повлиять на этническую историю, в нашем случае, носителей Цебельдинской культуры позднеантичного периода? По логике суждения – почему бы и нет! Это культурно-торговые, брачные связи, нельзя забывать, что перевалы продолжали работать.

В то же время, как нам представляется, именно особые географические рельефные горные условия создали тот благоприятный климат, при котором этническая история и этнокультурная среда апсилов, оставаясь гомогенной, с начала н.э. стали развиваться без потрясений на основе своего внутреннего производственного потенциала. Это был довольно самостоятельный этнический социум, развитие которого происходило в относительной изоляции, в частности, населённые пункты апсилов состояли «из обширной крепости на вершине и поселения вне крепостных стен, на искусственных террасах»¹.

Цебельдинская культура является ярким отражением, того, что общество в Аписии достигло той степени, когда вся и внутренняя производственная (экономическая), и социально-политическая структура смогла выйти на новый более высокий уровень развития. В результате многолетних археологических работ в Цебельдинской долине стало ясно, что материальная культура древней Цебельды в VIII–I вв. до н.э. развивалась синхронно с культурой побережья и в теснейшей взаимосвязи с ней. На примере общины, непрерывно проживающей в Цибилиуме с VIII в. до н.э. по VII в. н.э., видно, что эта культура претерпевала естественные изменения через каждые 200–250 лет, полностью обновляя весь ассортимент характеризовавших её признаков². Здесь мы видим, население было вполне самостоятельным, создавшее собственную модель роста, по которой социум (по материалам цебельдинских раскопок) для

того времени имел довольно высокоорганизованную структуру с самыми широкими международными торговыми связями. Это стало возможно благодаря тому, что, как свидетельствует Цибилиумский могильник (где было найдено более 500 захоронений апсилов) и поселение – первый памятник на территории Абхазии, где, бесспорно, прослежено непрерывное проживание представителей одной патриархальной семьи с VIII в. до н.э. по VII в. н.э., местное (древнеабхазское) население являлось автохтонами на своей территории¹. Таким образом, принимая в расчёт, что богатый материал из аристократических погребений уже имелся в I тыс. до н.э. на территории Абхазии (совр. с. Ачандара), будет правильно и справедливо отказаться «от версии вечно отстающей Абхазии, с типом якобы малоразвитого, слабо спаянного, вечного родового общества до эпохи средневекового абхазского государства»².

Немаловажно и то, что лингвистический анализ гидронимических материалов даёт возможность говорить об этнической принадлежности носителей археологических культур³, как например, упомянутая Цебельдинская культура, гидронимика которой имеет, по мнению большинства авторитетных исследователей (Х. С. Бгажба, В. Е. Кварчия и др.), местную древнеабхазскую основу.

Очевидно, сохранению этно-идентичности местного населения способствовала также традиция ведения хозяйства с древнейших времён и идеологическая (религиозная) сплочённость, сохранившаяся с некоторыми изменениями и в дальнейшем. «Географическая среда, в которой находится этнос, определяет специфику его

¹ Там же. С.100.

² Сангулия Г.А. Древняя Абхазия: Вождество и царство (историко-археологическое исследование) // Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2009. С.113.

³ Телегин Д.Я. Опыт комплексного изучения археологических и лингвистических данных при решении этнокультурных вопросов по материалам Поднепровья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. «Крупновские чтения», 1971–2006. М.,- Ставрополь, 2008. С.456.

¹ Воронов Ю.Н. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н.э. // КСИА. №159. М., 1979. С.47.

² Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. К вопросу об автохтонности апсилов // ТАГУ. Т.7, Сухуми, 1989. С.100.

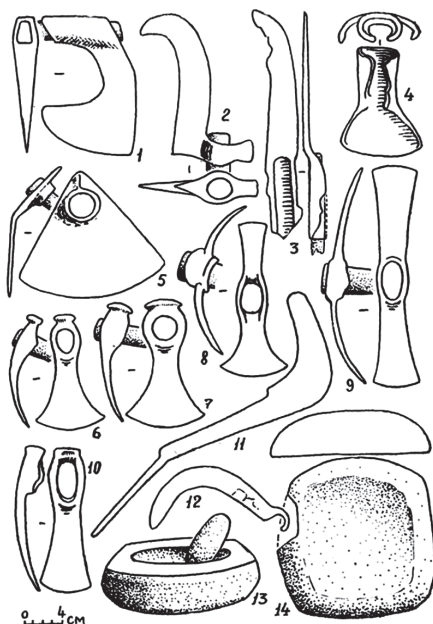

Рис. 8

хозяйственной деятельности и типы отдельных отраслей хозяйства»¹, в первую очередь, земледелия и животноводства. Вместе с тем, мнение, что земледелие находилось в Цебельдинской долине на высоком уровне развития² может быть поставлено под сомнение, поскольку, согласно другому мнению, «значительная часть ближайших к поселению и наиболее удобных для земледелия участков была занята под кладбищами. Это указывает на небольшую площадь земель, использовавшихся под сельскохозяйственные культуры в окрестностях поселений»³.

При этом, точно неизвестно, культивировалась ли в то время населением зерновая культура, но нельзя исключать и этого. Так, по сообщению Агафия Миринейского, в VI в. апсилы, судя по всему, уже занимались выращиванием злаковых культур, согласно данной строчке «...пока не истечет срок жатвы» (Агафий, Кн. IV, 13). На это красноречиво указывают и находки сельскохозяйственных орудий, обнаруженные в могилах апсильцев (рис. 8).

По материалам произведённых археологических раскопок было установлено, что хозяйственная жизнь апсильцев позднеантичного времени характеризуется широким развитием скотоводства, охоты, мотыжного и тяглого земледелия, виноградарства,

¹ Хафизова М.Г. Убыхи: ушедшие во имя свободы. Нальчик, 2010. С.29.

² Шамба Г.К. Ахаччарху – древний могильник... С.70.

³ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины... С.54.

ремёсел (в особенности гончарного, а также металлургии, связанной, прежде всего, с производством разнообразного оружия)¹. Развито было железорудное дело. Массовое производство железных орудий, которое было доведено до совершенства, опиралось на местную рудную базу. Для повышения качества изделия применялась локальная и односторонняя цементация, т.е. создание на поверхности рабочей части железного предмета стального слоя, так как «сочетание твёрдой стальной рабочей части предмета с мягкой и упругой железной

основой даёт инструменту отличные рабочие качества»². Своё развитие в это время получает и цебельдинское керамическое искусство, которое по праву можно назвать феноменом³. В V в. апсильские гончары осваивают новую форму производства амфор в Причерноморье, приспособляя их для вьючной транспортировки в горах. Одновременно с этим апсилы использовали амфоры, поступавшие из десятков центров Средиземноморья и Причерноморья⁴. Можно сказать, говоря о характерных особенностях разви-

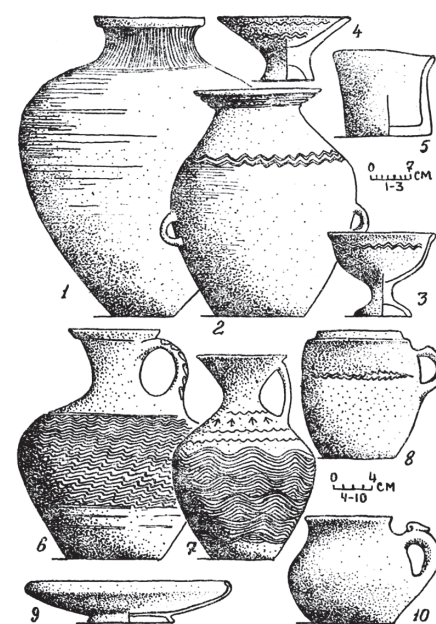

Рис. 9

¹ Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов... С.238.

² Бгажба О.Х. О кузнечном ремесле в древней Абхазии (VI в. до н.э. – VII в. н.э.) // ИАИЯЛИ. Вып. VI. Тб., 1977. С.158.

³ Логинов В.А. Этнографический аспект изучения керамики Абхазии II–VII вв. н.э. // ИАИЯЛИ. Вып. XIII. История и экономика. Тб., 1985. С.60.

⁴ Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.)... С.340.

тия местной керамики, что она не знает резких смен керамических типов и даёт пример последовательного местного развития, принимавшего извне лишь отдельные детали технического приёма. Даже воздействие античной колонизации кардинально не нарушило этой внутренней закономерности развития (рис.9).

Следует отметить и следующее. Жизнь апсильского общества во многом определялась законами, связанными с религиозными воззрениями на все случаи жизни. Известно, что в позднеантичную эпоху среди коренного населения Абхазии по-прежнему бытовали языческие религиозные верования. Определённое указание на это сохранилось в ряде археологических памятников¹. Укоренившаяся среди населения традиционная языческая религия была настолько близка ему, что даже когда в VI столетии в центральную, густонаселенную часть Апсолии начинает проникать христианство (в частности, об этом свидетельствуют материалы из с. Цабал: крестовидные пластинчатые фибулы, нательные кресты, церкви т.д.), население по-прежнему крепко держалось за свою традиционную веру, хотя и новая монотеистическая религия, накладываясь на местный антропоморфный политеизм, могла иметь такое же широкое распространение. По мнению Р. М. Барцыц и А. И. Бройдо, «решающую роль в широком распространении раннего христианства в Абхазии сыграли многовековые народные традиции религиозного синкретизма и толерантности»², которые чётко увязывались и сейчас воспринимаются с представлением того, что «сама земля Абхазия считается Уделом Анцва, который он передал абхазам в вечное пользование, заповедовав хранить эту землю от всех, кто захочет её присвоить. А чтобы не забыли люди, чья это земля, Апааимбар (посланник Анцва) установил на ней семь святилищ – Аныхы – для поклонения Богу»³, семь главных. По данным

¹ Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А., Куправа А.Э. История Абхазии. Сухуми, 1986. С.34.

² Барцыц Р.М., Бройдо А.И. Традиция религиозного синкретизма и распространение христианства в Абхазии // КНЗ. №1. М., 2009. С.171.

³ Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм... С.35.

Ш. Д. Инал-ипа, «на сегодня можно ещё обнаружить следы или воспоминания о древних языческих святилищах Абхазии количеством до 30 и выше»¹.

Помимо военно-политических, большое значение имели торгово-экономические и культурные связи апсильских с Римской империей. Важную роль в прибрежных городах приобретают в то время купцы. Так, купеческая прослойка в канабах сохраняет своё значение посредника между малоазиатско-восточно-средиземноморскими

Рис. 10

центрами и аборигенным населением, в среде которого неизменной популярностью пользовались предметы импорта, что, конечно же, в свою очередь, наложило определенный отпечаток на развитие местной культуры и религии. На таком фоне происходит процесс усиления с I в. н.э. торговых связей с развитыми провинциями Рима, подтверждением чему служат археологические материалы «как прибрежной, так и предгорной полосы Абхазии (Себастополь, Питиунт, Гуадику, Цебельда, Атар, Шаумяновка, Шубара и др.)». Соответственно, «экономика Абхазии во многом была связана с экономикой средиземноморских областей»². Особенно, надо заметить, торговые связи у населения горных районов Закавказья усилились после нарушения связей с Боспором³. Что же

¹ Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов... С.304.

² Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. ... С.36.

³ Прокопенко Ю.А. История северо-кавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999. С.84.

касается самого Севастополиса, «раскопки культурных слоёв города дали большое число бытовой хозяйственной керамики III в. н.э., главным образом, местного производства. Эти керамические изделия характеризуются амфорами, краснолаковыми сосудами, среди которых встречаются и привозные образцы III в. н.э. Представлены также обломки импортных стеклянных сосудов (рис. 10). Очень много фрагментов кровельной черепицы»¹.

Таким образом, говоря о местном обществе, жизнь которого во многом была определена хозяйственно-экономическим и культурным укладом, можно отметить, что оно развивалось, главным образом, на основе внутренних социально-экономических процессов, предопределяющих политическую, социально-этническую и культурную историю народа², а также на основе внешних ресурсов, способствовавших интеграционным процессам носителей Цебельдинской культуры, давшие, впоследствии абхазам самоназвание «*апсуа*» и название страны «*Апсны*» («человек души» и «Страна души»).

К проблеме локализации южной этнополитической границы апсильов и их взаимоотношения с лазами

V в. – начало ранней византийской эпохи, эпохи крупных миграций целых этнополитических племенных объединений и народов. Своё дальнейшее развитие продолжает в это время Цебельдинская культура. Одним из этапов развития последней становится распространение её носителей вдоль западнокавказского перевального пути, где ещё интенсивнее и активнее устанавливаются торгово-экономические и политические связи, во многом зависящие от интереса к данному региону Западного Закавказья Восточно-Римской (Византийской) империи. Общество развивается, главным образом, на основе внутренних производительных сил и

¹ Трапш М.М. Труды: в 4-х томах. Т.2. С.292.

² Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. Сухум, 2002. С.186.

резервов. Меняются этнополитические границы, суживается ареал обитания многих племён. Этот общеисторический процесс коснулся, отчасти, непосредственно и коренного населения Аписилии.

Ещё с I–II вв. н.э. на территории Колхиды (в географическом понимании) существовали различные этнополитические объединения, в том числе этнополитическое объединение лазов, упомянутое Флавием Аррианом. Центром этого объединения была плодородная Рионская низменность (южная часть). «В 70-х гг. н.э., согласно Плинию, древнекартвельские племена лазов находились вблизи устья р. Апсар (район г. Батуми). Он же говорит о реке Роан (Риони) и прилегающей к ней области Кегритика. Наименование Кегритика, скорее всего, тесно связано с этнонимом эгры и названием «Эгриси». Флавий Арриан (137г.) подчёркивал, что «древнее наименование (*абхазских топонимов*) Апсар-Апсирт потом было искажено подобно тому, как искажены и другие названия». Клавдий Птолемей сообщал: «Приморскую часть Колхиды заселяют лазы, вышележащие местности – манралы и народы, живущие в стране Экретике». Экретика – это, несомненно, плиниевская Кегретика, населённая эграми, в названии которых, как и манралов, угадывается современное название мегрелов (Меликишвили Г. А.), занимающих и теперь близкое указанному Птолемеем положение. После II в. н.э. из письменных источников исчезают все перечисленные названия, за исключением Лазики, включавшей как область приморских лазов, так и манралов и эгров. Тогда лазы стали постепенно оттеснять апсильов от Риона к Ингуру»¹. Таким образом, складывалась карта расселения с начала нашей эры этногрупп, говоривших на картвельском языке.

Вместе с тем, дискуссионной является проблема, где точно могла проходить южная этническая граница расселения апсильов в

¹ Бгажба О.Х. Ранние этапы этнической истории абхазов // Археология, этнография и фольклористика Кавказ: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С.111.

ранневизантийский период. В частности, Л. Г. Хрушкова, ссылаясь на фрагментарные и противоречивые известия письменных источников, на недостаточную изученность археологических памятников в период перехода от античности к ранневизантийской эпохе, заметила, что общепризнанного мнения по проблеме границ расселения апсильев не существует¹. И, тем не менее, попытаемся всё же разобраться в этой проблеме.

Если обратиться к сведениям Прокопия Кесарийского, византийского автора VI в., то можно увидеть, что апсилы ещё проживали за р. Риони. *«Так вот река Фасис, ... впадает в конечную часть Эвксинского Понта, на краях залива – полумесяца; на одной его стороне, принадлежащего Азии, находился город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежавшего уже Европе, находится область апсильев»* (Прокопий. Война с готами. Кн. VIII, 2). Характерно, что Прокопий здесь же, в этой части Северо-Западной Колхиды размещает основное население Лазики – лазов. *«Упираясь в эти места, Понт образует береговую линию в виде полумесяца. Длина пути при переезде по этому заливу – полумесяцу составляет приблизительно пятьсот пятьдесят стадий, а всё, что лежит за этой береговой линией, является уже страной лазов и носит название Лазики»* (Прокопий. Война с готами. Кн. VIII, 2). Однако остаётся, судя по описанию, неясно, где именно находился, в таком случае, ареал проживания апсильев в упомянутом Прокопием регионе, если учесть, что прибрежная линия была заболоченная, а за ней, как, считает византийский историк, находились уже лазы!

Также неопределённо Прокопий Кесарийский указывает на то, до каких пределов на севере могли проживать апсилы, где заканчивался второй край «полумесячного» залива». *«За Апсильями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абасги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта»* (Прокопий. Война с готами. Кн. VIII, 3).

¹ Хрушкова Л.Г. О религиозных верованиях апсильев (IV–VII века) // ИАИ-ЯЛИ. Вып. XII. Тб., 1983. С. 76.

Есть мнение, что апсилы до V в. н.э. проживали до р. Келасур, якобы граница между апсилами и абасгами, судя по данным археологии, проходила в горах по указанной реке. Вместе с тем это не совсем верно, поскольку, «поселения абасгов обнаружены в ущелье Гумисты (Каманы и Отсюш) и в ряде пунктов Бзыбской Абхазии, что совпадает с указаниями античных источников»¹. Становится понятным, что граница апсильев проходила в горной части, но не в прибрежной, в то время как в ней также локализируются апсилы (по данным археологии). Как засвидетельствовали Ю. Н. Воронов и М. М. Гунба, могильники и поселения апсильев появляются в ранневизантийское время северо-западнее Севастополя, в ряде пунктов селения Верхняя Эшера². З. В. Анчабадзе был более категоричен, полагая, что крайняя северо-западная (приморская) граница Апсильи проходила вблизи нынешнего Нового Афона, допуская в то же время, что она могла пролегать и по р. Гумиста или несколько восточнее³.

Так, например, ряд исследователей (Г. К. Шамба⁴, Ю. Н. Воронов⁵, И. О. Гавритухин и А. В. Пьянков⁶, А. Ю. Скаков и А. И. Джопуа⁷ и др.), проанализировав археологический, погребальный

¹ Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья... С. 26.

² Он же. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978. С. 39; Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Севастополь-Цхум в книге «Научные труды». Том четвёртый. Сухум, 2014. С. 247; Гунба М.М. Новые памятники Цебельдинской культуры. Тб., 1978. С. 62.

³ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 8.

⁴ Шамба Г.К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // МАИА. Сухуми, 1974. С. 48–65.

⁵ Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II–VII вв.) // МАА. Тб, 1979. С. 49–58; Он же. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н.э. // КСИА. №159. М., 1979. С. 45–52; Он же. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // ПИФК. Т. XII. М.-Магнитогорск, 2002. С. 334–349.

⁶ Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.)... С. 186–296.

⁷ Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии // МИАК. Вып. 6. Краснодар, 2006. С. 235–260.

материал в захоронениях в ущельях р. Хашупса, Ачмарда, Лапста, пос. Чинталук, в урочищах Сушка, Бароновка, села Михелрипш, в окрестностях г. Сочи, в сёлах Ачандара, Куланурхуа, т.е. в местах коренного обитания абасгов и санигов, осторожно замечают, что он в общих чертах не отличается от того материала, который был выявлен в апсильских погребениях. Единственно, что отмечено, разница может варьировать в хронологическом диапазоне (допустим, характерные признаки для апсильской керамики в позднеантичный период могут быть замечены в абазгской в раннем средневековье). По мнению Г. К. Шамба, «несмотря на незначительный характер выявленных нами погребений в Гагрском районе, они почти не отличаются в обрядовом захоронении от уже достаточно хорошо изученных могильников апсильской культуры, расположенных вдоль трассы Военно-Сухумской дороги в исторической Цебельде». Далее он отмечает поразительное сходство между погребениями позднеантичной эпохи Гагрского района и Цебельды, которое прослеживается не только в погребальном обряде, но и в инвентаре. «В обоих случаях одни и те же топоры цебельдинского типа, двулезвийные и однолезвийные мечи, лучковые фибулы с крестовидной дужкой, бронзовые браслеты, наконечники копий, ножи, бусы и т.д.»¹. Данное мнение о схожести ассортимента вещей поддерживается и Ю. Н. Вороновым, но с большим территориальным охватом. Как полагает исследователь, общими для всей этой территории (*Абазгия, Санигия, Апсилья – В.Н.*) от района современного Сочи до Цебельды в III–VII вв. являются мечи, топоры, наконечники копий, щиты и ножички, значительная часть браслетов, фибул, пряжек, серёг, туалетных инструментов, хрустальные бусы и др.². Большой интерес в этой связи вызывают недавно сделанные находки в районе Сочи (Красная поляна), говорящие «о непосредственных связях в III–IV вв. местного населения с носите-

¹ Шамба Г.К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе... С.64.

² Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II–VII вв.)... С.57.

лями Цебельдинской культуры», как «свидетельствуют аналогии в керамике, известной из ряда разрушенных погребений в районе Красной поляны» и др. предметы (напр. оружие), что, по мнению И. О. Гавритухина и А. В. Пьянкова, по отрывочным материалам из Сочинского района, позволяет говорить «о связях местного населения с носителями Цебельдинской культуры в III–IV вв. и о наличии, по крайней мере, в конце IV – начале V в. вооружения, сопоставимого с цебельдинским»¹. В частности, на Красной поляне был найден глиняный кувшин, изготовленный в апсильской мастерской в IV–V вв., указывающий «на реальные связи санигов с апсилами»². На реальные связи апсильских с абазгами показывает и керамика, выявленная экспедицией под руководством А. Ю. Скакова и А. И. Джопуа в с. Ачандара на могильнике Цоухуа (IV–VI вв. н.э.) с 15 погребениями. Идентичность выявленных предметов на данном могильнике и в некрополях Цебельды подтолкнула А. Ю. Скакова и А. И. Джопуа заключить, что «оба могильника принадлежат одной группе населения, образуя предположительно локальный вариант Цебельдинской культуры»³. Так, опираясь на эти данные и основываясь на трёх вскрытых им погребениях в Гудаутском районе, синхронных памятникам Восточной Абхазии, З. Г. Хондзия сделал, на наш взгляд, преждевременный вывод, что на рубеже I–VI вв. существовала Абхазская культура вместо Цебельдинской⁴.

Однако следует отметить, что приведённые выше аналогии о явной близости Цебельдинской культуры с материальной культурой абасгов и санигов ещё не доказывает, что Цебельдинская

¹ Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.)... С.190.

² Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии.... С.93.

³ Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии.... С.243,246.

⁴ Хондзия З.Г. Новые материалы Цебельдинской культуры в Западной Абхазии // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар, 2015. С.289–293.

культура была распространена до р. Псоу и севернее. К сожалению, надо констатировать, что материальная культура санигов и абасгов мало изучена, встречаемый материал, родственный цебельдинскому, всё же пока очень незначителен. Что касается вещей, то мы можем лишь говорить, что они могли вполне попасть на места их обнаружения в результате торговли или брачного обмена. Говоря же о самой Цебельдинской культуре, руководствуясь мнением археологов (М. М. Трапш, Г. К. Шамба, Ю. Н. Воронова, О. Х. Бгажба и др.) о том, что яркие образцы данной материальной культуры были обнаружены в окрестностях современного села Цабал (Цебельда), можно считать вполне оправданным мнение, что эта археологическая культура была названа по месту концентрации вещественного материала, т.е. Цебельдинской.

Только после широкомасштабных археологических раскопок с выявлением массового археологического материала в северо-западной Абхазии (как например, в юго-восточной Абхазии) можно будет, на наш взгляд, с достаточным основанием говорить о выделении Абхазской культуры римско-византийского времени на территории современной Абхазии и, возможно, частично Российской Федерации (Сочи-Адлерский район).

В то же время, для реконструкции этнической ситуации в Восточном Причерноморье (V–VI вв.), а именно для уточнения границ проживания древнеабхазских этнообъединений в Западном Закавказье (в южном направлении) некоторый интерес для нас может представлять информация, имеющаяся как в грузинских летописях XI в, так и в армянской географии VII в. «Ашхарацуйц». Так, в известном сочинении автора XI в. Джуаншера Джуаншериани: «Житие и деяния Вахтанга Горгасала», повествующем о политических событиях в Картли V–VII вв., описывается деятельность картлийского царя V в. Вахтанга Горгасала. Джуаншер повествует о том, как в то время как бесчисленные войска овсов полонили Картли и, «не овладев долинами картлийскими, (а также) Кахетии, Кларджети и Эгриси», вернулись в Овсети, греки явились из Абхазии, «ибо владели они землями в низовьях Эгрис-цкали, затем захватили

земли от низовий Эгриц-цкали и до (крепости) Цихе – Годжи». Далее он пишет: «и расспросил кесарь о пограничной с Грецией приморской стране, которая есть Абхазия, и сказал так: «От Эгрис-цкали и до реки Малой Хазарии – это суть рубежи Греции со времён Александра, их ныне ты руками своими отобрал у нас. Теперь же верни их нам и, когда в жёны себе возьмешь дочь мою, тогда я и отдам тебе ту страну». И отписал земли между Эгриц-цкали и Клисурой (в качестве) приданого, а прочую Абхазию Вахтанг вернул грекам»¹. Согласно летописи, речь здесь идёт о том, как царь во главе большого войска картлийского, двигаясь по абхазской дороге, начал завоёвывать крепости в Абхазии, воспользовавшись тем, что Леон – царь греков был занят в войне с персами. Нас же интересует ответ на вопрос, о каких именно пограничных реках, известных сегодня под своими названиями, Джуаншер говорит, упоминая Эгрис-цкали и Клисура?

В частности, по мнению М. М. Гунба, из этого источника видно, что до «Вахтанга Горгасала территория от реки Эгри до Келасури была составной частью Абхазии. Её от Абхазии отторг император Византии и передал своей дочери»². В этой связи возникает вопрос – что это была за территория? По мнению исследователя, это была Апсилия (от Ингура до Келасури), которая до конца V в., когда произошло её отпадение, «постоянно являлась составной частью Абхазии», т.е. после 482 г., когда скончалась первая жена Вахтанга Горгасала и он вторично женился на дочери византийского императора. «Вторичная женитьба Вахтанга, с чем было связано присоединение Апсилии к его владениям, могла произойти только после 482 года», - заключает М. М. Гунба и дальше замечает: «о факте подчинения Абхазии Лазике не упоминается»³.

¹ Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. Тб., 1986. С.61.

² Гунба М.М. Об автохтонности абхазов в Абхазии // Абхазоведение (историческая серия). Вып.1. Сухум, 2000. С.84.

³ Он же. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). Сухуми, 1989. С.164.

Таким образом, автор, интерпретируя данный источник, особенно то, что касается гидронимии, исходит из тех взаимоотношений, что сложились между Картли и Византией, ставя тем самым под сомнение существование самой Апсилии как самостоятельного политического образования. По справедливому мнению О. Х. Бгажба: «Неправильная трактовка данного историко-географического вопроса даёт возможность некоторым комментариям даже склоняться к мысли, что Вахтангу Горгасалу византийским императором была выделена территория между Клисурой (р. Келасур) и Эгрис-цкали (р. Ингур). Говоря современным языком, граница между Абхазией и Грузией должна была бы проходить в то время по р. Келасур, тем самым часть Апсилии тогда отходила бы к Грузии, другая же – к Абхазии (Абасгии), что не соответствует историческим реалиям»¹. Продолжая развивать тему, исследователь отметил, что, «если Клисура и Келасур – одно и то же, то тогда все византийские источники и материальная культура Апсилии оказываются ложными – местных раннеклассовых образований не существовало, а было два государства «Греция и Грузия», граница между которыми проходила по современной р. Келасур, где «греками» (по логике рассуждений) и были сооружены соответствующие оборонительные заслоны»². Тот же самый Джуаншер даёт, по мнению Ю. Н. Воронова, наиболее конкретное указание местонахождения Клисур в его описании вторжения Мурвана Кру в Эгриси-Лазик и Апилию-Апсилию³. В частности, он отметил, что Клисуру Джуаншера следует однозначно локализовать «в долине Риона, включая в её оборонительную систему Цихе – Годжи (Археополь), который, согласно тому же Джуаншеру, играл роль пограничного пункта между «Грецией» и владениями Вахтанга Горгасала в Колхиде. «Поэтому, – заключает исследователь, – на вопрос

¹ Бгажба О.Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение (историческая серия). Вып. 2. Сухум, 2003. С.64.

² Там же. С.64.

³ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология. Сухум, 1998. С.76.

о локализации Клисур Джуаншера я отвечаю однозначно – она располагалась на территории внутренней Лазики»¹.

Если вспомнить, Джуаншер говорит о Клизуре, выступающей у него сначала в источнике как «Клиурская стена», и о трёхградной крепости Цихе-Годжи как о преодоленных оборонительных узлах в Западной Грузии арабским военачальником, перед которым путь в Апсилию и дальше был открыт, и ему уже ничего не мешало войти в Клисуру, «которая в то время являлась границей между Грецией и Грузией»², т.е. между Абхазией, зависимой от Византии, и Лазикой-Эгриси.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на проблему локализации упомянутой Джуаншером р. Эгрис-цкали, имеющей «большое значение для установления этнических и политических границ Эгриси (Егерия) того или иного периода», поскольку «диапазон её локализации в современной историко-географической литературе колеблется от Кодора до Риони»³, и тем самым какая-то часть территории апсильов оказывается под влиянием Лазики-Эгриси. Например, некоторые исследователи (З. В. Анчабадзе, Г. В. Цулая и др.) реку Аалзга//Галидзга отождествляют с Эгриси, Эгрисцкали древнегрузинских источников. З. В. Анчабадзе полагал, что это была река Галидзга, по ней проходила «южная этническая граница Апсилии»⁴. Между тем как, по мнению других (С. Т. Еремян, И. А. Джавахишвили, В. Ф. Бутба и др.), данная река никогда так не называлась. Некоторые авторы: М. И. Броссе, С. Н. Какабадзе, М. М. Гунба, С. Н. Джанашиа отождествляют Эгрис-цкали с р. Ингур. Однако, по мнению Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба,

¹ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология. Сухум, 1998. С.76.

² Цит. по: Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевёл на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Амичба Г.А. Сухуми, 1986. С.28.

³ Гунба Г.Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали Джуаншера Джуаншерияни // Абхазоведение (историческая серия). Вып. III. Сухум, 2004. С.80.

⁴ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии ...С.7.

только после VIII в. было перенесено наименование Эгрис-цкали к берегам р. Ингур (древний Хобос), до этого времени Эгрис-цкали – правый берег р. Риони (Фасиса), там, где в раннем средневековье находились центральные области Лазики – Эгриси (Плиний, Птоломей, Прокопий, Агафий)¹.

Следуя информации, представленной в армянской географии «Ашхарацуйц», страна Егер *«находится к востоку от Понтийского моря, близ Сарматии, и сопредельная с Иверией и Великой Арменией»*. Здесь же Азиатская Сарматия *«простирается вдоль Кавказских гор у Грузии и Албании до Каспийского моря»*, Иверия расположена к востоку от Егера, в смежности с Сарматией у Кавказа². То есть, из описания видно, что Эгриси располагалась в Западной Грузии. Анализируя данный текст Ашхарацуйца, можно заметить, что «Азиатская страна Колхида, которая есть Егр, простирается по восточному Причерноморью от Трапезунда и Каппадокийского Понта на юго-востоке до границ Абхазии по реке Техури и нижнего течения Риони на северо-западе; с севера Егр (Эгриси) ограничивается Эгрисским и Рачинским хребтами; на востоке, по реке Квирила и Месхетинскому хребту, по западной окраине Тайка (Тао) и Каппадокийского Понта – с Великой Арменией»³.

Не согласившись с отождествлением Эгрис-цкали со средним и верхним течением р. Риони, так как этому, на взгляд Г. Д. Гумба, противоречат, прежде всего, сведения «Ашхарацуйца» и грузинских источников, он заметил, что при идентификации р. Эгрис-цкали исследователи упускали весьма существенный момент, а именно то, что в древнегрузинских источниках р. Эгриц-цкали чаще всего выступает «как граница Эгриси, в те или иные периоды, а так как, этот гидроним употребляется в картлийских

источниках, то в них, соответственно, фиксируется граница Картли с Эгриси, а не граница Абхазии с Эгриси». Далее, комментируя грузинский источник «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии»), согласно которому именно по реке Эгриц-цкали проходит граница между Картли и Эгриси ещё со времён становления Картлийского царства, исследователь заключил, что «идентификация реки Эгриц-цкали Джуаншера находится в прямой зависимости от определения границы Картлийского царства с Эгриси в раннем средневековье. Эта граница устанавливается достаточно точно»¹.

Таким образом, акцентируя внимание на том, что «при определении границы Картлийского царства с Эгриси необходимо учитывать, что в армянских и грузинских источниках термин «Егр» («Эгриси») употребляется в двух смыслах: узком, этническом и широком, географическом значениях», Г. Д. Гумба, опираясь на сведения «Ашхарацуйца» и свидетельство Леонтия Мровели, приходит к выводу, что по р. Квирила «проходила граница Картлийского царства с Эгриси и р. Эгрис-цкали, являвшейся по древнегрузинской исторической традиции границей Картлийского царства с Эгриси ещё со времён Александра Македонского», а также «границей не только между Картлийским царством и Эгриси, но служила линией раздела сфер влияния на Южном Кавказе в I тыс. до н.э. между крупнейшими державами того времени: Римом и Персией, Византией и Персией»². Подводя итог, автор заключил: «Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают достаточно основания для отождествления Эгрис-цкали Джуаншера с р. Квирила. Здесь, по р. Эгрис-цкали (Квирила) проходила этнополитическая граница Эгриси с Грузией (Картли), а на западе по реке Техури (или Клисуре, Цихе – Годжи) – с Абхазией (Апсилия)» и такая ситуация сохранялась до VIII в.³. Скорее же всего, западная этнополитическая граница Эгриси-Лазики, если проходила по р. Техури, то до VI

¹ Воронов Ю.Н. Древняя Ассирия... С.72; Бгажба О.Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера?... С.66.

² Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хорнскому // ЖМНО. Ч.226. Пер. Патканов П. С.Пб., 1883.

³ Гумба Г.Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали... С.85.

¹ Гумба Г.Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали... С.85.

² Там же. С.87.

³ Там же. С.88.

в., а после, с расширением влияния Лазики, граница непременно должна была отодвинуться в сторону р. Ингур, поскольку, «к VI в. лазы оттеснили апсиров примерно к р. Ингур»¹.

Тем самым, с этого времени чётко устанавливается этнополитическая граница по р. Ингур между Апсилией и Лазикой. Подтверждением этому могут служить сведения древнеармянской рукописи (VII в.) «Ашхарацуйц», в которых сказано о реке Дракон: «...до города Питинунта (Pityus) на морском берегу страны Авазов (Abasgi), где живут Аншилы и Абхазы до приморского своего города Севастополиса (Dioscurias), и далее до реки Дракона [Ингур], текущей из Агван (не Албании) [Алании] и отделяющей Абхазию от страны Егер [Лазики]»².

Как можно видеть, в этом летописном своде, локализация страны Аваза ведётся в направлении с севера на юг, до реки Дракон, за которой начинается Эгриси. Однако, где же могла течь эта река со столь, по мнению Г. В. Цулая, мифическим названием? Хотя, правда, для В. Ф. Бутба она не является такой уж мифической и он довольно конкретно, опираясь на сведения Агафия Миринейского, увязывает её с р. Цхениц-цкали – правым притоком р. Риони, которая в источнике византийского автора упомянута как Докон. Действительно, если внимательно присмотреться, р. Докон как будто и есть Цхениц-цкали. Но насколько правильным будет сопоставление Дракона с Доконом? Возможно, что здесь мы имеем дело с одним из случаев народной этимологии, когда автор или редактор, знавший греческий язык и мифологию, осмыслил непонятное ему название³. Как заметил В. Ф. Бутба, «концепция Дракон-Докон – Цхениц-цкали строится не только на основе внешнего созвучия терминов, но также на анализе вопросов

¹ Бгажба О.Х. Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007. С.82.

² Цит. по: Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хорнскому... С.30.

³ Бутба В.Ф. Труды. Сухум, 2005. С.85.

исторической географии и этнополитического положения региона по данным синхронных источников»¹.

И всё же, как нам кажется, р. Дракон, находилась выше, впадая в Чёрное море. По мнению Г. В. Цулая: «не включив в состав Колхиды – Егер территорию расселения апхазов и апшилов, автор древнеармянского сведения тем самым ещё раз засвидетельствовал, что эти земли не входили в пределы Лазского царства (Эгриси)»², что в данном случае идёт вразрез с концепцией В. Ф. Бутба о локализации р. Дракон в Западной Грузии, в названии которой, так или иначе, но отражается мифическое животное. По всей видимости, «Драконовой могли назвать реку, которая ассоциировалась с мифическим зверем, или в ущелье которой легенда помещала драконово лежбище. Самый известный колхидский дракон – это тот, который стерёг золотое руно. Люди античной эпохи живо интересовались мифами и соотносили события с конкретными географическими объектами», «видимо, с рекой, текущей из глубины сванских гор, легенда связывала и дракона, стерегущего золото»³. В тоже время, анализируя древнеармянский текст, Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба сделали вывод, что Севостополис соответствует современному Сухуму, а р. Дракон (Вишар) – р. Ингур, верховья которой до Бухлоона-Буколуса были в тот период включены в пределы Алании. Поэтому граница между Абхазией и Грузией, говоря современным языком, проходила в VII в по р. Ингур (так было ранее – в VI в. и позднее, в середине VIII в.)⁴.

Такая концепция имеет под собой реальную основу. Как известно, Агафий Миринейский – первый из византийских историков,

¹ Бутба В.Ф. Труды. Сухум, 2005. С.163.

² Цулая Г.В. Описание Колхиды и сведения об абхазах в армянской «Географии» VII века // Ономастика Колхиды. Орджоникидзе, 1980. С.76.

³ Анчабадзе З.Г. К проблеме идентификации гидронимов «Эгрисцкали» и «дракон» // Первые международные Инал-иповские чтения. Сухум, 2011. С.269.

⁴ Воронов Ю.Н. Древнеабхазские племена в римско-византийскую эпоху // История Абхазии. Сухум, 1991. С.68; Бгажба О.Х. Лакоба С.З. История Абхазии.... С.142.

кто сообщает, в связи с восстанием мисимиан, о Мисиминии, восточные районы которой передаются Византией аланам, т.е. до р. Ингур, где пролегал Мисимианский путь, частично находившийся в зависимости от политической власти Аланского царства и проходивший, в частности, по сведению византийского летописца конца VI в. Менандра Протиктора, вблизи суанов. Здесь же находилась крепость Бухлоон – самый восточный предел Мисиминии. Таким образом, согласно анализу приведённого ранневизантийского письменного материала, территория Апсилии и близкой к ней Мисиминии в ранневизантийское время (VI – VIII вв.) доходила до р. Ингур. Отсутствие же археологического материала Цебельдинской культуры на территории Западной Грузии с этого времени подтверждает данный факт.

Вообще же этнополитическая ситуация в Восточном Причерноморье того времени некоторыми исследователями (С. Н. Джанашиа, Г. А. Меликишвили, Н. Ю. Ломоури, Г. В. Цулая и др.) изучается и рассматривается прямолинейно в контексте межэтнической сплочённости с превалированием одного, более высококультурного этноса, в частности, лазского или же эгрисского. И здесь, в первую очередь, в современной грузинской национальной историографии (сер. XX – начало XXI вв.) упор, чаще всего, делается на локализацию древнеабхазских этнообъединений и доминирование в западно-кавказском регионе западногрузинской этнической общности - лазов¹, под влиянием которой апсилы претерпели сильное и непосредственное воздействие эгрисской (западногрузинской) культуры, пока окончательно и полностью не слились с лазами².

¹ Джанашиа С.Н. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики. Образование «Абхазского царства» // ИАНГ. №2. Тб., 1991. С.25; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тб., 1959. С.382; Ломоури Н.Ю. Западная Грузия – Эгриси (Лазика) в IV – V вв. // Очерки истории Грузии. Том II. Грузия в IV–X веках. Тб., 1988. С.137; Он же. К выяснению некоторых сведений «Notitia Dignitatum» и вопрос о так называемом понтийском лимесе // ВВ. Том 46. М., 1986. С.59;

² Он же. Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи // Работы по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999. С.95.

Г. В. Цулая, напротив, отмечает, что «население Лазики-Эгриси не сумело сколько-нибудь основательно абсорбировать апсиров и распространить на них своё название»¹. Правда, этот же автор замечает, подменяя этнонимом лазы колхами, что, «этнокультурное превосходство апсиров в Цибилуе могло быть обусловлено непосредственным соседством с ними колхов, их влиянием на различные стороны жизни и быта апсиров»². Наиболее тенденциозные авторы (Д. Л. Мухелишвили, З. В. Папаскири и др.) полагают, что лазы были расселены и в северо-западной части Кавказа (до совр. г. Туапсе), о чём может свидетельствовать, на их взгляд, существование там топонима «Старая Лазика» (упоминаемый в письменном источнике Флавия Арриана).

Таким образом, существующий иной подход со стороны грузинской исторической национальной школы, реконструирующий этнополитическую и этнокультурную ситуацию, демонстрирует с раннего времени лидирующее положение картвельского этнического массива, за счёт усиления Лазского царства, в той части Западного Закавказья, которую мы называем Абхазия. Но данная проблема, не потерявшая и сегодня своей актуальности, не может быть решена так односторонне и здесь для нас важное значение приобретают апсиро-лазские взаимоотношения, но не в тех больших масштабах, как стараются показать, главным образом, большинство грузинских исследователей.

Следует также отметить, что и некоторые абхазские специалисты (З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа, Г. А. Амичба) обычно не сомневаются в достоверности сведений ранневизантийских авторов, в том числе Прокопия Кесарийского, о зависимости древнеабхазских этнополитических объединений, в частности, Апсилии от Лазики. «Так, термин «Лазика», – подмечает Г. А. Амичба, – используется в значении как собственно Эгриси, так и для обо-

¹ Цулая Г.В. Абхазия в контексте истории Грузии. Домонгольский период. Краткие очерки. М., 1995. С.15.

² Там же. С.22.

значения входивших в состав этого царства других областей, в частности населённых древнеабхазскими племенами»¹. Однако, как представляется, необходим более осторожный подход к этой проблеме².

Итак, неужели действительно Лазики настолько усилились к IV в., среди прочих этнополитических объединений, что стала преобладать в западнокавказском регионе? Прежде всего, сразу заметим, что Лазики, поглощённая своими внутренними проблемами и зависима от Римской, а затем Византийской империи, никак не могла быть настолько сильной и иметь какую-то власть над также зависимой от той же империи Апсолией, начиная с IV в., поскольку апсоло-лазские взаимоотношения, а их совсем исключать нельзя, упираются, в первую очередь, в проблему отношений местного населения с Римской и Византийской империями. Немаловажно тут отметить, что на раннем этапе (на протяжении IV–V вв.) Лазики входила в состав Картлийского царства, вследствие чего она была ограничена в своей внешнеполитической деятельности. Поэтому тезис о мирном проникновении лазских царей в Абасгию и Апсолию с согласия Рима для защиты горных проходов представляется нам необоснованным³.

Становится очевидным, что говорить об «усилении» Лазики пока преждевременно, тем более что «об усилении Лазского царства в III–IV вв. римские и византийские источники ничего не сообщают. Наоборот, согласно древнегрузинским источникам (Леонтий Мровели), Лазики (Эгриси) мыслилась не как «царство», а как «эриставство» от Картлийского царства (Ш. Д. Инал-ипа, А. М. Хазанов, Г. К. Шамба)»⁴. Вместе с тем, византийские авторы VI в., зная об этом, хранят гробовое молчание, - пишет Г.А. Меликишвили. - Своё

¹ Амичба Г.А., Папуашвили Т.Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI–VIII вв.). Тб., 1985. С.9.

² Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсолии. Сухуми, 1986. С.69.

³ Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э... С.162.

⁴ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. С.142.

право на господство в Западной Грузии они основывают именно на правах своего подданного – лазского царя, в то время как факты, свидетельствующие о владениях находящегося в подчинении Ирану Картли в Западной Грузии, были им крайне нежелательны, так как обосновывали притязания персов на Западную Грузию¹.

Сведений о территории, принадлежавшей Апсолии и частично перешедшей якобы к Лазике, и о том, что проживавшие здесь апсылы попали под влияние эгрисской (западногрузинской) культуры и полностью слились с лазами, у нас нет. Нет конкретного материала, подтверждающего данное обстоятельство. Столь голословное утверждение никак не вяжется с теми результатами археологических раскопок, которые производились на той территории исторической Апсолии, где должны были бы, как считают грузинские исследователи, проживать лазы. «Не отрицая взаимопроникновения культур между соседними племенами, какими являлись апсылы и лазы в начале н.э., нельзя не заметить, что в данном случае в развитии материальной культуры среди племён Кавказского Причерноморья выдающихся успехов добились апсоло-абазгские племена»². Раскопки в Цебельде и в целом по Кодорскому ущелью (Лата, Амткел, Атара, Пал, Дал и т.д.) и вне его пределов (Атара, Очамчыра, Эшера) показали, что на примере этих находок мы имеем высокоразвитое материальное общество с единой материальной культурой³. Это: керамическая столовая и тарная посуда, сосуды – скульптуры оленя и быка, принадлежавшие, вероятно, к культовым изделиям, металлообработка: в местных могилах выявлены сотни ювелирных изделий из золота, бронзы и железа⁴. Определенно никакого слияния не могло быть.

¹ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии... С.386.

² Шамба Г.К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племён в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии/Грузия»). Тб., 1999 // ВАНА. № 1, Сухум, 2005. С.92.

³ Там же. С.92.

⁴ Воронов Ю.Н., Аджиджал Б.М. Искусство и архитектура Абхазии в книге «История Абхазии». Сухум, 1991. С.137.

В тоже время следует сказать, что материальная культура лазов вне городского контекста очень плохо изучена.

Но если в сочинении Прокопия Кесарийского апсилы отмечены как подданные лазов (Прокопий, Война с готами. Кн. VIII, 2, 33), это можно встретить и у Агафия Миринейского, в связи с восстанием мисимиан (Агафий, Кн. III, 15), то в другом письменном источнике, менее известном, написанном на рубеже VII–VIII вв. «Космография» Равеннского анонима, видно чёткое разграничение между страной лазов и страной Абсилией, а также страной Абасгией¹, в тоже время сама Лазика, судя по карте, на северном направлении упирается в Апсилию, в районе чуть выше р. Риони, т.е., где-то возле р. Ингур². Несомненно, последний источник более правильно отражает этнополитическую ситуацию в Западном Закавказье, самостоятельность всех указанных в нём политических объединений, которая, очевидно, без особых изменений сохранялась и в VI в. Что же касается, в частности, конкретно сообщения Прокопия Кесарийского, о том что апсилы – подданные лазов, то, вероятнее всего, это связано с политическими перипетиями византийского императорского двора в Западном Закавказье, чтобы подчеркнуть в данном регионе Кавказа военно-политическую мощь Лазики³. Тем более что последняя была образована как зависимое от Византии княжество, «которое закрывало персам доступ к Чёрному морю»⁴. Очень важно, что в источниках ни разу не упоминается о каких-либо санкциях лазских царей по отношению к «вассальным» апсилам и их соседям⁵. Как у продолжателя Прокопия, у Агафия стояла, видимо, такая же конкретная задача: указать доминирую-

¹ Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С.191.

² Там же. С.248.

³ Гунба Б. М. Письменные источники о Севастополе // ПИФК. Вып. XVII. История древнего мира и средних веков. Археология. М.,-Магнитогорск, 2006. С.262.

⁴ Андре Гийу. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2007. С.78.

⁵ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии... С. 70.

щую роль Лазики в западнозакавказском регионе, исходя из военной доктрины Византийской империи.

Опираясь на вышеизложенное, можно заключить, что Апсилия в IV–V вв. не подчинялась Лазики, а находилась в довольно сильной политической, экономической и культурной зависимости от Византийской империи¹, как, впрочем, и сама Лазика. Это касается и VI в., о чем, как известно, сообщают византийские историки, в частности Агафий Миринейский и Прокопий Кесарийский, а также свидетельствуют данные археологических источников, а именно нумизматический материал, состоящий из 23 золотых византийских монет периода правления византийского императора Маврикия (582–602 гг.), обнаруженных на месте столицы лазов – Цихе-Годжи².

У Прокопия сказано, что апсилы были «подданными» лазов, но источник сам требует не буквального понимания, а цельного восприятия того, что происходило в означенное время. «В целом же из источников следует, что в формировании общеколхидского политического и культурного единства под эгидой лазов немаловажную роль играла Византия, проводившая в этом районе сложную дипломатическую игру»³, выстраивая систему соподчинения среди своих вассалов в Западном Закавказье. Таким образом, Византия ввела в Колхиде систему вассалитета, управляя, тем самым, через Лазику, своего вассала, древнеабхазскими этнополитическими объединениями, создавая в тоже время у лазов опасную иллюзию приоритета, главенства над последними. Но когда апсилы отпали от лазов в 550 г., то именно Иоанн, сын зодчего Фомы Армянина, руководившего тысячным отрядом византийцев, уговорил мирными речами апсилов, чтобы те снова стали подданными лазов. В этой связи возникает вопрос: почему византийцы,

¹ Аджинджал Е.К. Из истории абхазской государственности. Сухум, 1996. С.10.

² Абрамишвили Т.Я. Нокалаевский клад // ВГМГ. XX-V. Тб., 1959. С.249 (резюме на русск. яз.).

³ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии... С.70.

а не лазы умиротворяли апсиров, если они действительно были подданными лазов?

Очевидно, зависимость апсиров, как, впрочем, и других древнеабхазских этнообъединений, от Лазики, навязчиво, с явным подтекстом подчёркиваемая византийскими авторами, в действительности носила скорее символический характер¹. Можно говорить, что Восточно-Римская империя, исходя, прежде всего, из своих собственных интересов (например, строительство оборонительной системы – «Клисура», для охраны которой была сформирована антииранская федерация, куда вошли абасги, апсилы, мисимиане, сваны и лазы), а также стремления персов закрепить на этих территориях, формировала свою собственную политику в Западном Закавказье. Справедливо замечено, что узаконенное подчинение византийцами себе Лазики давало им повод «пропагандировать идею подчинения других племён лазам»². В частности, сообщение об этом можно найти у Агафия Миринейского, у которого мисимиане вместе с апсилами, являлись подданными колхов (лазов), но, в свою очередь, повиновались римлянам (Агафий. Кн. III. 16).

Здесь же нельзя не сказать о тесных взаимоотношениях, которые установились с V в. между Византией и лояльно настроенным населением Апсильи, обусловленных важным стратегическим местоположением последней. Они способствовали тому, что империя могла уделять больше внимания данному подконтрольному региону, в отличие от той же самой Лазики, где вся внутренняя политическая система носила, при наличии, как свидетельствуют античные источники, как бы царской власти, перманентно нестабильный характер, в особенности проявившийся во время персо-византийской войны в VI в., когда лазы захотели отпасть от Византийской империи и перешли на какое-то время на сторону Персии *«не потому, что они были восхищены персами, но пото-*

му, что они стремились при их содействии избавиться от власти римлян, предпочитая из бед те, которых ещё не было» (Прокопий. Война с готами. Кн. VIII, 16), а также после убийства царя лазов - Губаза (всё решалось на народном сходе, где выступали уважаемые люди – Аэт, сторонник персов, и Фартаз, поддерживающий византийцев (Агафий. Кн. III, 8-10).

Так что наличие мощного Лазского царства, которое декларируют многие грузинские историки, выглядит проблематично. Лазики были таким же, как Апсильи и Абасгия, этнополитическим объединением. В то же время в Апсильи, наоборот, судя по сведениям ранневизантийских источников, политическая обстановка была относительно устойчивой и во многом это было связано с механизмом дальнейшего развития социальной и политической системы. Она зависела от уровня экономической подготовленности населения, включая импорт. В то же время происходил постоянный обмен продуктами и товарами как внутри Апсильи, так и за её пределами, например в Лазике. Абасгия же в этот период была разделена на две части – западную и восточную, каждая со своим правителем. Власть делилась на царей (басилевсов) и царьков (Прокопий. Война с готами. Кн. VIII, гл. 3, 9).

¹ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины... С.149.

² Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э... С.161.

АПСИЛЫ. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ (VI –VIII ВВ.)

Религиозный и социально-политический аспект развития апсильского социума, храмовая архитектура Апсии

Закономерности исторического формирования общества таковы, что в переломные периоды истории оно меняется. Появляются более сложные формы социальной организации. Как правило, для этого требуется длительный период, особенно если социум со своим внутренним динамическим развитием находится в поле зрения доминирующей в регионе в определённый промежуток времени державы, как например, в нашем случае, Византийской империи. Наиболее ярко данное влияние выразилось в строительстве, как в прибрежной, так и в предгорной зоне христианских храмов в Апсии и в целом в Абхазии. Очевидно, экономическая, политическая и культурная зависимость от Византии, особенно усилившаяся во второй четверти VI в. и сохранявшаяся в той или иной степени до VIII в., способствовала христианизации Апсии¹.

Согласно анализу погребального обряда, древние апилы примерно до 550 г. оставались язычниками, их духовная и материальная культура практически не изменились. К началу VII в. погребальный обряд, если судить по некрополям Цибилиум -1, -2, резко

¹ Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии // ПИФК. Т. XII. М.-Магнитогорск, 2002. С.346.

меняется, погребальный инвентарь в могилах сокращается¹. Так в погребениях, которые датируются рубежом VI–VII вв., инвентарь полностью (за исключением отдельных могил) отсутствует. Особенно в этом смысле выделяется некрополь Цибилиум-1. Налицо христианизация или византинизация населения данного могильника. В связи с этим, в V–VII вв. на территории Апсии намечается лишь плавная эволюция позднеантичных форм материальной культуры, одновременно с возмоставшей ролью ранневизантийской церкви в Западном Закавказье. Например, строительство в эпоху Юстиниана Драндского собора, Цандрипшской базилики, церквей в Цебельде, Себастиополе, Алахадзы, Гиеносе и т.д.

Поэтому будет справедливо остановиться более подробно на христианизации самого населения Апсии, эволюция религиозной системы которого, как и у алан, была тесно связана с эволюцией социальной структуры², влияющей как на культурную, так и на социально-экономическую и политическую жизнь общества³. Но, в отличие от других обществ, для которых христианизация стала крахом традиционного устроа их жизни, по причине расселения их же на завоёванной территории Империи, аланы и апилы, как и некоторые другие этнообъединения (саксы, скандинавы, славяне) не переселялись целиком на новые территории, продолжали сохранять старую социальную структуру и противились христианизации, приняв её лишь несколько веков спустя⁴. Что касается в данном случае апил, то, как известно, момент официального принятия христианства и фактическая христианизация у них не происходили одновременно.

Согласно сообщению Прокопия Кесарийского («Война с готами»), официально древнеабхазское население принимает на

¹ Воронов Ю.Н. Могилы апил. Итоги исследований некрополя Цибилиум в 1977 – 1986 годах. Пуцино, 2003.

² Кодзаев К.М. Верховная власть алан (I–X вв.). Владикавказ, 2008. С.84.

³ Амичба Г.А. Средневековый период (IV–XVIII вв.) // Абхазы. Издание второе, исправленное. М., 2012. С.66.

⁴ Гуревич А.Я. Начало феодализма в Европе. Т.1. М.-С.-Пб., 1999.

смену своей старой традиционной религии христианскую веру в середине VI в., т.е. при византийском императоре Юстиниане I. Без сомнения, распространение христианства являлось важнейшим дипломатическим орудием Византии на протяжении многих столетий. Гибкость и изворотливость были в равной степени присущи и миссионерской деятельности православной церкви. Константинопольская патриархия стремилась привлечь на свою сторону симпатии народов проповедью христианства на местных языках. «Такая гибкая политика православной церкви во многом способствовала утверждению византийского политического и идейного влияния в христианизированных ею странах»¹ и была направлена, в частности, вглубь горной территории, в концентрацию местного населения, где памятники христианской культуры сохраняются до наших дней (напр. апсильские памятники в нагорной Абхазии). Поэтому, одна из установок Константинопольского патриархата была направлена на создание в предгорьях Кавказа особого заслона (т.е. внутренней оборонительной линии) против воинственных кочевых племён, которые могли прорваться к побережью, так как только в союзе с единоверцами можно было противостоять языческим племенам с Северного Кавказа.

В результате были достигнуты определённые успехи в этом очень не простом деле. Как верно заметил византист Андре Гийу: «византийская дипломатия, если учесть число стран, которые она ввела в лоно христианской культуры, была, бесспорно, успешна»². Свидетельством этому, несомненно, в числе прочих территорий является и территория Абхазии. Л. Г. Хрушкова по этому поводу пишет: «Проникновение и утверждение христианства и разнообразные контакты с Византией – важнейшие факто-

¹ Удальцова З.В. Византийская империя в раннее средневековье (IV–XII вв.) // История Европы с древнейших времён до наших дней (в восьми томах). Т.2. Средневековая Европа. М., 1992. С.80.

² Андре Гийу. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2007. С.170.

ры в сложении облика культуры Абхазии того периода»¹, где, по словам Е. К. Аджинджала, осуществлялся идейный принцип *Рах Романа Христиана*, т.е. принимавшие христианскую веру становились цивилизованными², приобщёнными к средиземноморскому, западноевропейскому миру. В этом плане Апсилия благодаря стараниям византийской церкви становилась территорией, где чувствовался христианский дух. При Юстиниане I были возведены Драндский храм, церковь в Мрамбе, храм Шапки, Кыячский храм и самый главный храмовый комплекс, располагавшийся внутри Цабальской (Цибилиумской) крепости.

Особого внимания заслуживает величественный Драндский храм, представляющий собой крестовокупольный ранний тип византийского храмостроительства VI в., ставший, по мнению ряда исследователей, важным культурно-политическим, стратегиче-

Рис. 11

ским и религиозным центром Апсилии, в котором располагалась резиденция епископа. Он находится в местности Цхыбын (юго-восточнее в 23 км от древнего Севастополиса)³, на правом крутом берегу в низовье р. Кодор, на одном из его рукавов – Куараш, в

¹ Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X века. Тб., 1980. С.3.

² Аджинджал Е.К. Из истории христианства в Абхазии. Сухум, 2000. С.53.

³ Хотелашвили М.К., Якобсон А.Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. Т. 45. М., 1984. С.192.

прибрежной зоне. Глядя на Драндский храм, сразу видно, что это композиционно самое выдающееся и сложное раннехристианское церковное здание Восточного Причерноморья входит в круг центрально-купольных построек с равными ветвями креста, включёнными в общий объём (рис. 11).

Появление именно такого крестовокупольного типа храма в прибрежной части Апсилии свидетельствует, что этот регион в политическом и, особенно, в религиозном плане был намного более зависим от Византийской империи, чем та же нагорная Апсилия (без крестово-купольной архитектуры). Прекрасно выстроенные сводчатые перекрытия уберегли храм от превратностей исторической судьбы, поэтому его интерьер сохранился хорошо¹. «Храм почти целиком сложен из кирпича (плинфы) на толстом слое известкового раствора»². В то же время, строительный мусор между основанием барабана и прилегающими к нему глухими куполами содержал большое количество амфор, уложенных одна к другой горловинами вниз и слегка наклонном положении³ для облегчения сводного, купольного перекрытия, покоящегося на низком шестнадцатигранном (снаружи) барабане. В своё время П. С. Уварова, исследовавшая здесь местные древности в конце XIX в., справедливо указала, что крестовый план и купольное покрытие храма напоминают «низкие, как бы придавленные восточные покрытия древней Византии с приземистыми, низкими барабанами и более или менее сферическими куполами»⁴. Здесь можно добавить, что изнутри стены когда-то были покрыты штукатуркой и фресковыми росписями.

Дальнейшее, более глубокое исследование храма показало, что «восточные и западные межрукавные помещения перекрыты

¹ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV-VII вв.). М., 2002. С.259.

² Хотелашвили М.К., Якобсон А.Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия)... С.200.

³ Там же. С.193.

⁴ Уварова П.С. Христианские памятники // МАК. Вып. IV. М., 1894. С.191.

глухими куполами. Если быть точнее, то для помещений пастофории применены «вспарушенные купола», а на западных – типичные глухие». Интересно, что в Абхазии подобные формы больше не встречаются, вообще являясь большой редкостью в архитектуре христианского Кавказа¹. Между тем, не вызывает сомнений, что Драндский храм принадлежит к византийской, более того, к столичной, константинопольской школе архитектуры². На это указывает ряд признаков, в частности, «планировка и размеры боковых алтарных помещений, расположение дверных проёмов и алтарной преграды – всё это хорошо приспособлено для отправления византийской литургии с Великим и Малым Входами»³.

Наводит на некоторое размышление выбор места для постройки Драндского храма. Возможно, что место для создания нового христианского центра выбрали тихое, безлюдное и, вместе с тем, заметное, вознесённое высоко над обрывом в сторону р. Кодор. Мы не знаем, существовала ли более ранняя церковная постройка типа базилики на месте Драндского храма, поскольку, исходя из трактата Прокопия Кесарийского «О постройках», «более древние церкви, ограниченные по размеру, разрушались, чтобы уступить место вместительным храмам, а где возможно, купольным». Этот процесс коснулся не только столицы (Константинополя), но и провинций, «где строительство больших купольных храмов не могли осуществить, старые базилики в VI в. перестраивали с целью их расширения»⁴. По крайней мере, известно, что собор был воздвигнут на месте древнеабхазского святилища (аныхи)⁵.

¹ Сакания С.М. Культурное зодчество средневековой Абхазии в книге «Абхазы» (второе издание). М., 2012. С.264.

² Хотелашвили М.К., Якобсон А.Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия)... С.192-206.

³ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... С.270.

⁴ Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. М., 1985. С.54.

⁵ Маан О.В. Агудзера и её окрестности. Историко-этнографический очерк. Сухум, 2010. С.28.

В этой связи следует отметить, что «в Абхазии до принятия христианства храмами служили исключительно рощи или отдельные чем-либо выделяющиеся деревья», в то время как христианские храмы строились, как правило, в местах прежних языческих святилищ, в священных рощах¹. То были священные местности, в которых отдавалось почитание горам, воде, рекам, родникам и т.д.². Таким образом, Дранда являлась с VI в. резиденцией архиепископа Себастополиса, через которого осуществлялся контроль над Апсилией и Мисиминией.

В частности, о раннем приобщении к христианству местного населения свидетельствуют найденные внутри Цабалского храмового комплекса кирпичи, черепица и клейма с именем Константина, по всей видимости, первого епископа в Апсилии, принадлежавшего, вероятно, к прогрессивной части местного общества. Территория Цебельдинской епископии, возглавляемой в 20-30-х гг. VI в. епископом Константином, а впоследствии его преемниками, которых назначал архиепископ Себастопольский, простиралась, видимо, в основном, на нагорную зону Апсилии. В ведении этих епископов, надо думать, находилась церковь в с. Мрамба³, являющаяся одним из раннехристианских памятников Абхазии (VI–VII вв.). Это зальная, небольшая по размерам, с пятигранной апсидой и подковообразной внутри церковь. Во время раскопок возле неё были обнаружены каменные плиты с изображением крестов⁴. Здесь же нельзя не сказать и о другой церкви, открытой О. Х. Бгажба в 1983 г., на холме Шапки. Церковь относится к несторианским церквям (VI в.). Она имеет редкую для Абхазии алтарную часть прямоугольной

¹ Акаба Л.Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984. С.12.

² Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. Сухум, 2010. С.28-30.

³ Архимандрит Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. (Второе издание). Новый Афон, 2015. С.238

⁴ Сакания С.М. Культовое зодчество средневековой Абхазии в книге «Абхазы». М., 2012. С.263;

формы¹. Очевидный интерес представляет и такой памятник раннего христианства как церковь-часовня с оградой в виде оборонительных стен по краю плато и башней Маркульского археологического комплекса в Очамчырском районе. Подобные церкви-часовни с выступающими полукруглыми апсидами встречаются в Абхазии и за ее пределами и относятся к IV–VI вв. На территории Абхазии это церковь 1 на Пицундском городище, церковь в Хашупсинской крепости, церкви 1, 2 в крепости Цибилиуме². Относимый Г. В.

Рис. 12

Требелевой, С. М. Сакания, Г. Ю. Юрковым предварительно к эпохе раннего средневековья архитектурный маркульский комплекс можно считать с учётом его локализации и времени, без сомнения, апсилийским, поскольку, как известно, там (по данным археологических источников) проживали апсилы.

Также свидетельством ранней христианизации региона может служить такой уникальный памятник раннехристианского искусства, как цебельдинская известняковая плита алтарной преграды с иконами (рис. 12). По версии Л. Г. Хрушковой, она датируется рубежом VIII–IX вв.³. Изображения на них «хорошо связываются с

¹ Сакания С.М. Культовое зодчество средневековой Абхазии в книге «Абхазы». М., 2012. С.263;

² Требелева Г.В., Сакания С.М., Юрков Г.Ю. Маркульский археологический комплекс // КСИА. Выпуск 237. М., 2015.

³ Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. Тб., 1980. С. 58-60.

историческими событиями, о которых рассказывают источники», т.е. с арабскими вторжениями на территорию Апсолии и последующим пленением Евстафия, – полагает она¹. Правда, с её версией относительно датировки алтарной плиты не согласен А. А. Салтыков. Проведя систематизацию стилистических особенностей каменных икон, датировку памятника он определяет «не позже второй половины VI– начала VII веков»². Возможно, А. А. Салтыков прав и данный памятник следовало бы датировать более ранним временем, т.е. началом второй половины VI–VII вв., периодом расцвета христианства в западнокавказском регионе. Но и тут есть сомнение в отношении датировки А. А. Салтыкова. Дело в том, что на изображённой алтарной плите всадник опирается на стремяна. В археологических материалах VI–VII вв. на территории Абхазии они не известны³.

Таким образом, отмеченное выше даёт нам возможность рассматривать, в частности, территорию Апсолии как «контактную зону» для VI–VII вв. Приводя для сравнения «контактную зону» в Армении, мы находим ряд общих моментов, таких, как греческая проповедь, единение с Греческой Церковью, греческая культура и язык, просветительская, переводческая и творческая деятельность грекофилов⁴, и, наконец, вхождение в состав Византии. Вследствие этого на территории Апсолии на идеологическом (религиозном), культурном и социально-административном фоне могла возникнуть, как мы думаем, такая же «контактная зона».

¹ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья ... С.392.

² Saltykov A.A. *L'avis de saint Eustache sur la stèle de Tsebelda*. – Cahiers Archeologiques, Picard, 1985.

³ Счастный Д.А. Лук и стрелы Абхазии III–VIII вв. // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар, 2015. С. 257.

⁴ Арутюнова-Фиданян В.А. Повествования о делах армянских. VII век. Источник и время. М., 2004. С.56.

Тем самым неизменно проектируется дальнейшая преемственность позднеантичной историко-культурной, религиозной традиции в западно-кавказском регионе, поскольку сам религиозный фактор (становление и развитие христианской церкви, христианизация населения), с точки зрения современных западных исследователей, определял лицо позднеантичного общества¹. Что-то близкое находим в истории Позднего Боспора, Так, в частности, Н. Н. Болгов полагает, «несмотря на радикальные перемены, связанные с христианизацией, следует признать, что процесс смены идеологии и форм искусства протекал в Северном Причерноморье (как и во всем средиземноморском мире) достаточно постепенно», «видимо, христианская церковь как важнейший социальный институт в условиях ослабления и постепенного угасания политической организации, государства сыграла определенную роль в культурном континуитете, особенно на Боспоре»².

В этой связи, следует проанализировать активно обсуждаемую в зарубежной историографии (особенно в английской и французской), а также и в российской науке такую важную и актуальную проблему, как понятие «поздняя античность», её интерпретация и хронологические рамки, подходы в исследовании этой переходной исторической эпохи³. Впервые она была поднята в 1971 г. Питером Брауном в монографии «Мир поздней античности», вызвавшей появление целого поколения историков нового направления. Нас интересует и возможность применения этого понятия

¹ Ващева Ю.А. Концепция поздней античности в современной исторической науке // ВНУ им. Н.И. Лобачевского. № 6. Нижний Новгород, 2009. С.224.

² Болгов Н.Н. Поздний Боспор: К дискуссии о континуитете государства и социальных структур // ВДИ. №2. М., 2003. С.164.

³ Болгов Н.Н. Отечественная историография о проблеме континуитета истории позднего Боспора // Жебелевские чтения-3. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 г. СПб., 2001; Селунская Н.А. «Late Antiquity»: Историческая концепция, Историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» // ВДИ. №1. М., 2005; Ващева Ю.А. Концепция поздней античности в современной исторической науке.... Нижний Новгород, 2009.

для Западного Закавказья. Предполагаемые сегодня новые подходы к данной теме, опирающиеся на представление о медленной эволюции истории, строятся на историческом континуитете в сторону дальнейшего развития позднеантичного периода до того момента, когда начинается исторический революционный перелом в общественном развитии, связанный с появлением феодальных отношений, ведущих к прогрессирующему этапу – складыванию новых форм государственного управления. Примером этому могла бы служить ранняя история Византии, где до конца VI в. преобладали позднеантичные формы в общественной и политической жизни¹, способствовавшие сохранению греко-римских начал в средневековом обществе.

В тоже время нельзя не отметить, что одной из самых сложных проблем в исследовании древней истории Апсолии, на наш взгляд, является рассмотрение социально-экономической истории её основного населения, т.е. апсолов. И здесь большую помощь нам оказывают археологические материалы из женских захоронений привилегированного могильника Шапки Цебельдинской долины. Они представляют большой интерес из-за отсутствия здесь характерных для других апсолийских захоронений сельскохозяйственных орудий труда (например, железных мотыжек и т.д.) и из-за наличия украшений и предметов роскоши и ввезённых издали вещей (амфоры, стёкла, запечатанная керамика, оружие). Среди десятков раскопанных апсолийских поселений именно Шапки не оставило следов какой-либо значительной экономической деятельности. В свою очередь, это может означать, что Шапки имело выгодное местоположение. Здешнее население занимало доминирующее положение в торговле между прибрежным районом и горной местностью. Не исключено, что экономическое положение последних определялось также охраной купеческих караванов, уходивших за перевалы. В качестве компенсации значительная

¹ Литаврин Г.Г. Византия в IV–XII вв. в книге «История средних веков: В 2-х тт.». В 2-т. Т.1. М., 2001. С.131.

часть товаров могла оседать здесь и через посредство уже местных торговцев распространяться среди остального населения древней Цебельды¹, что, в конечном итоге, должно было отражаться и на социальной структуре местного населения.

Бесспорно, значительную роль для качественного развития посреднических операций имела, активно функционировавшая с VI в. новая торговая трасса, более известная как Великий шёлковый путь, проложенная через Северный на Южный Кавказ по Главному Кавказскому хребту. В прошлом он не был непреодолимой стеной, разделяющей народы. Его, скорее, можно сравнить с мостом, соединяющим в единое целое родственные этнические группы. Сам Великий шёлковый путь довольно хорошо документируется археологическими памятниками и находками китайского, византийского и среднеазиатского шёлка². Трасса оказала «огромное влияние на экономическое развитие и военно-политическое положение верхнекубанской Западной Алании»³, будучи разделённой на несколько путей. Эксплуатация торговых магистралей Великого шёлкового пути «позволяла местной верхушке быстро обогащаться – торговые пошлины (десятина) были важнейшей статьёй доходов северокавказских «царей». Длительное функционирование трассы через территорию алан приносило им немало прибыли и вело к ускоренным, особенно в Западной Алании, темпам социально-экономического развития.

¹ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. С.102. Он же. Материальная культура апсолийской аристократии (Восточное Причерноморье) с IV – VI вв. // Абхазоведение (историческая серия). Вып. VIII-IX. Сухум, 2013. С.303.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С.102.

³ Кузнецов В.А. О создании природно-ландшафтного и историко-археологического музея-заповедника федерального значения в верховьях Кубани // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас, 2010. С.216.

В руках аланской военно-дружинной знати, владеющей перевалами и дорогами, оседали в виде пошлины, даров предметы торговли – византийские монеты, шелка (византийские, сирийские, египетские, финикийские, согдийские и китайские), стеклянная посуда (Египет, Индия), китайские картины на шелке, одежда (степи Евразии)¹. Не являлась исключением, в этом смысле, привилегированная часть населения Апсолии.

Говоря о самой торговле, следует отметить, что она более успешно складывалась там, где имелся наилучший доступ к морю, т.е. прежде всего, в районах, омывавшихся Средиземным и Чёрным морями. В этих областях продолжала идти торговля с удалёнными землями. В качестве товара, в первую очередь, поступали предметы роскоши – лёгкие по весу и наиболее доходные. Восточная Римская империя (Византия) приобретала и поставляла на Запад шёлк, специи и другие экзотические товары из Индии и более далёких стран². Данная торговля осуществлялась по Великому шёлковому пути.

Вне всякого сомнения, велико было значение шёлка, благодаря которому этот путь получил своё название, и одновременно совершалась политика. «На подарки, подкупы, наём воинов требовалось огромное количество шёлка. Византия получала из Европы и союзников, и наёмников, и любые товары, и рабов. Благодаря торговле Юстиниан мог вести мировую политику, которая подчинила его власти почти всё Средиземноморье. Шёлк в Византии ценился наравне с золотом и драгоценными камнями»³. Разумеется, что персы для своего блага не могли упустить такой шанс, как удерживать превосходство над соседней империей, поскольку че-

рез Иран проходил значительный отрезок «Великого шёлкового пути», ставший в руках персов мощным оружием политического и экономического давления на византийского императора Юстиниана I во время ирано-византийских войн.

Добиваясь ослабления Византийской империи, персы, естественно, стремились не к увеличению её товарооборота, а к повышению цен на шёлк, с тем, чтобы выкачать из Византии возможно больше денежных средств и ослабить её в политическом и военном отношении¹. Но попытки освободиться от экономической зависимости были безуспешны, шли интенсивные поиски новых торговых путей. Юстиниан искал их «на севере, через Лазику и Каспийское море, а также на юге, через Тапоробан (Шри-Ланку)»². И всё же выбор пал на Западное Закавказье как на регион, который территориально наиболее был близок к Византии. Юстиниан выбрал новый обходной маршрут, который шёл из Средней Азии по Северному Кавказу, через перевальные пути в Абасгию и в Апсолию к Чёрному морю. Тем самым, ставилась задача обойти Сасанидский Иран и установить контакты, в первую очередь, с согдийскими купцами – партнёрами китайских поставщиков шелка³. Если быть точнее, новые торговые маршруты были проложены из Алании в Абхазию через Санчарский, Марухский и Клухорский перевалы⁴, а именно в регион северо-западного и особенно южного Кавказа, который являлся объектом притязаний Византии и Сасанидского Ирана в сторону главного византийского оплота в Западном Закавказье – Себастополиса.

¹ Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 2002. С. 49.

² Яннис Караяннопулос. Эпоха Юстиниана // История человечества. Т. III. VII век до н.э. – VII век н.э. Русскоязычная версия. М., 2003. С. 254.

³ Агрба И.Ш. Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.). Сухум, 2011. С. 51.

⁴ Кузьмин В.А. Великий шёлковый путь на Кавказе. Архитектура караван-сарая в горной Ингушетии // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С. 133.

¹ Кодзаев К.М. Торговля и обмен в процессе политогенеза на Северном Кавказе // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV «Крупновский чтения». Владикавказ, 2008. С. 196.

² Адриан Голдсуорти. Падение Запада: Медленная смерть Римской империи. М., 2014. С. 603.

³ Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 2002. С. 49.

В середине VI в. последний представлял собой не только значительное фортификационное сооружение, но и главный город в Восточном Причерноморье. Об этом свидетельствует Прокопий Кесарийский: *«Ныне же император Юстиниан этот Севастополь, который прежде был только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов»* (Прокопий. О постройках. Кн. III, VII, 9). Не последнюю роль в том, что Севастополис превратился в город, сыграло Кодорское ущелье, верховье р. Кодор, Клухорский перевал. Здесь проходил в сторону Севастополиса знаменитый Даринский торговый и военный путь. Левее, вдоль р. Ингур проходил ещё один не менее важный путь – дорога миндимиянов (мисимиан)¹.

Нам известно, согласно Менандру Протиктору, что путь мисимианов следовал вблизи сванов, которые в VI в., по данным Прокопия Кесарийского, обитали восточнее мест их нынешнего пребывания. Поэтому логичнее всего Мисимианский путь локализовать в Ингурском ущелье (перевал Накра). К слову сказать, мисимиане появились на исторической арене, как указывают источники, в 50-х гг. VI в. Они, ещё по Прокопию Кесарийскому, возможно, не были дифференцированы от соседних апсилов, поэтому можно предположить, что он их не знал, хотя с другой стороны, хорошо осведомленный о нашем крае Прокопий всё же должен был обладать сведениями о мисимианах, но не придавал значения факту их существования, поскольку каких-то важных событий связанных с ними, в то время не происходило.

Однако Агафий Миринейский уже чётко их дифференцирует, выделяя мисимиан в одно из древнеабхазских этнополитических

¹ Воронов Ю.Н. Ещё раз о раннесредневековых перевальных путях через Западный Кавказ // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. «Крупновские чтения», 1971–2006. М.-Ставрополь, 2008. С.485.

объединений в связи с их восстанием против византийцев 555–556 гг. Предполагается, что мисимиане были особым объединением, выделившимся из этнокультурной среды апсилов, разрыв между которыми был обусловлен, вероятно, географическими условиями р. Кодор, за которой находилась их этнополитическое объединение Мисиминия.

Как свидетельствует Менандр, ромеи во главе с послом Зимархом по возвращении из страны турок достигли Алании, где были дружелюбно приняты правителем Сародием. *«Князь аланский предупредил Зимарха, чтобы он не ехал по дороге Миндимиянов, потому что близ Суании находились в засаде персы. Он советовал римлянам возвратиться домой по дороге, называемой Даринской. Зимарх, узнав об этом, послал по дороге Миндимиянской десять человек носильщиков с шелком, чтобы обмануть персов и заставить их думать, что шелк послан наперед и что на другой день явится он и сам. Носильщики пустились в путь, а Зимарх, оставив слева дорогу Миндимиянскую, на которую, полагал он, персы сделают нападение, поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию»* (Менандр, Отрывок 22), прямо к одному из центров древней Апсилии – «Рогатории», сопоставленным Ю. Н. Вороновым, по письменным и археологическим источникам, с крепостью Шапки. Здесь, благодаря раскопкам 1981–1988 гг., проведенным Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба, был вскрыт комплекс выразительных построек VI–XIV вв.

Так, о прохождении ответвления Великого шёлкового пути по территории Апсилии свидетельствуют и археологические материалы. Тут были найдены вещи европейского образца (оружие, женские украшения и т.д.), принадлежавшие апсилам. Также на означенной территории, в захоронениях Цибилиумского (Цабалского) могильника, были найдены предметы VI в., которые, вероятно, попали сюда через северокавказские перевалы (это каменная бусина с китайским иероглифом «бень» («император») времён династии Суй (VI в.), янтарь, сердолик¹. Именно на основании данных

¹ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины...С.82.

об импорте бус, - считает В. Б. Ковалевская, - и шелков, как с одной стороны из Китая и Средней Азии, так и с другой стороны из Сирии, чётко рисуется кавказский отрезок Великого шёлкового пути»¹ и по территории Ассирии, продолжавший существовать и после VII в., а также и позднее, когда движению согдийских караванов противостояли на юго-западе уже арабы². Нахождение крепости Цибиилиум (Цабал) на этой важной дороге должно было обеспечить безопасность прохождения торговым караванам. И тогда, и в наше время роль Даринского пути, т.е. Военно-Сухумской дороги для безопасности и стабильности в регионе сложно переоценить. Вот почему, как кажется, представлялось бы целесообразным восстановить данную древнюю дорогу именно в этой части Абхазии.

Что же касается этимологии слова «Даринский», то существует версия, что оно происходит от слова «*dari*» и обозначает шёлковую ткань, сохраняясь в дигорских сказаниях и современных осетинском, кабардинском и вайнахском языках, и восходит к персидскому «*darai*» шёлковая ткань³. Продолжая и дальше развивать этимологическую тему, отметим, что «на абхазском языке имеется древнее название верблюда – *амах*, хотя этого животного в Абхазии не водилось. Слово состоит из двух частей: *амаха* – «лука» + *аеы* – «лошадь», т.е. дословно – «лошадь с лукой», что вполне может напоминать своими выступами два верблюжьих горба. Возможно, шёлк доставляли на верблюдах к кавказским перевальным путям, а затем перекладывали тюки на абхазских вьючных лошадей»⁴.

Таким образом, данный регион Абхазии, можно считать, являясь транзитным в международной торговле и был связан с Север-

ным Кавказом, в частности, с урочищем Мощевая балка, где были найдены фрагменты шёлковых тканей. Согласно археологическим данным, можно с достаточным основанием говорить о том, что западнокавказские перевальные пути получили особое значение в середине и во второй половине I тыс. н.э. как ответвление Великого шёлкового пути, и как ежегодные скотопробные маршруты, и как проходы для войск завоевателей¹. Неслучайно Византийская империя была так заинтересована в функционировании путей, протянувшихся от Китая к Ближнему Востоку и Средиземноморью. Они являлись связующей артерией в самых разных областях культурного и духовного обмена между далёкими народами². Само понимание этого пути как торгового, а именно таким его считал Л. Н. Гумилёв, указывает, что он был намного профильнее, чем просто шёлковый. По нему перевозились различные вещи: фарфор, редкие и экзотические птицы и звери, оружие и др., но, безусловно, наиболее ценным товаром до конца существования этого Великого торгового пути был и остался шёлк.

Здесь же хотелось бы немного сказать, поскольку мы коснулись скотопробных маршрутов, и о ацангуарах, т.е. о каменных сооружениях. Они, в своей массе, располагаясь в зоне альпийских и субальпийских лугов Абхазии и прилегающего района Большого Сочи и на северных склонах Главного Кавказского хребта, тяготели к перевальным путям и к верховьям рек. «Непременным условием для сооружения ацангуар была близость воды и леса, и кроме того наличие строительного материала»³. Можно предположить, что их строительство способствовало освоению как скотопробных горных троп в го-

¹ Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С.164.

² Иерусалимская А.А. О Северо-Кавказском «Шёлковом пути» в раннем средневековье // СА. 2. М., 1967. С.72.

³ Ковалевская В.Б. Даринский путь и связи Византии, Ассирии и Алан // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С.34.

⁴ Бражба О.Х. Абхазия и Великий шёлковый путь // ТАГУ. Часть III. Сухум, 2003. С.24.

¹ Тхайцуков М.С. К вопросу об этнокультурной общности абхазов и абазин в историческом прошлом // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986-1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988. С.86.

² Агрба И.Ш. Абхазское царство и Византия (VIII-X вв.)...С.51.

³ Джопуа А.И. Вопросы изучения ацангуар в трудах Ш.Д. Инал-ипа // Первые международные инал-иповские чтения. Сухум, 2011. С.350.

рах, так и ряду вьючных и пешеходных горных троп в горах¹, которыми вполне могли пользоваться как скотоводы, так, не исключено, и торговцы. Основным же их предназначением, по всей видимости, было освоение субальпик под интенсивное отгонное скотоводство².

При этом на территории Апсилии и Мисиминии нельзя отрицать имевшихся периодических иноэтнических инфильтраций в результате вражеских нашествий и международных контактов, как это, например, прослеживается в отношении включения в V–VI вв. в общину Цибилиума (Цабала) аланского элемента. Здесь важную роль играли, в том числе, и торговые сношения. «Значение протяжённых торговых путей далеко выходило за область торговли. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекал округу в сферу своего функционирования, т.е. играл консолидирующую роль»³, в основе которой, как надо полагать, была складывавшаяся к этому времени система более-менее устойчивых связей между аланским, апсильским и другим населением Колхиды. А поскольку «победы Византии стабилизировали обстановку в Апсилии и укрепили союзнические отношения империи с северокавказскими народами, особенно аланами, принявшими на себя охрану перевальных путей»⁴, то и вектор межэтнических отношений тоже меняется. Контакты становятся более длительными. Этнокультурные связи Апсилии и Алании документируются археологическими источниками.

Эти же источники надёжно фиксируют нахождение аланского элемента в Колхиде, в частности, в Цебельдинской долине. Там, как отмечают Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, найдено около десятка характерных северокавказских лощёных кружек, главным об-

разом, в женских захоронениях¹ (четыре в слоях середины VI в. в крепости Цибилиум (Цабал), остальные – в захоронениях апсильов V–VI вв. н.э.). В ряде мужских захоронений V–VII вв. отмечена искусственная деформация черепов. Существуют и другие, более ранние находки, например железные мечи с кольцевидным навершием, трёхлопастные наконечники стрел². Эти находки не только свидетельствуют о присутствии алан в составе персидских и византийских отрядов, действовавших в Апсилии, но позволяют говорить об иных (торговых, брачных и пр.) связях апсильов с населением верховьев Кубани³. На присутствие аланов в южных регионах Кавказа указывают и ранневизантийские источники (Прокорий Кесарийский, Агафий Миринейский, Менандр, Анастасий, Феофан Хронограф и др.). О тесных отношениях аланов и апсильов говорит также и самобытная посуда апсильов, которая была обнаружена на Северном Кавказе в Теберде и в Нальчике (в Кишпеке) (IV–V вв. н.э.).

Таким образом, присутствие аланского элемента в Абхазии засвидетельствовано как ранневизантийскими источниками, так и археологическими данными, начиная с IV в. В результате абхазо-аланских контактов IV–VIII вв. начинает складываться единая культурная общность (керамика, стеклянная посуда, вооружение, поясные наборы, фибулы, серьги, денежная система и др.)⁴. Кроме того, о существовании довольно тесных абхазо-аланских связей свидетельствуют данные фольклора. Так, абхазо-осетинские сюжетные параллели Нартских сказаний о Сасрыкуа / Сослане / Созырыко говорят о том, что в период абхазо-аланского соседства

¹ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Аланы в Колхиде (VI–VIII вв. н.э.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. «Крупновские чтения», 1971–2006. М.,–Ставрополь, 2008. С.373.

² Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007. С.137.

³ Воронов Ю.Н. Аланы в Абхазии // Вопросы иранистики и алановедения. Владикавказ, 1990. С. 52.

⁴ Там же. С. 53.

¹ Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. Сухум, 2002. С.37.

² Воронов Ю.Н., Левинтас В.Б. По древним тропам горной Абхазии. Сухуми, 1982. С.47.

³ Кодзаев К.М. Торговля и обмен в процессе политогенеза ...С.197.

⁴ Воронов Ю.Н. Древняя Цебельда // ВИ. №1. М., 1987. С.186.

две эпические традиции взаимно обогащались сюжетами, мотивами и эпизодами¹.

Между тем, изучая социально-политическую историю наиболее близких к апсилам западных алан, нельзя не обратить внимания на то, что их социум и общество апсиров развивалось в сходных условиях. Вероятно, в среде этих этнокультурных, довольно тесно контактировавших объединений в ранневизантийскую эпоху происходили схожие процессы формирования социальной организации, становления и развития её раннеполитических форм управления, особенно в местах наибольшей концентрации населения. В Апсилии это - Цебельдинская долина, в Алании - Кисловодская долина, на которой располагались небольшие патронимические посёлки – места обитания семейных кланов из 5-20 семейств². В Апсилии, как мы знаем, основное население было сосредоточено в двух десятках поселений, представлявших собой семейный посёлок, объединявший 5-10, а иногда и больше семей.

Следует подчеркнуть, что с середины VI в. определённая часть жителей Апсилии могла обладать более высоким социальным статусом, что характеризуется наличием погребений с поясными гарнитурами «геральдического» стиля, обнаруженные в захоронениях 279, 313, 314, 318, 325 могильника Цибилиум-2³, состоявшие из серебряных или бронзовых пряжек, накладок и наконечников ремней и т.д. Наиболее же яркие образцы представлены в погребениях 279 и 313, которые вполне можно выделить как воинские элитные; последнее, 313, еще является и всадническим. Погребе-

¹ Джапуа З.Д. Абхазские и Осетинские Нартские сказания о Сасрыкуа/Сослане/Созырыко (Опыт сравнительного указателя) // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции. Владикавказ, 2005. С. 246-266.

² Коробов Д.С. Аланские «вождеские» погребения и центры власти в Кисловодской котловине // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов. М., 2013. С.25.

³ Воронов Ю.Н. Могилы апсиров. М., 2003.

ния с «геральдическими» гарнитурами могильника Цибилиум-2 отличаются от других мужских могил более богатым инвентарем и, возможно, могли принадлежать знатным воинам¹. Об этом, в частности, могут свидетельствовать и материалы аланского могильника Едыс, открытого в верховьях реки Большой Лиахвы (Южная Осетия). Обнаруженные здесь предметы (пояса и поясные наборы), как считает Р.Г. Дзаттиаты, принадлежали воину, всаднику-дружиннику².

Надо отметить, что последней Цебельдинской археологической экспедицией 1977–1986 гг. было выявлено до 12 поясных наборов, а пряжек – 222 (рис. 13).

Концентрация гарнитур «геральдического» стиля на некрополе Цибилиум-2 может свидетельствовать «о привилегированной позиции группы, которой это кладбище принадлежало»³, а с учетом типологического разнообразия поясных наборов – и о сложности

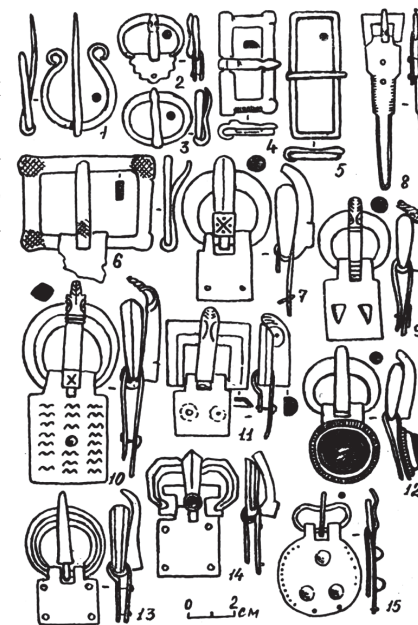

Рис. 13

¹ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV «Крупновский чтения». Владикавказ, 2008. С. 177.

² Дзаттиаты Р.Г. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI–VII вв. н.э.) // Аланы: история и культура. Том III. Владикавказ, 1995. С. 122.

³ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Федераты и империя: Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8-12 ноября 2008 г.). Материалы конференции. Сухум, 2011. С.110.

социального устройства древнеабхазского (апсильского) общества. Что мы наблюдаем также и на примере древнемордовского общества, групп, которые находились в сфере влияния транскультурной «воинской» моды¹.

Согласно В. Б. Ковалевской, пряжки и детали поясной гарнитуры геральдического типа на Северном Кавказе «надежно датируются VII в.», а их появление было связано с пребыванием здесь византийской армии². Что же касается региона Западного Закавказья – Апсолии, то тут поясная гарнитура «геральдического» типа и «геральдические» пряжки датируются несколько более ранним временем – стадия IV/10–11 (530/550–640/670 гг.)³. Они становятся еще одним надежным индикатором оформившегося дружинного слоя, на который Византийской имперской администрацией была возложена ответственная задача – охранять здесь, в нагорной части Западного Закавказья, границу. В этом случае, скорее всего, поясные наборы геральдического типа не «могли попасть в Цебельду с Северного Кавказа через Аланию»⁴. Здесь мы видим обратный процесс попадания – из Византии в Апсолию и далее в Аланию. Поясная гарнитура геральдического стиля на Северном Кавказе была, в частности, обнаружена в раннесредневековом катакомбном могильнике близ села Верхний Садон (Северная Осетия)⁵, а

¹ Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII – XI вв. по материалам мордовских могильников // КСИА. Вып. 229. М., 2013. С.86.

² Ковалевская В.Б. Кавказ - скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. М.-Пушино, 2005. С.146.

³ Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) ... С.173–176; Они же. Хронология Цебельдинской культуры (II – VII вв.) // Третья Абхазская Международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум., 2013. С. 61.

⁴ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. С. 151.

⁵ Кадзаева З.П. Раннесредневековый катакомбный могильник близ села Верхний Садон (РСО-Алания) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.,- Ставрополь, 2008. С. 822.

в могиле 10 могильника Лермонтовская Скала-2 (Кисловодская котловина), принадлежавшей, видимо, местной знати, золотая поясная гарнитура сопровождалась парадным мечом V–VI вв.¹ и т.д.

Итак, можно говорить о том, что пояса, являвшиеся важным атрибутом военного престижного костюма, определяли социальный статус хозяина, его принадлежность к воинскому сословию, лишней раз, указывая на то, что военно-политическая структура общества апсильов носила стратифицированный характер. Без сомнения, не каждый рядовой апсил-воин мог позволить себе такой пояс. Как известно, поясной набор указывал на заслуги и место его владельца в воинской иерархии. «Пояс стал своеобразным паспортом дружинника раннего средневековья и свидетельством его места в дружинной иерархии»². Поясу придавалось особое значение как символу принадлежности его хозяина к воинскому сословию, т.е. к особой группе или касте, выполняющей определённые функции в древнем обществе³. Известно, что древнерусские дружинники «украшали себя поясами, которые, вероятно, символизировали воинскую доблесть»⁴. Вероятно, пояса являлись отличительным знаком принадлежности к воинскому сословию. Без сомнения, обнаруженные поясные наборы «геральдического стиля» в Цебельдинском некрополе могут являться своего рода индикатором присутствия в Апсолии элемента привилегированного сословия.

В ходе исследования социальной стратификации погребённых в Апсолии в VI в. при рассмотрении погребального инвентаря некрополей Цибилиум-1, 2 нами также был замечен интересный

¹ Мастыкова А.В. Федераты Восточной Римской империи на Черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилиум (II – VII вв.) // НВБГУ. №17. Белгород, 2008. С.151-152.

² Агрба Б.С., Хотко С.Х. «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко-культурной самобытности страны адыгов. Майкоп, 2004. С.33.

³ Дзаттиаты Р.Г. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI–VII вв. н.э.)... С.108.

⁴ Драчук В.С., Рассказывает геральдика. М., 1977. С.29.

артефакт, представленный в 10 ингумационных погребениях (VI в., датировка по Ю.Н. Воронову). Это перстень с печатками присутствующий в погр. 31, 144, 195, 279, 281, 325, 326, 400, 407, 413 (рис. 14)¹. Интересно отметить, что, например, на Северном Кавказе перстни встречаются крайне редко, их распространение связано, вероятно, с влиянием средиземноморской моды, не исключается и их местное изготовление, определяемое простотой формы северокавказских перстней и дешевизной материала (бронза)². Перстни-печатки были выявлены и в других некрополях Абхазии в более раннее время, т.е. конца I тыс. до н.э. (Гуадиху, Красный Маяк, Эшерское городище). По мнению М.М. Гунба, перстни-печатки, обнаруженные в Абхазии V–III вв. до н.э. могут свидетельствовать об имущественном расслоении как в это время, так и в I–III вв. н.э. Скорее же всего, перстни-печатки обнаруженные в погребениях апсильов определяли статус владельца³.

Очевидно, как на Северном, так и на Южном Кавказе местное население имело всё же свою материальную культуру локально от своих родственных групп, проживало в одинаковых географических зонах, которые представляли, в свою очередь, стратегический интерес со стороны ведущих держав того времени.

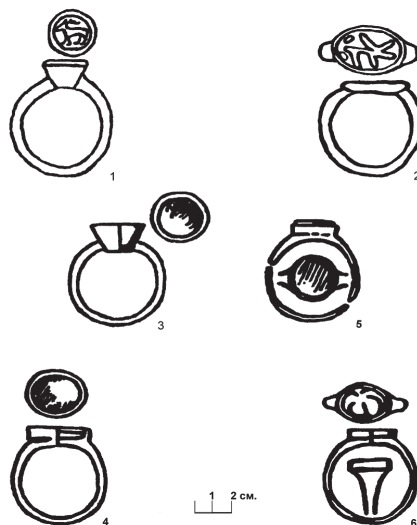

Рис. 14

¹ Воронов Ю.Н. Могила апсильов.

² Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009. С.71.

³ Гунба М.М. Абхазия в 1 тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). Сухуми, 1989. С. 125.

Например, в Алании, как и в Апсилии, существовала целая серия крепостей, расположенных на перевальных дорогах. «В крепостях (Алании – В.Н.), вероятно, располагались небольшие гарнизоны, предназначенные для несения военной службы – охраны населенных пунктов и прилегающих территорий, торговых караванов, проходящих по этим территориям, а также контроля над дорогами и перевалами. Естественно, что организационные функции в этих мероприятиях осуществлялись представителями военной знати»¹. К числу таких представителей в Апсилии, возможно, принадлежал «прокопиевский» «начальник крепости» или комендант Цибилуума (Цабала) с дислоцировавшимся тут военным гарнизоном. В этом плане, как нам кажется, Апсилия ничем не отставала от соседней Алании. Их народы совместно и воевали. Так, согласно арабскому историку Ат-Табари (IX–X вв.), абхазы вместе с аланами и другими народами объединились и выступили в военный поход сначала в Армению, потом в Персию воевать против персидского царя Хосроя Ануширвана. Ат-Табари в своей книге «История пророков и царей» повествует: «Но как только они вступили в его страну, он направил против них войска, которые вступили с ними в сражение и уничтожили всех, кроме 10000 человек; этих они захватили в плен, и они были расселены в Азербайджане и прилегающих областях»².

Памятники фортификационного искусства Апсилии и Мисиминии

Общеизвестно, что концентрация архитектурных памятников Цебельдинской культуры засвидетельствована по всему правобережью Кодора и в районе р. Мачара и Келасури, что, в свою очередь, указывает на достаточную густонаселённость этого района современной Абхазии в ранневизантийскую эпоху. К такому роду

¹ Кодзаев К.М. Верховная власть алан... С.71.

² Шмидт А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // УЗИВ. Т.16. М., 1958. С.453.

памятников, прежде всего, можно отнести фортификационную архитектуру, крепостные строения которой по большей части не были упомянуты в письменных источниках, но в то же время устойчиво датируются по данным археологических раскопок с VI по VIII вв. Это: Цибилиум (Цабал), Шапки, Ахыста, Герзеульская, Лар, Бат, Апушта, Пал, Чхалта, Ажара и т.д. В результате проведённых широких археологических работ (с 1977 по 1986 гг.) стало известно, что практически к каждой крепости примыкало местное поселение (ремесленников, земледельцев и воинов). Посёлки апсильев представляли собой скопление жилищ и хозяйственных помещений, занимавшие вершины с хорошей природной защитой, склоны с искусственными террасами из камня и земли, ровные площадки вблизи крепости. Судя по результатам разведок и данным византийских источников, аналогично выглядели поселения мисимий (Тцахар) и абасгов (Трахей)¹.

Как позже было установлено специалистами, все эти крепости были объединены в одну новую оборонительную систему, протянувшуюся по горам от совр. пос. Красная Поляна Адлерского района Российской Федерации и дальше в сторону Западного Закавказья, на юг, пересекая высокогорные районы Абхазии, составлявшую Внутренний кавказский лимес. Его первостепенной задачей являлась охрана проходов в ущельях (клизур), через которые в V–VI вв. шли дороги к таким важным прибрежным укреплениям византийцев как Апсар, Фасис и Себастиополис². Одновременно с этим, вдоль моря, на всей территории империи была восстановлена и развёрнута прежняя римская система обороны, вновь возник лимес. Он состоял из мощных крепостей, редутов, укрепленных лагерей, эшелонированный в глубину в несколько линий, о внушительном виде которого дают представление от-

¹ Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) ... С.338.

² Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Себастиополис-Цхум в книге: «Научные труды». Том четвёртый. Сухум, 2014. С.248.

дельные руины, сохранившиеся в Африке и на сирийских границах¹. Также нельзя упускать в этой связи и регионы Северного и Восточного Причерноморья: лимес таврический и дунайский, горные районы Крыма, укрепления Лазики, Аписии (Себастиополис, Зиганис) и Абасгии (Трахей, Гагринская крепость). Все они составляли единую непрерывную систему византийского внешнего лимеса, юстиниановской эпохи². Данный факт может быть подтверждён письменными сведениями византийских историков (Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского). Таким образом, можно говорить, что т.н. «Понтийский лимес», особенно в сочетании с возникшей в середине I тыс. н.э. внутренней предгорной линией крепостей на территории Абасгии, Аписии, Мисиминии, Лазики, «на протяжении нескольких сотен лет представлял собой грандиозный оборонительный рубеж»³.

Очевидно, о непростой сложившейся на то время ситуации в Западном Закавказье (сложные отношения между Византийской и Персидской империями), свидетельствует возведенный в первой половине VI в. «Внутренний Кавказский лимес» или, как его ещё называют, «Клизура». Он должен был защитить, в первую очередь, от нападения кочевников (союзников персов) с Северного Кавказа, Причерноморский регион Западного Закавказья. Кстати сам греческий термин «клизура», согласно И. С. Чичурову, переводчику и комментатору византийских летописей (как например, Феофана Хронографа), указывает, что это «не только горный проход, ущелье, но и укрепления на перевалах»⁴. Этому можно найти

¹ Луи Альфан. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. М., 2006. С.82.

² Николаева Э.Я. Рецензия на работу Ю.Н. Воронова, О.Х. Бгажба. Материалы по археологии Цабельды (Итоги исследований Цибилиума в 1978–1982 гг.). Тб., 1985 // СА. № 2. М., 1989. С.273.

³ Габелия А.Н. Себастиополис – укрепление Понтийского лимеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. С.380.

⁴ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С.138.

подтверждение в «Истории» Феофилакта Симокатта (Феофилакт. История. Кн. VII, 14). Очевидно, имеются в виду проходы Кавказского хребта на северо-востоке Абхазии, отделявшие абасгов от аланов. Поэтому название «Клисура» (от греч. «узкий проход») перешло на крепости, построенные в ущельях¹.

По сведениям древних источников видно, что «Клисура» действительно являлась той необходимой линией обороны, которая должна была замкнуть открытые для прохождения участки в горной местности, служившая, своего рода, ключом во владения Византийской империи в Западном Закавказье. Как пишет Прокопий: «В Лазике он (т.е. Юстиниан – В.Н.) *выстроил укрепление по имени Лосорион и укрепил стенами все ущелья в этой стране – их обыкновенно называют Клейсурами («Замками»)*, чтобы таким образом перед врагами были заперты все пути в Лазик» (Прокопий. О постройках. Кн. III, VII, 5), а в нашем случае, и в Апсилию с Мисиминией. Кстати, подтверждением данного сообщения могут являться фрагменты сохранившейся этой оборонительной линии на территории совр. Западной Грузии. По мнению П. Закарая, «эта линия проходила у подножья гор, на границе низменной и горной Колхиды. Судя по нынешним остаткам, эта линия начиналась у берегов реки Техури, от столицы Эгриского царства Нокалакеви и продолжалась далеко за рекой Ингури, до берегов моря»². Очевидно, правительство Юстиниана возлагало большие надежды как на экономичность, так и на надёжность нового лимеса³.

Таким образом, «Клисура» представляла собой линию крепостей на территории Абасгии (Трахея), Апсилии и Мисиминии (Цибилеум (Цабал), Шапки, Тцахар, Бухлоон) и Лазики (Археополь, Родополь, Сарапанис, Сканда и др.)⁴. Можно сказать, что для Византийской империи это стало упрочнением её политического

¹ Бгажба О.Х. Где проходила «Клисура» Джунашера?//Абхазоведение (историческая серия). Вып. 2. Сухум, 2003. С.62.

² Закарая П. Древние города и крепости Грузии. Тб., 1982. С.43.

³ Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984. С.60.

⁴ Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998. С.44-45.

влияния в Западном Закавказье, обеспечения безопасной торговли на транскавказских дорогах Великого шёлкового пути, особенно после 561 г., когда был подписан сроком на 50 лет мирный договор между Византией и Сасанидским Ираном (Персией). Он дал возможность императору Юстиниану I установить на длительное время ясные и чёткие границы между империями и обеспечить за собой единоличное господство над Чёрным морем¹.

Здесь же надо сказать и о строении стен, их планировке, полностью совпадающей с римско-византийским архитектурным стилем, включающим кладки: *opus mixtum* (смешанная кладка), *opus quadratum* (квадровая кладка), *opus incertum* (крепкая кладка). Все три отмеченных типа кладки прослеживаются в крепостном ансамбле Центральной Апсилии, важное место в котором занимает крепость Цибилеум (Цабал) площадью в 1,5 га. Её стены и башни, как на Шапки и Ахысте, возведены в основном с помощью крупноквадровой, местами панцирной кладки на прочном известковом растворе, кое-где с возможной примесью толченого кирпича, указывающих, что кладка была также смешанной. Например, в Герзеульской крепости (VII в.) мелкоквадровая кладка сочетается с однорядным кирпичным

п о я с о м ,
что, кстати,
х а р а к т е -
р и з у е т
в и з а н т и й с к и е
п о с т р о й к и
б о л е е р а н -
н е г о в р е м е -
н и , в с т р о и -
т е л ь с т в е
к о т о р ы х

Рис. 15

¹ Величко А.М. История византийских императоров. От Юстина до Феодосия. III. М., 2012. С.145.

«широко применялись кирпичи различных форм: прямоугольные, треугольные, квадратные и круглые»¹ (рис. 15).

Между тем, построенная в лучших традициях византийской архитектуры крепость Цибилиум (Цабал, рис.16), занимает особое место в исследовании фортификационной архитектуры не только в Восточном Причерноморском регионе, но и, в частно-

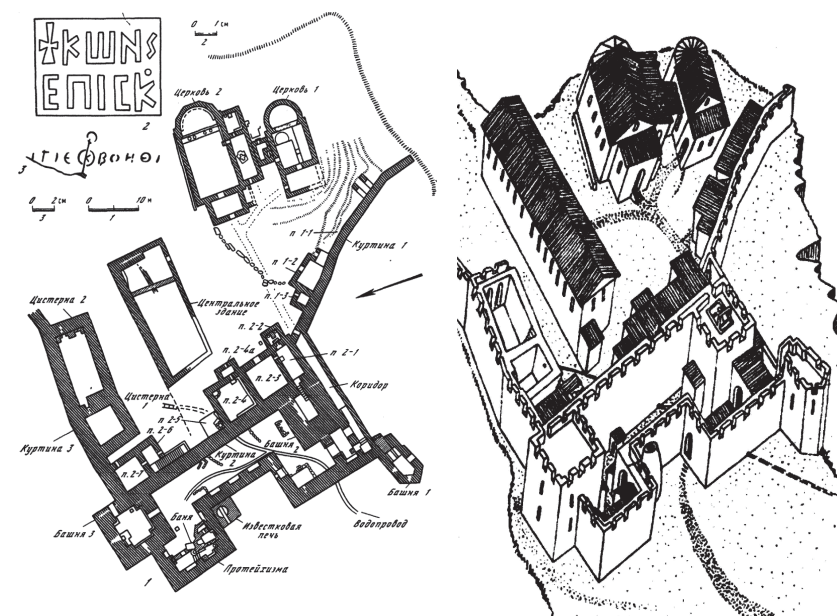

Рис. 16

сти, в горных районах Крыма. Судя по архитектурным особенностям (структура кладок, облик протейхизмы и главных стен, катапультная башня и т.п.)², она, как например, Сюреньская крепость в Крыму, выполнена из очень крупных квадратов на проч-

¹ Габелия А.Н. Строительная керамика из Сухумской крепости // Абхазоведение (историческая серия). Вып.3.Сухум, 2003. С.44.

² Воронов Ю.Н. Цebelда-форпост Византийской империи // НЧ. Международный ежегодник 1990. М., 1990. С.73.

ном известковом растворе; внутристенный промежуток заполнен бутом¹.

Следует отметить, что пятигранная в плане башня Цабалской (Цebelдинской) крепости, защищавшая подходы к фасаду её с запада, состояла из трёх этажей. Соответственно первый этаж предназначался для хранения продуктов, второй служил жилищем, третий представлял собой боевую платформу, окружённую каменным парапетом с зубцами. Было установлено, что «с запада Цибилеум был защищён вдвойне - протейхизмой и главной стеною. **Наружная стена [протейхизма]** протянулась почти на 70м»². Для сравнения, подобная система двух оборонительных стен, принесённая римско-византийскими зодчими с VI в. на Кавказ, прослеживается в крепости Петра на берегу моря, возле р. Риони³ и недалеко от Кутаиси, в Вардцихе, в источниках Родополис⁴.

Стоит обратить внимание также и на расположение большинства крепостей Апсилии возле глубоких ущелий, у обрывов. Это свидетельствует о том, что, вдобавок к существующим укреплениям, они были защищены и природно-естественным образом. Так, византийский аноним VI в., давая в своём сочинении наставление, как надо строить город (крепость), считал, что местами наиболее подходящими для его строительства у границ империи «являются такие, которые находятся на высотах и окружены крутыми откосами, затрудняющими подъём». Здесь же он полагал, что «в целях безопасности следует позаботиться и о протейхизмах», которые должны были обеспечить пристанище местному населению, когда оно устремится из деревень под защиту стен, но, главное, протей-

¹ Яковсон А.Л. По поводу статьи Д.Л. Талиса «Сюреньская крепость»//ВВ. Том 36. М., 1974. С.193.

² Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.288.

³ Леквинадзе В.А. Монументальные памятники Западной Грузии I-VII вв. Автореф. на соискание учёной степени д.и.н. М., 1973. С.174.

⁴ Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху раннего средневековья (IV-VIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII вв.), из серии «Археология». М., 2003. С.280.

Рис. 17

хизма должна была выдержать удар со стороны вражеских черепаш и таранов, натолкнувшись на которую они не смогли бы легко подступить к главной стене¹.

В тоже время не менее полемичной является сама тема датировки рассма-

триваемых нами оборонительных ранневизантийских крепостных сооружений, таких как Цибилиум (Цабал) и Шапки. Занимаясь, в частности, хронологией Цабала и Шапки, Ю. Н. Воронов дату основного строительного яруса этих крепостей вначале относил к IV–V вв. н.э. Однако позднее, когда на соответствующем уровне были исследованы Цибилиум (Цабал) и Шапки, материалы, как считает автор, неопровержимо доказали, что прежнюю дату надо признать дефектной, и «единственно обоснованной остаётся дата между 529 и 542 гг. н.э.»² и гораздо позже. Такое открытие стало возможным, в основном, благодаря «находкам закладных монет»³ (рис. 17), но не поддержанное Л. Г. Хрушковой, посчитавшей, что «дата всех материалов крепости основана на поразительно ничтожном количестве монет», а потому она не знает, как можно датировать весь обширный и сложный крепостной и культовый комплекс только на этом»⁴. Однако, на наш взгляд, закладные мед-

ные монеты Юстиниана позволяют наиболее точно датировать подобные оборонительные комплексы не только во всём Восточном Причерноморье, но и по всей римско-византийской ойкумене¹, тем более что их постройка соответствовала духу того времени. Более того, данная датировка вполне соотносится с датировкой раннехристианских церквей Цибилиума (Цабала) и Шапки юстиниановского времени.

Таким образом, результаты пятнадцатилетних археологических раскопок, проведённых в Цебельдинской долине, дают понять, к какому времени должен принадлежать выявленный комплекс оборонительных, хозяйственных, жилых и культовых сооружений (а сюда относятся пятигранные и купольные боевые раннесредневековые башни, древняя баня, крепостное водохранилище, христианские храмы, винный склад, двух- и трёхэтажные жилые каменные здания и т.д.) и со всей очевидностью показывают достоверную историческую ситуацию в Юго-Восточной Абхазии для VI в. В этой связи, в частности, было замечено что: «получены археологические данные, позволившие более аргументировано говорить о большом значении этого района для Византийской империи в период её военных действий против Ирана в союзе с местными политическими образованиями Колхиды (Абсилией и Лазикой)»². Также, в целом, согласившись с выводом Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба, положительно относясь к их работам, Э. Я. Николаева отметила исчерпывающую полноту исследования памятника: «Почти 100 лет дискутировался в науке вопрос о клисурах», «установлено, что укрепления Лазики, Апсилии и Абасгии – пункты византийского лимеса», «передатировка Цибилиума VI в. полностью совпадает с аналогичными работами, проводимыми на территории Боспора»³. Нет сомнения, что все крепости Апсилии

¹ О стратегии: Византийский военный трактат VI века. Подготовил В.В. Кучма. С-Пб., 2007. С.71, 74.

² Воронов Ю.Н. О дате оборонительной системы Апсилии // ИАИЯЛИ. Том XIII. Тб., 1985. С. 31.

³ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии. Сухуми, 1986. С.67.

⁴ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002. С.319.

¹ Бгажба О.Х. Цебельдинская экспедиция Ю.Н. Воронова // ЛА. Сухум, 1998. С.177.

² Козенкова В.И. XI Крупновские чтения (1981) // СА. №1. М., 1983. С.316.

³ Николаева Э.Я. Рецензия на работу Ю.Н.Воронова, О.Х. Бгажба... С.271.

(Цабал, Шапки, Ахыста, Герзеульская, Лар, Бат, Апушта, Пал, Чхалта, Ажара и др.), находившиеся вдоль всего Кодорского речного бассейна, остатки, которых и сегодня можно видеть, представляли комплекс ущельных оборонительных систем ранневизантийской фортификационной архитектуры¹.

Несомненно, что возникновение линии стало возможным благодаря взаимодействию как византийских властей, так и апсило-мисимианской аристократической верхушки, заинтересованных в контроле и защите горных перевалов, ведущих с Северного Кавказа в Западное Закавказье, откуда через перевалы время от времени совершали свои набеги северокавказские кочевники (например, гунны). В этих условиях интересы Апсолии, принимавшей на себя начальный натиск, и Византии – главного объекта этих нашествий – совпадали. Размещение в Апсолии двух важнейших крепостей Цибилиума (Цабала) и Шапки, возведенных инженерами императора Юстиниана I, указывает на активное участие апсильов в организации обороны своей страны. В переговорах основную роль из числа местного населения играли знатные люди из главенствующей семьи, располагавшейся, по всей видимости, на горе Шапки²; власть начинает приобретать централизованный характер.

Нельзя не отметить, что в планировке апсильских крепостей чувствуется сильное византийское воздействие, а также общий план строительства, типичный для всей ранневизантийской ойкумены. Об этом свидетельствуют, в частности, и письменные источники. Возможно, что на эту строительную активность отчасти повлияла и сама эпоха IV–VII вв. как значительная в развитии монументальной архитектуры во всех странах Присредиземноморья и Закавказья, эпоха огромного художественного подъёма³. Мож-

¹ Воронов Ю.Н. О дате оборонительной системы Апсолии... С.86.; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Крепость Цибилиум – один из узлов Кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // ВВ. Т. 48. М., 1987. С.116.

² Воронов Ю.Н. Главная крепость Апсолии в книге «Научные труды». Том II. Сухум, 2009. С. 560.

³ Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л., 1985. С.50.

но полагать, что фортификационное искусство Апсолии и Мисимиинии, испытывавшее большое влияние византийской крепостной архитектуры, не только не отставало от всей Присредиземноморской крепостной архитектуры, но, в сочетании с элементами местного облика цитаделей, явилось важным звеном всей оборонительной системы византийцев в Причерноморском бассейне, включая Западное Закавказье.

Вместе с тем, определённый интерес для нас вызывают упомянутые Агафием Миринейским, непосредственно, две крепости, принадлежавшие мисимианам – Бухлоон и Тцахар. Проблема их размещения является дискуссионной, так как от правильного её решения зависит и локализация мисимиан, и дефиниция этнической принадлежности, и прохождение торговых путей и т.д.

Существуют основные две точки зрения, сводящиеся к тому, что Бухлоон и Тцахар следует помещать в верховьях Кодора или же Бухлоон – в среднем течении р. Ингура, а Тцахар – вблизи совр. села Джгерда (Очамчыр. р-н), на горе Пскал¹. Сам же ритор не даёт чёткого указания, где именно, в каких местах они стояли, за исключением описания самого района и встречающихся в тексте, как бы в виде подсказок, отдельных подробностей военно-политических и иных событий.

Как сказано у Агафия, Бухлоон числится как одно из укреплений, расположенных «у самых границ лазов» (Агафий. Кн. III, 15), к которому «Сотерих шёл от Фасиса (современный Поты) по территории лазов, крайний северо-западный пункт расселения которых, согласно тому же Агафию, находился в районе ущелья реки Хоб»². Что же касается Тцахара, то в источнике Агафия он предстаёт сильной крепостью, с древних времен «называют его железным за его неприступность и крепость» (Агафий. Кн. IV, 16), находящейся в труднопроходимых местах, на вершине не очень высокой,

¹ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины... С.150; Бгажба О.Х. Лакоба С.З. История Абхазии ... С. 98.

² Воронов Ю.Н. Древняя Апсолия... С.61.

но крутой «перпендикулярно поднимающейся вверх горы» (Агафий. Кн. IV, 16), располагавшейся недалеко от обитания апсиров, видевших объятые пламенем жилища мисимиан. «Пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем народе апсирцев и другим более отдалённым» (Агафий. Кн. IV, 19). Возвращаясь к Бухлоону, заметим, что данная крепость вновь, спустя столетие, упоминается в византийской церковной публикации (эпистолы) Анастасия Апокристиария (668–669 гг.), связанной с именем Феодосия Гангрского. В частности, Бухлоон, предстающий в источнике как Букулус (сопоставление, признаваемое специалистами), располагался в аланских пределах (по греческому переводу), по свидетельству же латинского перевода, крепость Букулус располагалась в стране мисимианов. на границе с аланами¹.

В итоге, представленная информация по локализации крепостей Тцахар и Бухлоон, судя по письменным источникам, даёт немного сведений об их расположении, поэтому она может нести некоторую как бы неопределённость. Вместе с тем, исследователи, что совершенно логично, увязывают территорию расположения данных крепостей с этнической принадлежностью мисимиан, но некоторые (как Д. Л. Мухелишвили, Н. Ю. Ломоури и др.), усматривая связь в названии мисимиан с самоназванием сванов – мушвен, отдают данную территорию западнотуркменскому племени. Соответственно политический центр Мисиминии с крепостью Тцахар должен был, по их мнению, находиться там, где проживали в своей основной массе сваны, т.е. в верховьях Кодора, в нынешней Чхалте, «где до сих пор сохранились развалины крепости», вместе «само собой» с Бухлооном². Тем самым «местожительство мисимиан определяется в верхнем течении р. Кодор и охватывает провинцию феодальной Абхазии – Дал и часть провинции

¹ Амичба Г.А., Папуашвили Т.Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI–VIII вв.). Тб., 1985. С.50–52, 57.

² Мухелишвили Д.Л. Историческая география Грузии IV–X вв. // Очерки истории Грузии. Том II. Грузия в IV–X веках. Тб., 1988. С.387.

Цебельды»¹, т.е., якобы входившей в VI в. в автохтонную область свано-мисимианского населения². Такой подход явно антинаучен уже потому, что сванов, по свидетельству византийских историков Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра Протиктора, Феофилакта Симокатты, следует локализовать в верховьях р. Ингур, у самого южного подножия Главного Кавказского хребта³ до истоков рек Риони и Цхениц-цкали, поскольку данная область являлась на протяжении нескольких тысячелетий территорией, где складывалась сванская этноплеменная общность.

Так, Прокопий Кесарийский вполне определённо указывает, что Сванетия или, как он её называет, Свания располагалась на территории совр. Западной Грузии, говоря о подчинении персами страны лазов, Скимнии и Свании, «и таким образом для римлян и для царя лазов все эти места от Мохерезиса (название плодородной долины у Риони – В.Н.) вплоть до Иберии в силу этого стали недоступны» (Прокопий. Война с готами. Кн. VIII, 16). По ту сторону Кавказского хребта, живущим дальше всех, в Иверии, судя по источнику, помещает племя сванов и Агафий Миринейский (Агафий, Кн. IV, 9). Интересные сведения по локализации Сванетии мы находим у Менандра Протиктора, помимо того, что она располагалась близ «дороги Миндимиянов», «Суания» «по выгодному своему положению» препятствовала «персам нападать через неё в колхидские пределы и разорять их» (Менандр. Отрывок 15). Сванетия здесь предстаёт областью, не относящейся к Колхиде, к которой ранневизантийские летописцы, как известно, относили территорию в бассейне рек Риони и Хоби, а областью, находящейся севернее и восточнее территории колхов (лазов). Правда, другой

¹ Ломоури Н.Ю. Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999. С.97.

² Цулая Г.В. Абхазия в контексте истории Грузии. Домонгольский период. Краткие очерки. М., 1995. С.22.

³ Ингал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С.236.

византийский автор Феофилакт Симокатта всё же подчёркивает, что она была частью Колхиды (Лазики): «*Свания была жестоко опустошена и зло было невыносимым; не было никого, кто стал бы ее предводителем, так как вся Колхида была лишена военного командования*» (Феофилакт. История. Кн. III, VI).

Другие же специалисты главную крепость мисимиан локализируют, исходя только из описания в источнике местности. Они полагают, что описание Агафия даёт основание предполагать, что крепость Тцахар, являвшаяся, по-видимому, административным центром Мисиминии, была расположена в районе Багадских скал на правом обрывистом берегу Кодора, соответственно и «Мисимийский путь» должен был пролегать там же¹, а также на основе созвучия топонимов. По мнению Ш. Д. Инал-ипа, «более вероятным представляется отождествление Тцахары с абхазским названием реки, источника и селения Адзгара в верховьях р. Кодор», «причём и реку Чхалта, правый приток Кодора, также иногда называют тем же словом Адзгара, что в переводе с абхазского означает «мелководье», здесь «у слияния Адзгары с р. Сакен (видимо, автор имел ввиду р. Кодор, один из истоков которого выше известен как Сакен – В.Н.), в селе Чхалта находятся на утёсе развалины древней двухъярусной крепости»². Этому же мнению придерживается и Г. А. Амичба, который почему-то помещает крепость, вопреки указаниям источника, в долину р. Чхалта³. Ещё севернее локализовал Тцахар М. М. Гунба, а именно к самым истокам р. Кодор, где находятся развалины древней крепости, пока неизученной⁴. В результате, часть исследователей (М. М. Трапш, В. А. Леквинадзе, Г. К. Шамба и др.), отталкиваясь от агафиевской строчки «севернее на-

¹ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С.12.

² Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов... С.241.

³ Амичба Г.А., Папуашвили Т.Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов.... С.45.

⁴ Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). Сухуми, 1989. С.142.

рода апсилиев», размещают мисимиан конкретно только в районе Кодорского ущелья, в то время как Агафий уточняет, что они жили «и несколько восточнее».

В нашем же понимании северо-восточнее от крепости Цабал (Цибилуим) следует подразумевать предгорную область за Кодором. Согласно карте З. В. Анчабадзе, видно, что Мисиминия, находясь над Апсилией, практически доходит до р. Ингур¹, т.е. до того района, где, как считают уже другие кавказоведы (А. Бриллиантов, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, В. Е. Кварчия т.д.), можно причислить её южный предел. Акцент делается на сопоставлении названия Бухлоон с названием села на правом берегу Ингура, Пахулани (у З. В. Анчабадзе, правда, можно заметить, Бухлоон стоит у впадения р. Клыч в Кодор), где стоят средневековые развалины башни. Тем самым, этническая территория, на которой жили мисимиане, выглядит на этом фоне уже тогда более широко. Так, ещё в конце XIX в., проф. Бриллиантовым крепость Бухлоон была сопоставлена с с. Пахулани, как это сделал раньше Ф. Дюбуа-да-Монперэ². Именно сюда, в среднее течение р. Ингур, как сообщает источник VII в., доходили пределы аланов, здесь же проходила и их граница.

Очень важно, что и само фонетическое созвучие Бухлоона и Пахулан указывает на тождественность этих двух топонимов. По мнению специалиста по топонимике В. Е. Кварчия, «современное название *Пахалан*, на наш взгляд, не без основания, отождествляют с наименованием миссимийской (миссимиянской) крепости *Бухлоон*», «в ту пору, с *Бухлоона* начинался известный миссимийский путь на Северный Кавказ в Аланию». Как полагает данный исследователь, «сопоставление форм названия миссимийской крепости – древнего *Бухлоон* и современного *Пахалан* даёт возможность усматривать в препозиции исходного имени основу *бахэ* (баху), означающей на абхазском «утёс», «скальная дорога» или *Баахэы* «крепостная гора». Постпозиционное же *лоон*, *лан* вполне

¹ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии ... С.19.

² См.: Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.90.

возможно из ран (а-ран) «линия», «межа», «граница», т.е., «предел крепостной горы»¹, что лишний раз является подтверждением идентичности не только двух названий, но и верной локализации Бухлоона и Мисиминии, которая «располагалась в районе верхнего

Рис. 18

течения и к юго-востоку от реки Кодор»², т.е., в сторону р. Ингур.

В продолжение темы будет уместно сказать несколько слов ещё об одном сооружении, которое явно имеет оборонительный характер – Великая Абхазская стена, простиравшаяся по территориям Апсилии и Мисиминии. Начинается она с Приморской башни на подъезде к Сухуму (рис. 18).

Как и раньше, так и сегодня абхазы стену эту называют просто «Апсуа баагуара» («Абхазская стена»). Это, можно сказать, своего рода Великая Китайская стена в миниатюре на территории Абхазии. Вопрос о том, кем и когда была построена Великая Абхазская стена, интересовал в разное время многих исследователей, но он до сих пор остаётся не уточнённым, хотя большинство из них датирует её эпохой Юстиниана I, т.е. VI в. (М. М. Трапш, В. П. Пачулиа, С. Н. Джанашиа, Ш. Д. Инал-ипа, З. В. Анчабадзе, М. М. Гунба, Г. А.

¹ Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006. С. 224.

² Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА. Вып. 218. М., 2005. С.75.

Амичба и др.). Они исходят из того, что в целях дальнейшего укрепления своих стратегических и политических позиций на Кавказе византийское правительство в VI в. начало возводить на территории современной Южной Абхазии грандиозное оборонительное сооружение. Однако такое мнение не разделили, в частности, Т. Берадзе, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, отнеся стену к более позднему периоду – развитому и позднему средневековью. Существуют и другие версии относительно хронологии постройки Великой Абхазской стены¹. В тоже время следует отметить, что, скорее всего, строительство памятника связано было с противостоянием двух великих держав VI в. (Византии и Персии) или, возможно, с какими-то другими политическими катаклизмами. Можно говорить, что стена была построена в ранневизантийское время и, судя по технике кладки, местным населением. Это ещё в 30-х гг. прошлого столетия отметил известный абхазский краевед И. Е. Адзинба, проведший большую работу по регистрации остатков стены и по установлению ее общего направления². Об этом говорят и данные археологических раскопок, а именно её Члоуского участка³. В тоже время можно вполне допускать, что отдельные её участки достраивались и в позднее средневековье.

Византийский фактор в экономической, этнополитической и культурной жизни апсилов

Очевидно, важное значение, способствовавшее установлению контактов между византийцами и апсилами, имел наметившийся

¹ Кайтан Ш.Г. Проблемы хронологии Великой Абхазской стены // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. «XVIII Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. М., 2014. С. 253.

² Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958. С.151.

³ Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Великая Абхазская стена: Члоуский участок // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2014. С.72-85.

рост экономики в Апсилии, во многом связанный с ирано-византийским противостоянием. Как справедливо отмечал известный византист Ю. Кулаковский: «Так, широкий политический горизонт византийского двора при Юстиниане не упускал из вида столь важного интереса империи, каким являлось господство по всему побережью Чёрного моря». И в этом смысле, можно сказать, византийская дипломатия преуспела, прекрасно понимая, что для местного населения лучше всего подходит «политика пряника». С этой целью империя обращает обитателей Западного Закавказья (Апсилии) в православную веру. Это можно считать первым этапом апсило-византийских взаимоотношений. Второй же этап – это совместная заинтересованность в защите внутренних районов и одной из главных крепостей византийцев – Севастополиса в Апсилии. Третий этап, связанный с дипломатией – это торгово-экономическое сотрудничество, зависевшее во многом от «Великого шёлкового пути». Весьма вероятно, что оно развивалось и в южных районах Апсилии.

В этой связи, несомненный интерес представляет и прибрежная (с предгорным районом) часть Апсилии, где также своё развитие здесь получает Цебельдинская культура, т.е. главным образом, в современном Очамчырском районе Абхазии. «Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что на левой стороне р. Кодора, в сел. Атара, М.М. Гунба в 1970 г. (были) раскопаны могильники, в изобилии содержащие предметы как по составу, так и по форме относящиеся к той же Цебельдинской культуре»¹. Например, это двуручные кувшины (IV–V вв.), снабженные двумя петлевидными ручками в нижней части тулова, выявленные во всех некрополях Цебельды и в с. Атара². Без сомнения, в ранневизантийское время район означенного села, судя по найденному археологическому материалу, гончарным печам и развитой дорожной развязке, было

¹ Инал-ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности. Сухум, 1992. С.85.

² Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тб., 1978. С.68.

довольно обитаемым поселением, являвшемся одним из важных регионов Цебельдинской культуры кодорско-мачарского речного бассейна¹.

Он характерен тем, что именно здесь имелись специальные мастер-

Рис. 19

ские по изготовлению керамических изделий, было широко распространено гончарное ремесло, являвшееся преобладающей отраслью района левобережья р. Кодор. Проведенные археологические раскопки в районе нынешнего с. Атара дали этому подтверждение. Ещё в начале 1970-х гг. при раскопках в этом селе М. М. Гунба было обнаружено около 30 гончарных печей, из которых было обследовано четыре, работавших в ранневизантийское и раннесредневековое время, представляющих во многом значимый интерес. «Возможно, что такое же количество гончарных печей было в селе Кындыг, о чём говорит огромное количество керамических изделий, аналогичных атарским»². По крайней мере, наличие в местности Алагуана, на берегу моря, в данном селе, хорошего качества красноземной глины может указывать на «центр гончарного ремесла, продукция которого сбывалась в основном местному населению»³. Он являлся вместе с с. Тамыш (одним из

¹ Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Новые материалы Цебельдинской культуры из села Атара (Абхазия) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XVII «Крупновские чтения». Тезисы докладов. Махачкала, 2012. С.313.

² Гунба М.М. Атарские гончарные печи. Тбилиси, 1985. С.46.

³ Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (исследования и материалы). Сухуми, 1973. С.207.

древних и значительных пунктов Абхазии, находящимся «в центре низменной части исторической Апсилии»¹ (с раннесредневекового времени), крупным регионом сосредоточения керамического производства² (рис. 19).

Таким образом, главным центром гончарного производства исторической Апсилии являлся не только район с. Атара, в котором были, в основном, сосредоточены гончарные печи (горны), но и весь сам периферийный юго-восточный район раннесредневековой Цебельдинской культуры (Атара-Тамыш-Кындыг-Аракич), снабжавший своей продукцией практически всю Абхазию³. В частности, коснувшись атарского керамического центра, М. М. Гунба заметил, что он обеспечивал не только южную часть Абхазии, но частично и северную⁴ (включая совр. Гудаутский район, что совсем не исключено), демонстрируя, тем самым, высокую производительность печей, обусловленную высоким спросом на гончарную продукцию (амфоры, пифосы, кувшины, черепица и кирпичи).

Важно, что если проследить по отдельным находкам специфической керамики и железных изделий (топоры, мотыги и др.), указывающим на возможность существования могильников, Цебельдинская культура распространяется на довольно большой территории, с отмечающимися её признаками, «в сёлах Абжаква, Парнаут, Джгерда, Адзюбжа, Тамыш, Кутол, к западу от Очамчир (Гюэнос), в селе Царче и ряде других пунктов Сухумского, Гулрыпшского и Очамчырского районов»⁵. Небезынтересно в данном случае отметить находку «черепков крупных сосудов с чашеобразным венчиком цебельдинского типа» на склонах холма у р. Галидзга около с. Заган⁶, недалеко от Очамчыры.

¹ Инал-ипа Ш.Д. Труды. Сухуми, 1988. С.77.

² Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С.77.

³ Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Новые материалы Цебельдинской культуры из села Атара... С.313.

⁴ Гунба М.М. Атарские гончарные печи... С.52.

⁵ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины... С.45.

⁶ Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры... С.68.

Итак, ареал Цебельдинской археологической культуры по анализу найденных вещей (керамика, оружие, украшения и т.д.), принадлежавших апсилам, можно подразделить, на наш взгляд, на три локальных хозяйственно-культурных района: Мачара-Кодорский-Аалдзгский (где с середины VI в. также локализуется сходное по хозяйственно-культурному типу мисимианское сообщество), представляющий значительный в хозяйственном и территориальном плане район Гумистинский и Чхалта-Кодорский.

Между тем, к концу VII в. перестаёт фиксироваться и знаменитая Цебельдинская археологическая культура, судя по отсутствию к этому времени материала. В этой связи Ю. Н. Воронов предположил, опираясь на анализ соответствующих письменных источников, что «основную роль в гибели Цебельдинской культуры должно было сыграть нашествие арабов»¹, что для нас несколько сомнительно, поскольку связывать прекращение существования Цебельдинской культуры с арабскими вторжениями в Абхазию (в её исторических этнополитических областях: Абасгия и Апсилия), по последним данным, скорее всего, преждевременно. Такая постановка темы не вполне коррелируется со стадией IV/11, в которой верхняя дата существования означенной культуры обозначена 640/670 гг.². Появление арабов впервые на территории Абхазии – Апсилии и Мисиминии следует, всё же, датировать между 698 – 700 гг. По времени это совпадает с переходом на сторону арабов в 696/97 г. патрикия Лазики Сергия. «Возмутился также Сергий, патриций Лазики и Варнукия, и отдал земли сии аравитянам в подданство»³.

Далее, необходимо отметить письменный материал, иллюстрирующий этно-территориальную и политическую ситуацию VII в. в Апсилии и Мисиминии. К сожалению, те ранневизантийские све-

¹ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М. 1975. – С.152.

² Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Федераты в империи: эволюция некрополя Цибилиум (II – VII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8-12 ноября 2008 г.). Материалы конференции. Сухум. 2011. С.110.

³ Летопись византийца Феофана (в переводе с греч. В.И. Оболенского, и Ф.А. Тарновского, с предисловием О.М. Бодянского). М. 1884. – С.271.

дения, которые мы имеем по этому периоду I тысячелетия, кратки и сводятся, главным образом, к письму Анастасия Апокрисария, ученика Максима Исповедника и «Мемуарам» Феодосия Гангрского (вторая половина VII в.). Вместе с тем они представляют собой надёжные документальные источники и содержат важнейшую информацию по общественной и политической ситуации в Западном Закавказье. В них содержатся описания злоключений святого Максима Исповедника и двух его спутников Анастасия-Апокрисария и Анастасия-Инока, пережитых ими в Колхиде в 662–665 гг. Так, сосланный в Колхиду вместе с двумя своими учениками Максим подвергся урезанию языка и отсечению правой руки (в 659 г.), где и скончался. В письме Анастасия Апокрисариуса к Феодосию-священнику из Гангры сообщается следующее: отправленный в ссылку императором Константином III Максим со своими спутниками прибыл в христолюбивую Лазику, «в крепость Схимар, расположенную у пределов племени, называемого аланами». Но святейшего отца Анастасия Инока, и отца Анастасия Апокрисария посадили на лошадей и заключили в тюрьму, Анастасия Инока «в крепость, называемую Скотор в Апсилии возле Абасгии», а Апокрисария «в другую крепость, имя которой, Буколус, в земле называемой Месимиана на границах аланов, эту крепость те же аланы захватили и сейчас занимают». Далее источник рассказывает, как двух иноков отправили снова в Лазику, там Анастасий Инок скончался в крепости Сваниа, Анастасий Апокрисарий находился в крепости Таквирия. В конце сентября Анастасий был переведён из Таквирии назад в «районы Апсилия и Месимиана для содержания под стражей в крепости Фуста», после семимесячного пешего изматывающего скитания по горам; позднее Анастасий Апокрисарий был удалён «из крепости народа Фуста» и отправлен «в крепость Схемар». Далее, Анастасий в своем письме упоминает Стефана, сына священника Иоанна, который пришел в этот регион для поиска его. «Он путешествовал по всей Лазике и Апсилии и Абасгии...»¹. В тоже время в своих ме-

¹ Maximus the Confessor and his Companions. Documents from Exile. Oxford, 2002, p. 132–148.

муарах Феодосий Гангрский указывает, что преподобный Анастасий не смог попасть в Схемар, поскольку эта крепость находится слишком высоко в горах, и скончался он «в крепости, именуемой Тусуме (и), расположенной выше деревни Мохое, на границе страны Апсилии, на востоке Понта, у самого подножия Кавказских гор, вблизи страны христолюбивых абазгов и племени аланов...»¹. Есть мнение, что автором последних летописных строк мог быть не только Феодосий Гангрский, но и его брат Феодор Спудей.

В источнике, как видно, довольно подробно рассказывается о том, как Св. Анастасий перенёс заточение в крепостях: Букулус или Бухлоон в Мисимии, Такирия в Лазике, Фустас в области апсиров и мисимиян, о том, как он вначале томился в крепости Скотори в Апсилии². Однако для нас представляют интерес сами топонимы, отмечающиеся в данном источнике, а точнее крепости, расположение которых трудно объяснить. «В источнике совершенно определённо фигурируют «границы Апсилии», область Мисимиана», «страна апсиров и мисимиан» и нигде не сказано о границах лазов и о принадлежности последним крепостей, расположенных на территории этих образований»³. По мнению Ю. Н. Воронова, упомянутые выше топонимы на территории современной Абхазии это: в «Мисимии (Буколус-Бухлоон-Пахулани, Тусуме-Тхина (?), Муха-Моква, и Апсилии (Фуста-Апуста (?), Скотор-Кодор-Цебельда)»⁴. Судя по летописи, понятно, что крепость Фустас располагалась на территории, на которой вместе жили апсир и мисимиан, Скотори в Апсилии, Фусумес (Тусумес) у её границы.

У исследователей на этот счёт имеются свои мнения. По мнению некоторых, крепость Скотори располагалась на р. Кодор и,

¹ Цит. по: Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.65.

² Архимандрит Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон, 2015. С.246.

³ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.66.

⁴ Там же... С.65.

возможно, это был Цибилиум¹ и т.д., что же касается остальных крепостей, то тут мнения расходятся. Одни сомневаются, где была крепость Фустас и мог быть Тусумес², другие, как например, С. Г. Каухчишвили, напротив, предполагают, что Фустас находился на месте современной деревни Александровка Сухумского района³, или же Фустас – это Апушта, а Тусумес – Тхина, Мохоес или Моха – Моква⁴. По мнению же З. В. Анчабадзе, «Пустас являлся пунктом Апсилии, хотя и недалеко от юго-западной границы Мисиминии», более того, как считает исследователь, «топонимический термин «Пуста» может быть выведен из абхазского названия Апсилии – Апствыла, т.е., «страна апсилов»,⁵ и может уже тогда означать не только одну крепость, но и целый край на территории Абхазии. Возможно, что топоним Пуста может рассматриваться и «как греческий вариант абхазского названия той местности «Апста», т.е. ущелье», поскольку сосланные из Византии в Абхазию церковные деятели были размещены в труднодоступной местности, какой является «апста» – ущелье⁶.

Таким образом, представленные в настоящем письменном источнике объекты крепостного значения напрямую увязываются с христианизацией края и территориально в большинстве в своём

¹ Бриллиантов А.О. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника // Христианский Восток. Т.6. Вып. 1. Петроград, 1917. С.33; Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.65.; Амичба Г.А., Папуашвили Т.Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов... С.53. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... С.58.

² Амичба Г.А., Папуашвили Т.Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов... С.53.

³ Там же. С.58.

⁴ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.65.

⁵ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1959. С.64.

⁶ Агрба И.Ш. Вопросы истории церкви и христианской культуры Абхазии в трудах З.В. Анчабадзе // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Материалы научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения З.В. Анчабадзе. Сухум, 1996. С.173.

находятся на территории Апсилии и Мисиминии. В то же время нельзя не заметить, судя по летописному своду, в VII в. политическая ситуация претерпевает изменения. Границы Апсилии, в результате внешнего давления (абасгского и аланского), сужаются, частично, по мнению Л. Г. Хрушковой, «власть князя Абазгии распространяется и на Апсилию»¹. Подтверждением начавшимся изменениям в VII в., повлиявшим на этнополитическое пространство в Апислии и Мисиминии, являются сведения отмечавшейся выше армянской географии VII в. «Ашхарацуйц». В ней впервые упоминаются оба названия: Абхазия и Апсны (Апшилк-Писинун-Апсны и Аваза-Абхаз-Абхазия), что, в свою очередь, могло бы означать начавшееся с этого времени этнополитическое и культурное сближение древнеабхазских этнических объединений. Между тем, летописец, помещая абасгов рядом с апсилами, с другой стороны, говорит и о том, что они ещё не слились полностью в одну народность. Можно полагать, с учётом конкретных сведений, что к началу VIII в. территория апсилов вместе с Мисиминией продолжала непосредственно включать в себя часть соврем. Гульрипшского, Очамчирского и Гальского районов до р. Ингур.

Несмотря на сильное внешнее давление со стороны Абазгии, Алании, Византии и арабов, Апсилия к началу VIII вв. фигурирует (судя по анализу той информации, которую мы находим у византийского хрониста VIII в. Феофана Хронографа, описавшего вояж будущего византийского императора Льва Исавра в Аланию и его возвращение через земли апсилов), как зависимое от Византии, внутренне самостоятельное владение во главе с Марином² - правителем Апсилии. В то же время мы видим, что на данной территории правили также и топотериты (провинциальные византийские «местоблюстители»), в обязанности которых входило управление

¹ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... С.58.

² Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 66.

областями и крепостями¹, расположенными на периферии империи. Представляется, что топотериты имели те же функции, что и топархи – правители местности, независимой или полужависимой области, как правило, пограничной с Византией и находившиеся в союзных с империей отношениях.

Нам становятся известны некоторые стороны жизни Марина, под властью которого находилась вся центральная Апсилия, вплоть до побережья. Скорее всего, мы бы так и не узнали о нём, если бы византийский хронограф Феофан не описал красочно вояж будущего византийского императора, спафария Льва Исавра, в Аланию и его возвращение через земли апсильов. Так, рассказывая о миссии Льва Исавра (707-711 гг.), Феофан сообщает о некоем Марине, «первейшем среди апсильов»², т.е., как о самом знатном из апсильских жителей, который пришёл на помощь с 300 воинами ко Льву, когда тот осаждал занятую арабами крепость Сидерон, комендантом которой был перешедший на сторону арабов топотерит, «слуга империи»³ Фарасманий. Можно заключить, что Фарасманий, до прихода арабов в Апсилию, являлся самостоятельным правителем (или местоблюстителем) территории, которая была вверена ему византийской администрацией для управления с главной византийской крепостью Сидерон. Как далее повествует летописец, одолеваемый сильным желанием захватить Сидерон, спафарий хитростью заставил растерявшегося Фарасмания открыть ворота крепости. «Пробыв там ещё три дня, Лев *«разрушил стены до основания, [затем], отправившись в путь, спустился в Апсилию с Марином, первым из них и с великими почестями был принят апсильцами»*⁴ (по всей видимости,

¹ Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.69.

² Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 66.

³ Там же. С.67.

⁴ Там же. С.67.

знатного происхождения, выказавшими, согласно обычаю гостеприимства, высокому гостю своё расположение). *«Оттуда он спустился к побережью (т.е. к Севастополю), переправился через море и пришел к Юстиниану»*¹.

В описании Феофана по освобождению Сидерона от арабов видно, что летописец не только указывает на общий характер действия, но и на имевшиеся союзнические отношения между византийцами и апсильами. Вообще же, надо отметить, в этой ситуации в сложном положении оказался сам «первейшем среди апсильов» - Марин, который сумел избежать разорения своей страны и одновременно подтвердить, выгодный для Апсилии, союз с Византией, оставшись верным её союзником, сохранив провизантийскую ориентацию, в отличие от того же топотерита Фарасмания и правителей Абасгии, которые открыто заняли проарабскую позицию, выступив, таким образом, вместе с армянами и лазами против имперского присутствия на Кавказе. Можно предположить, что «Марин не состоял на официальной службе империи» и «за словосочетанием «первейший среди апсильов» скрывается «первенствующий князь», мыслившийся как глава самоуправления зависимой от империи Апсилии², т.е. если быть точнее, «первенствующий князь» или «князь» - византийские ставленники из числа представителей знати симпатизировавших империи. В их ведении находились вопросы местного самоуправления и сотрудничества с Константинополем³.

Согласно тексту Феофана Хронографа, *«Авасгия, Лазика и Иверия находились в руках сарацинов, и дорога из Алании в Ромейскую империю была блокирована»*⁴, поэтому Апсилия в первую поло-

¹ Там же. С.67.

² Касландзия Н.В. К вопросу о генезисе феодальных отношений в Абхазии (конец VIII – первая половина XI вв.) // Первые международные Анапсовские чтения. Сухум, 2011. С.395.

³ Она же. Генезис и становление Абхазского царства. Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.и.н. Сухум, 2015. С. 16.

⁴ Агусты Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С.273.

вину VIII в. должна была представлять для византийцев особую важность, являясь своего рода тыловым регионом. Как свидетельствует армянский историк Моисей Каганкатвацц, в конце 20-х гг. VIII в. арабский полководец Джахар ибн Абдулах аль Хакими через Апсилию два раза (в 723 – 725 и 729 – 730 гг.) вторгнулся в Аланию и Хазарию, через Клухорский перевал.

Нельзя не учитывать один очень важный момент. Появление арабов в Западном Закавказье носило определённый смысл, и это не был простой захват территорий, подчинявшихся Византийской империи и установление на них своего господства, а, в первую очередь, создание плацдарма на этих территориях против главного своего противника на Северном Кавказе, союзника Византии – Хазарско-го каганата. В этом смысле данный регион для Арабского Халифата имел стратегическое значение, заключавшееся в том, чтобы обойти каганат с западной стороны и ударить ему в тыл, через земли аланов, создавая, таким образом, «широкий фронт борьбы против Хазарско-го каганата на всём протяжении Главного Кавказского хребта»¹. Таким образом, Лев Исавр и разрушил крепость Сидерон, чтобы лишить главного оплота арабов в этой части Западного Закавказья, а заодно власти Фарасмания, не оправдавшего надежды империи.

Между тем, крепость Сидерон одни исследователи отождествляют с главной крепостью мисимиан, которую в VI веке называли «железной» – Тцахаром, другие же – с Цабалом (Цибилумом). В частности, по мнению М. М. Гунба, Лев Исавр, находившийся на земле мисимийцев (хотя, как верно замечает автор, в источнике ничего не сказано о них), пытался завладеть главной крепостью мисимийцев Тцахаром («железной крепостью»), т.е. Сидероном². То, что Сидерон – Тцахар не идентичен Цебельде (крепости Цабал), недавно было отмечено и А. Ю. Виноградовым³.

¹ Хонелия Р.А. Некоторые вопросы политической истории Абхазии VI – VIII вв. по данным армянских источников // СХРА. Сухуми, 1967. С.212.

² Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э... С.200.

³ Виноградов А.Ю. Заметки о культе святых Евстафиев на Кавказе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения», Махачкала, 2012. С. 288.

В свою очередь, М. М. Артамонов полагал, что Сидерон находился «в горном проходе (Цебельда-Сухуми)»¹. Данное мнение поддержал Ю. Н. Воронов, отметив, что из сведений Феофана очевидно, что Сидерон располагался на пути от Себастополиса и резиденции Марина (Рогатория, вероятно, – совр. Шапкы) в Аланию, т.е. в стороне от того места, где локализуется Тцахар². В этом смысле, конечно, Сидерон было бы логичнее отождествить с Цабалом (Цибилумом), являвшемся, судя по описанию источника, как важнейший центр Апсилии, «который должен был в первую очередь привлекать внимание завоевателей»³.

И вновь интерес со стороны Византии к территории Апсилии возрос в 738–739 гг., когда произошло новое вторжение арабов. Как сообщает Феофан Хронограф, арабский полководец Сулейман ибн-Исам, направившись в горную часть совр. Абхазии, вступил в Апсилию и осадил Сидерон, руководствуясь при этом главной целью – продолжить наносить превентивные удары по Хазарии со стороны Апсилии: *«Вождь аравийский» Сулейман Ибн-Исам в 738-739 годах «имел поход в римские земли; взял осадою, так называемую железную крепость [Сидерон], и отвел в плен Евстафия, сына Мариана патриция»*. Далее, как сказано в источнике: *«В сем году Исам, вождь аравийский, избил всех пленных христиан во всех городах его владычества, причем пострадал и Евстафий блаженный, сын Марина знаменитого патрикия. Несмотря на все принуждения, он не отрекся от истинной веры, и в знаменитом городе месопотамском Харане оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодатью Божьею производят всякие целения; но и многие другие в мученичестве пролили кровь свою за Христа»*⁴.

В тоже время, в сочинении византийского хрониста Феофана выступают, если внимательно присмотреться, как бы два разных

¹ Артамонов М.И. История Хазар. Ленинград, 1962. С.361.

² Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С. 69.

³ Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998. С.123.

⁴ Летопись византийца Феофана... С.301.

Марина (в одном случае он выступает как Мариан). В этой связи было озвучено мнение, что последний, т.е. Мариан, отсутствие у него этнонима, как это было в случае с Марином и его сын Евстафий, в контексте похода арабов «на Романию», были византийцами. Более того Евстафий являлся византийским офицером – начальником гарнизона Сидирона¹. Попытка автора статьи (т.е. В.А. Нюшкова)² «спасти апсильское происхождение Евстафия, - по мнению А. Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого, - несостоятельна, так как его утверждение, что в рукописи Феофана «первый из апсильов» Марин упомянут также под именем Мариан, не подтверждается фактами: во всех греческих списках «Хронографии» стоит имя Марин»³. Однако, не понятно, о каких фактах говорят исследователи, когда хорошо известно, что имя Мариан упоминается в летописи византийца Феофана (в переводе с греч. В.И. Оболенского, и Ф.А. Тарновского, с предисловием О.М. Бодянского).

Между тем бытующая, не без основания, уверенность, что это один и тот же человек, заставляет исследователей называть Марина, «*первейшего среди апсильов*», также и патрикием, получившим данный высокий титул позже за оказанные Льву Исавру услуги и сохранившим свою преданность Византийской империи.

Поэтому при дальнейшем рассказе Феофан ограничился уточнением о нём, добавив (возможно, уже в прошедшем времени) только то, что он – патрикий и у него был сын Евстафий и то, в связи с тем, что он пострадал за веру Христову. Также не следует придавать значения и тому, что хронист называет Марина в одном месте Марианом, так как потом он снова выступает под известным нам

¹ Виноградов А.Ю. Заметки о культе святых Евстафиев на Кавказе... С.288; Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М., 2015. С. 28.

² Нюшков В.А. Патрикий Марин и его сын Евстафий по сведениям «Хронографии» Феофана // Древности Западного Кавказа. Т. I. Краснодар, 2013. С. 177-182.

³ Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства... С.28.

именем Марин (у Феофана засвидетельствованы обе формы), который проживал на территории, зависимой от Византийской империи, т.е., на территории, входившей в понятие «римские земли» (в это же понятие попадает и Сидерон). Не кажется случайным и то обстоятельство, что арабские полчища, вторгшиеся в 738 г. в Апсилию во главе Сулейманом Ибн-Исамом берут в плен именно Евстафия, считая его настоящим правителем Апсилии во время осады «железной крепости», которую ранее Феофан называл мощной, т.е. Сидерон¹. Вероятно всего, политический рост Евстафия был связан с правлением отца, и к 738 году Евстафий являлся уже сам «первенствующим князем», резиденция которого располагалась в главной крепости Апсилии – Сидероне. По всей видимости, в этот исторический промежуток власть стала приобретать централизованный характер.

Здесь же будет логично сказать несколько слов о титуле патрикия. Патрикий (от лат. patricius – патриций) – один из высших византийских почетных титулов, известных с ранневизантийского времени. Титул патрикия часто жаловался полководцам и высшим чиновным лицам. Ф. И. Успенский приравнивал данный военный чин к современному полному генералу². И если первоначально Марин не состоял на официальной службе империи, то в дальнейшем, когда Лев Исавр стал императором, по логике, он мог стать уже и государственным мужем, ибо чин патрикия этому его обязывал. В новеллах Юстиниана патрикиат предстаёт как особый слой, которому в государственной иерархии отведено следующее после императора место³. Интересно, В. Г. Васильевский в своих трудах считал, что при составлении законодательного свода «Эклога» участие принимал никто иной, как тот самый Марин, упомянутый

¹ Архимандрит Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон, 2015. С.273.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Периоды I–III. Екатеринбург, 2013. С.7.

³ Чекалова А.А. Патрикиат в ранней Византии // ВВ. Т7. М., 1997. С.44.

Феофаном дважды, тождественный патрикию, ипату и писцу Марину, упомянутому в некоторых списках Эклоги и в переводе русской Кормчей книге. «Итак, заключает В. Г. Васильевский, - был во время императора Льва какой-то известный Марин, причина знаменитости которого остаётся необъяснимой в источниках»¹. Нельзя не согласиться с мнением автора, если учесть, что имя это в империи было распространено.

Таким образом, подводя итог, хотелось бы отметить, что в течение позднеантичного периода и ранневизантийской эпохи в Аписилии (в том числе, и в Мисиминии) вырабатывались, несмотря на все внешнеполитические перипетии, непосредственно основные черты этнополитического самобытного историко-культурного объединения, которое, в результате интеграционных процессов (исторически закономерных), во второй половине VIII в. окончательно оформилось (под эгидой абасгской династии) в Абхазское княжество, а затем в образованное в 786 г. независимое Абхазское царство. Оно сыграло важнейшую международную роль в противостоянии мировых держав Арабского Халифата и Византийской империи, являясь, на то время, первым, достаточно мощным, независимым раннефеодальным государством в Западном Закавказье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проследив динамику поступательного исторического развития апсиров, составивших, вместе с санигами, абасгами и мисимианами, ядро древнеабхазского народа, можно заключить, что данное этнообъединение представляло собой историческую категорию, которая, несмотря на мощное внешнее воздействие, опираясь на свой традиционный внутренний ресурс, ментальность и глубокие культурные корни, сохранило в себе все те качества, которые позволили ему не только не затеряться, но и укрепить своё положение на территории своего постоянного проживания.

В начале первых веков н.э. Аписилия попадает под сильное влияние Римской империи. Особое значение в это время приобретает цепь опорных крепостей с постоянными римскими гарнизонами (т.н. «Понтийский лимес»), что, в свою очередь, привело как к созданию буферной зоны в восточнопричерноморском бассейне для обеспечения стабильности в регионе, так и к выдвиганию правителя апсиров Юлиана и предоставлению ему римлянами «царского» венца (по-видимому, он себя показал с лучшей стороны во время римско-парфянской войны). Это также способствовало и укреплению социально-политического статуса древнеабхазских этнополитических объединений апсиров, абасгов, санигов. Выявленные археологические материалы (металлические умбоны и рукояти, топоры, щиты, поясные наборы, украшения, уздечки и т.д.) позволяют утверждать о более широких торгово-экономических связях носителей Цебельдинской культуры с Римской империей, а через неё с носителями Черняховской, Вельбарской культур и т.д.

Проведённый анализ ранневизантийских, древнегрузинских, древнеармянских средневековых письменных источников, а также археологических данных даёт возможность предположить, что

¹ Васильевский В.Г. Труды. Т.IV Ленинград, 1930. С.166-167.

территория проживания апсилов не ограничивалась пределами Ингурского речного бассейна (что можно наблюдать с VI в.), а доходила с I в. н.э. до рек Фасис и Техури. Здесь же отметим, что Лазики, как и Апсилия, оказавшись на территории, подвластной Византии, формировала свою политику, исходя из интересов Византийской имперской администрации, а также стремления персов закрепитесь на этих территориях. Поэтому, говоря о зависимости апсилов от лазов, мы можем отметить, что в действительности подчинение византийцами Лазики давало им повод пропагандировать идею подчинения других этнообъединений лазам, проводя под их властью в этом районе сложную дипломатическую игру (т.н. систему вассалитета).

Особенности Византийской политики в Апсилии были связаны, прежде всего, с её противостоянием с Персидской империей, а именно с защитой торговых путей (прежде всего, Транскавказского шёлкового пути), которые греки были вынуждены прокладывать как новые торговые маршруты из Алании в Апсилию через Санчарский, Марухский и Клухорский перевалы. Иран стремился, в свою очередь, утвердить в Западном Закавказье свои торгово-экономические и стратегические позиции, а Византия – на Северном Кавказе, который также, как и Южный Кавказ, являлся для неё объектом повышенного внимания, поскольку там проживали северокавказские племена и тюркского, и иранского (аланы) происхождения. В целях защиты от северокавказских племён Византия выстроила в Западном Закавказье крупное оборонительное сооружение – Кавказский внутренний лимес («Клисура»), представлявший собой линию крепостей на территории Абасгии (Трахея), Апсилии и Мисиминии (Цибилиум (Цабал), Шапки, Тцахар, Бухлоон) и Лазики (Археополь, Родополь, Сарапанис, Сканда и др.). Ей же проводится в регионе активная христианизация. Строятся храмы и церкви. Сам религиозный фактор, который имелся в наличии, был связан с эпохой Поздней античности VI – VII вв. Большое значение для социально-экономического развития Апсилии имело прохождение ответвлений Великого Шёлкового торгового пути,

тянувшихся в сторону главного византийского оплота в Западном Закавказье – Севастополиса. Оживлёнными были и алано-апсильские связи. На основе обработки археологических материалов (керамика, оружие, украшения и т.д.) можно выделить три локальных хозяйственно-культурных района Цебельдинской культуры: Мачара-Кодорский-Аалдзгский, Гумистинский и Чхалта-Кодорский.

В то же время нельзя не заметить, судя по летописному своду, в VII в. политическая ситуация претерпевает изменения. Границы Апсилии, в результате внешнего давления (абасгского и аланского), сужаются. Несмотря на начавшееся этнополитическое и культурное сближение в рамках Абасгского княжества, вместе с тем, с учётом конкретных сведений, в первой половине VIII в. Апсилия всё ещё включала в себя территории современных Гульрыпшского, Очамчирского и Гальского районов Республики Абхазия. В сочинении византийского историка Феофана Хронографа она представляла собой раннеполитическое объединение (княжество), во главе которого стоял местный правитель Апсилии – Марин, а после того как он стал патрикеем – его сын Евстафий, вплоть до пленения арабами в 738 г.

Итак, время апсилов – это значимый период в древней истории Абхазии, охватывающий около восьми веков, в течение которого на территории Западного Закавказья в развитии общества произошли изменения ключевого значения. Это время совпадает с возникновением и развитием позднеантичного Римского императорского государства и его продолжателя Византийской империи. Апислы были тесно связаны и как с римским миром, так и с византийским. Видели они и персов, и арабов. Однако след в отечественной истории они оставили не только потому, что были посредниками в распространении влияния имперских держав на своей территории. Они сами создали высокую для того времени культуру, влияние которой сказалось и в северо-западной части Восточного Причерноморья. Апислы, без сомнения, явились важным звеном в культурных и торговых связях между Византией и Персией, Средней Азией и Европой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М., 1996.
- Византийские историки (Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Пётр Патриций, Менандр, Кандид, Нопнос и Феофан Византиец). С.-Пб., 1894.
- Гильденшдет И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.
- Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. Тб., 1986.
- Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // ЖМНО. Ч. 226. Пер. Патканов П. С.-Пб., 1883.
- Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Составители: Патракова В.Ф., Черноус В.В. Ростов- н-Д., 1990.
- Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том 2. История. Л., 1969.
- Крисп Гай Саллюстий. Сочинения. М., 1981.
- Летопись византийца Феофана (в переводе с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Тарновского, с предисловием О.М. Бодянского). М., 1884.
- О стратегии: Византийский военный трактат VI века. Подготовил В.В. Кучма. С-Пб., 2007.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
- Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996.
- Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты перевел, собрал, предисловием и комментариями снабдил Г.А. Амичба. Сухуми, 1986.
- Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.
- Флавий Иосиф. О войне иудейской // ВДИ. №4. М., 1947.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамишвили Т.Я. Нокалаевский клад // ВГМГ. XX-V. Тб., 1959.
- Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.
- Агрба И.Ш. Вопросы истории церкви и христианской культуры Абхазии в трудах З.В. Анчабадзе // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Материалы научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения З.В. Анчабадзе. Сухум, 1996.
- Агрба И.Ш. Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.). Сухум, 2011.
- Агрба Б.С., Хотко С.Х. «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко-культурной самобытности страны адыгов. Майкоп, 2004.
- Агусти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Аджинджал Е.К. Из истории абхазской государственности. Сухум, 1996.
- Аджинджал Е.К. Из истории христианства в Абхазии. Сухум, 2000.
- Аджинджал Е.К. О титулатуре абхазских царей. Сухум, 2014.
- Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
- Адриан Голдсуорти. Падение Запада: Медленная смерть Римской империи. М., 2014.
- Акаба Л.Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984.
- Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). Сухум, 1999.
- Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). Сухум, 2002.
- Амичба Г.А. Средневековый период (IV–XVIII вв.) в книге «Абхазы». Издание второе, исправленное. М., 2012.
- Амичба Г.А., Папуашвили Т.Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI–VIII вв.). Тб., 1985.
- Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.
- Андре Гийу. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2007.
- Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959.

Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.

Анчабадзе З.В. Избранные труды в двух томах. Т. 1. Сухум, 2010

Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А., Куправа А.Э. История Абхазии. Сухуми, 1986.

Анчабадзе З.Г. К проблеме идентификации гидронимов «Егрисцкали» и «Дракон» // Первые международные Инал-иповские чтения. Сухум, 2011.

Аргун Ю.Г. Быт, нравы и обычаи в книге «История Абхазии». Сухум, 1991.

Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.

Аржанцева И.А. Каменные крепости алан // РА. №2. М., 2007.

Армарчук Е.А. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.,–Ставрополь, 2008.

Артамонов М.И. История Хазар. Ленинград, 1962.

Арутюнова-Фиданян В.А. Повествования о делах армянских. VII век. Источник и время. М., 2004.

Ахмедов И.Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтйского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. ТГИМ. Вып. 145. М., 2005.

Архимандрит Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии (второе издание). Новый Афон, 2015.

Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. Сухум, 2010.

Барцыц Р.М., Бройдо А.И. Традиция религиозного синкретизма и распространение христианства в Абхазии // КНЗ. №1. М., 2009.

Бгажба О.Х. Мечи из «дамасской стали» в Абхазии // ИАИЯЛИ. Вып. XIII. Тб., 1973.

Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977.

Бгажба О.Х. О кузнечном ремесле в древней Абхазии (VI в. до н.э. – VII в. н.э.) // ИАИЯЛИ. Вып. VI. Тб., 1977.

Бгажба О.Х. По следам кузнеца Айнара. Сухуми, 1982.

Бгажба О.Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (в I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). Автореф. на соискание учёной степени д.и.н. М., 1994.

Бгажба О.Х. Цебельдинская экспедиция Ю.Н. Воронова // ЛА. Сухум, 1998.

Бгажба О.Х. Цебельдинская экспедиция Юрия Воронова (вместо предисловия) в книге: Ю.Н. Воронов. Могилы апсиров. Пущино, 2003.

Бгажба О.Х. Абхазия и Великий шёлковый путь // ТАГУ. Часть III. Сухум, 2003.

Бгажба О.Х. Где проходила «Клисура» Джунашера? // Абхазоведение (историческая серия). Вып. 2. Сухум, 2003.

Бгажба О.Х. Ранние этапы этнической истории абхазов // Археология, этнография и фольклористика Кавказ: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007.

Бгажба О.Х. Абхазия и Алания в I тысячелетии // Абаза. №1. Сухум, 2010.

Бгажба О.Х. Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии (II – VII вв.) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы Международной научной конференции. М., 2015.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Два всаднических захоронения апсиров из Цебельды // ТАГУ. Т.6. Сухуми, 1987.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Материалы по культуре апсиров II в. до н.э. – II в. н.э. // ТАГУ. Т.6. Сухуми, 1988.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. К вопросу об автохтонности апсиров // ТАГУ. Т.7, Сухуми, 1989.

Бгажба О.Х. Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007.

Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (исследования и материалы). Сухуми, 1973.

Беликов А.П. Рим и Парфия: Истоки взаимного неприятия // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002.

Бигуаа В. Л. Семья: структура и внутренняя организация в книге «Абхазы». Издание второе, исправленное. М., 2012.

Бигуаа В.Л. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. Сухум, 2012.

Бибииков М.В. К изучению византийской этнонимии // ВО. М., 1982.

Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985.

Бокщанин А.Г. Римская империя в I столетии н.э. (30 г. до н.э. – 96 г. н.э.) в книге «История древнего Рима». М., 1981.

Болгов Н.Н. Отечественная историография о проблеме континуитета истории позднего Боспора // Жебелевские чтения-3. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 года. СПб., 2001.

Болгов Н.Н. Поздний Боспор: К дискуссии о континуитете государства и социальных структур // ВДИ. №2. М., 2003.

Бриллиантов А.О. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника // Христианский Восток. Т.6. Вып. 1. Петроград, 1917.

Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Бутба В.Ф. Труды. Сухум, 2005.

Васильевский В.Г. Труды. Т.IV. Ленинград, 1930.

Ващева Ю.А. Концепция поздней античности в современной исторической науке // ВНУ им. Н.И. Лобачевского. № 6. Нижний Новгород, 2009.

Величко А.М. История Византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия I. М., 2012.

Величко А.М. История византийских императоров. От Юстина до Феодосия. III. М., 2012.

Виноградов А.Ю. Заметки о культе святых Евстафиев на Кавказе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения», Махачкала, 2012.

Виноградов А.Ю. К локализации византийских крепостей в Апсилии // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. М., 2014.

Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М., 2015.

Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. №2. М., 1994.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.

Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II-VII вв.) // МАА. Т6, 1979.

Воронов Ю.Н. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н.э. // КСИА. №159. М., 1979.

Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978.

Воронов Ю.Н. О дате оборонительной системы Апсилии // ИАИЯЛИ. Том XIII. Тб., 1985.

Воронов Ю.Н. Древняя Цебельда // ВИ. №1. М., 1987.

Воронов Ю.Н. Некоторые аспекты погребального обряда Абхазии (могильники Цебельдинской культуры, позднесредневековые погосты, кладбища XIX века) // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986-1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988.

Воронов Ю.Н. Цебельда-форпост Византийской империи // НЧ. Международный ежегодник 1990. М., 1990.

Воронов Ю.Н. Аланы в Абхазии // Вопросы иранистики и алановедения. Владикавказ, 1990.

Воронов Ю.Н. Древнеабхазские племена в римско-византийскую эпоху в книге «История Абхазии». Сухум, 1991.

Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998.

Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология. Сухум, 1998.

Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // ПИФК. Т. XII. М.-Магнитогорск, 2002.

Воронов Ю.Н. Могилы апсильов. Итоги исследований некрополя Цибилиум в 1977 – 1986 годах. Пушино, 2003.

Воронов Ю.Н. Ещё раз о раннесредневековых перевальных путях через Западный Кавказ // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. «Крупновские чтения», 1971–2006. М.- Ставрополь, 2008.

Воронов Ю.Н. Главная крепость Апсилии в книге «Научные труды». Том второй. Сухум, 2009.

Воронов Ю.Н. Материальная культура апсильской аристократии (Восточное Причерноморье) с IV – VI вв. // Абхазоведение (историческая серия). Вып. VIII–IX. Сухум, 2013.

Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Себастиополис-Цхум в книге: «Научные труды». Том четвёртый. Сухум, 2014.

Воронов Ю.Н., Аджинджал Б.М. Искусство и архитектура Абхазии в книге «История Абхазии». Сухум, 1991.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии. Сухуми, 1986.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Крепость Цибилиум – один из узлов Кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // ВВ. Т.48. М., 1987.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. К интерпретации христианских памятников Апсилии // Абхазоведение (историческая серия). Вып. IV. Сухум., 2007.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Аланы в Колхиде (VI–VIII вв. н.э.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII «Крупновские чтения», 1971–2006. М.,- Ставрополь, 2008.

Воронов Ю.Н., Левинтас В.Б. По древним тропам горной Абхазии. Сухуми, 1982.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV – VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков. Советско-Венгерский сборник. М., 1982.

Воронов Ю.А., Юшин В.А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. №1. М., 1973.

Габелия А.Н. Строительная керамика из Сухумской крепости // Абхазоведение (историческая серия). Вып.3. Сухум, 2003.

Габелия А.Н. Себастиополис – укрепление Понтийского лимеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013.

Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.

Габуев Т.А., Хохлова О.С. Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) // РА. №4. М., 2003.

Гавритухин И.О. Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв.), в книге: «Археология». М., 2003.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Голенко К.В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964.

Готфрид Мерцбахер. К этнографии обитателей Кавказских Альп // Кавказ. Выпуск VIII. Племена, нравы, язык. Нальчик, 2011.

Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. С.-Пб., 2007.

Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтии Мровели // Абхазоведение (историческая серия). Вып. II. Сухум, 2003.

Гумба Г.Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали Джуаншера Джауншериани // Абхазоведение (историческая серия). Вып. III. Сухум, 2004.

Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тб., 1978.

Гунба М.М. Атарские гончарные печи. Тб., 1985.

Гунба Б. М. Письменные источники о Себастиополе // ПИФК. Вып. XVII. История древнего мира и средних веков. Археология. М.,- Магнитогорск, 2006.

Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). Сухуми, 1989.

Гунба М.М. Об автохтонности абхазов в Абхазии // Абхазоведение (историческая серия). Вып.1. Сухум, 2000.

Гуревич А.Я. Начала феодализма в Европе. Т.1. М.-С.-Пб., 1999.

Гутнов Ф.Х. Рим и аланы в начале н. э. // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 2004.

Джанашиа С.Н. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики. Образование «Абхазского царства» // ИАНГ. №2. Тб., 1991.

Джапуа З.Д. Абхазские и Осетинские Нартские сказания о Сасрыкуа/ Сослане/Созырыко (Опыт сравнительного указателя) // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции. Владикавказ, 2005.

Джопуа А.И. Вопросы изучения ацангуар в трудах Ш.Д. Инал-ипа // Первые международные инал-иповские чтения. Сухум, 2011.

Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Новые материалы Цебельдинской культуры из села Атара (Абхазия) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XVII «Крупновские чтения». Тезисы докладов. Махачкала, 2012.

Джопуа А.И., Ньюшков В.А. О генезисе апсильской культуры в трудах Г.К. Шамба // Третья Абхазская Международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013.

Джопуа А.И., Ньюшков В.А. Великая Абхазская стена: Члоуский участок // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2014.

Дзаттиаты Р.Г. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI–VII вв. н.э.) // Аланы: история и культура. Т. III. Владикавказ, 1995.

Дейвид Браунд. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. №4. М., 1991.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4. М., 1979.

Драчук В.С. Рассказывает геральдика. М., 1977.

Дэвид Лэнг. Грузины. Хранители святынь. М., 2006.

Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

Ельницкий Л.Н. О малоизученных и утраченных греческих и латинских надписях Закавказья // ВДИ. №2. М., 1964.

Закарая П. Древние города и крепости Грузии. Тб., 1982.

Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII – XI вв. по материалам мордовских могильников // КСИА. Вып. 229. М., 2013.

Иерусалимская А.А. О Северо-кавказском «Шёлковом пути» в раннем средневековье // СА. 2. М., 1967.

Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

Инал-ипа Ш.Д. Труды. Сухуми, 1988.

Инал-ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности. Сухум, 1992.

Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.

История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988

Источниковедение истории Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1984.

Кадзаева З.П. Раннесредневековый катакомбный могильник близ села Верхний Садон (РСО-Алания) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. «Крупновские чтения», 1971–2006. М.,- Ставрополь, 2008.

Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // МИАЭК. Вып. 4. Симферополь, 1994.

Казанский М.М. Позднеримская /ранневизантийская армия и Западный Кавказ // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 2004.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV «Крупновские чтения». Владикавказ, 2008.

Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Погребения коней в Абхазии в поздне-римское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Федераты и империя: Эволюция некрополя Цибилиум (II-VII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8-12 ноября 2008 г.). Материалы конференции. Сухум, 2011.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронология Цебельдинской культуры (II-VII вв.) // Третья Абхазская Международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013.

Кайтан Ш.Г. Проблемы хронологии Великой Абхазской стены // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. «XVIII Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. М., 2014.

Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // ИАА. Вып. 3. Армавир, 1997.

Касландзия Н.В. К вопросу о генезисе феодальных отношений в Абхазии (конец VIII-первая половина XI вв.) // Первые международные инал-иповские чтения. Сухум, 2011.

Касландзия Н.В. Традиции престолонаследия и институт соправительства в Абхазском царстве (конец VIII – первая четверть XI вв.) // Абхазоведение (историческая серия). Вып. 5-6. Сухум, 2011.

Касландзия Н.В. Генезис и становление Абхазского царства. Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.и.н. Сухум, 2015.

Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006.

Кнабе Г.С. Комментарии книге, ко второму тому «Корнелий Тацит. История». Л., 1969.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. М., 1977.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.

Ковалевская В.Б. Кавказ-скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.

Ковалевская В.Б. Даринский путь и связи Византии, Ассирии и Алан // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006.

Кодзаев К.М. Верховная власть алан (I-X вв.). Владикавказ, 2008.

Кодзаев К.М. Торговля и обмен в процессе политогенеза на Северном Кавказе // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV «Крупновские чтения». Владикавказ, 2008.

Козенкова В.И. XI «Крупновские чтения» (1981) // СА. №1. М., 1983.

Коробов Д.С. Аланские «вожеские» погребения и центры власти в Кисловодской котловине // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов. М., 2013.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Кузнецов В.А. О создании природно-ландшафтного и историко-археологического музея-заповедника федерального значения в верховьях Кубани // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас, 2010.

Кузнецов В.А. Хасаутское городище и могильники и Мисимианский маршрут Великого шёлкового пути // ВКБИГИ. №4. Нальчик, 2015.

Кузьмин В.А. Великий шёлковый путь на Кавказе. Архитектура караван-сарая в горной Ингушетии // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007.

Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.

Леквинадзе В.А. «Понтийский лимес» // ВДИ. №2. М., 1969.

Леквинадзе В.А. Монументальные памятники Западной Грузии I-VII вв. Автореф. на соискание учёной степени д.и.н. М., 1973.

Литаврин Г.Г. Византия в IV–XII вв. в книге «История средних веков: В 2-т.». Т.1. М., 2001.

Ловпаче Н.Г. Абазино-Абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006.

Логинов В.А. Этнографический аспект изучения керамики Абхазии II–VII вв. н.э. // ИАИЯЛИ. Вып. XIII. История и экономика. Тб., 1985.

Ломоури Н.Ю. Восточное Причерноморье и Рим в I в. н.э. // Историко-филологические разыскания. Часть 1. Тб., 1980.

Ломоури Н.Ю. Западная Грузия – Эгриси (Лазика) в IV – V вв. // Очерки истории Грузии. Том II. Грузия в IV–X веках. Тб., 1988.

Ломоури Н.Ю. К выяснению некоторых сведений «Notitia Dignitatum» и вопрос о так называемом понтийском лимесе // ВВ. Том 46. М., 1986.

Ломоури Н.Ю. Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999.

Лордкипанидзе О. Наследие древней Грузии. Тб., 1989.

Луи Альфан. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. М., 2006.

Маан О.В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сухум, 2003.

Маан О.В. Абжуа. Историко-этнологические очерки. Сухум, 2006.

Маан О.В. Агудзера и её окрестности. Историко-этнографический очерк. Сухум, 2010. Маан О.В. Основные черты социального строя в книге «Абхазы». Издание второе, исправленное. М., 2012.

Маан О.В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум, 2012.

Маан О.В. Гулрыпшский район Абхазии. Сухум, 2013

Мартынов А.И. Археология. М., 2002.

Мастыкова А.В. Федераты Восточной Римской империи на Черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилиум (II – VII вв.) // НВБГУ. №17. Белгород, 2008.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009.

Мастыкова А.В., Казанский М.М. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // НВБГУ. № 9(64). Белгород, 2009.

Мастыкова А.В., Казанский М.М. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI веках // Материалы конференции. XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000.

Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тб., 1959.

Меликсет – бек Л.М. По следам перипла Арриана // ТАИЯЛИ. Вып. XXX. Сухум, 1959.

Молев Е.А. Эллыны и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003.

Мухелишвили Д.Л. Историческая география Грузии IV–X вв. // Очерки истории Грузии. Том II. Грузия в IV–X веках. Тб., 1988.

Николаева Э.Я. Рецензия на работу Ю.Н. Воронова, О.Х. Бгажба. Материалы по археологии Цебельды (Итоги исследований Цибилиума в 1978–1982 гг.). Тб., 1985 // СА. № 2. М., 1989.

Новичихин А.М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. Военная археология. Выпуск. 1. СМГИМ. М., 2008.

Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980.

Нюшков В.А. Патрикий Марин и его сын Евстафий по сведениям «Хронографии» Феофана // Древности Западного Кавказа. Т. I. Краснодар, 2013.

Остахов А.А., Ильюшин Ю.В. Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (I в. до н.э. – III в. н.э.). Пятигорск, 2012.

Перевалов С.М. Арриан у ворот Кавказа // ПИФК. М.-Магнитогорск, 2001.

Перевалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство. Диспозиция против аланов. Текст, перевод, комментарий. М., 2010.

Погребова М.Н. Конские погребения Южного Кавказа эпохи поздней бронзы / Раннего железа // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006.

Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Прокопенко Ю.А. История северо-кавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999.

Пьянков А.В. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII веков из Кубано-черноморского региона // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X международной научной конференции 29 мая – 3 июня 2001 г. Ростов-н.-Д., 2002.

Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху раннего средневековья (IV–VIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв.), из серии «Археология». М., 2003.

Ртвеладзе Э.В. «ΔΑΡΕΝΗΣ ΑΤΡΟΠΟΝ» маршрут византийского посольства Зимарха по Средней Азии и Кавказу // ПИФК (В честь 80-летия Г. А. Кошеленко). №1. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2015.

Сакания С.М. Культовое зодчество средневековой Абхазии в книге «Абхазы». Издание второе, исправленное. М., 2012.

Салакая Ш.Х. Избранные труды в трёх томах. Т.1. Сухум., 2008.

Сангулия Г.А. Древняя Абхазия: Вождество и царство (историко-археологическое исследование) // Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2009.

Селунская Н.А. «lateAntiquity»: Историческая концепция, Историографическая традиция и семинар «EmpiresUnlimited» // ВДИ. №1. М., 2005.

Скаков А.Ю. Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов. Нальчик, 2014.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии // МИАК. Вып. 6. Краснодар, 2006.

Скворцов К.Н. Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Аллейка 3) // РА. № 3. М., 2012.

Соловьёв Л.Н. Диоскурия – Себастополis – Цхум // ТАГМ. Вып.1. Сухуми, 1947.

Сорокина Н.П. Стекланные сосуды IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. Вып. 158. М., 1979.

Счастный Д.А. Лук и стрелы Абхазии III–VIII вв. // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар, 2015.

Телегин Д.Я. Опыт комплексного изучения археологических и лингвистических данных при решении этнокультурных вопросов по материалам Поднепровья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.,- Ставрополь, 2008.

Трапш М.М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960–1962 // ТАИЯЛИ. Т.33. Сухуми, 1963.

Трапш М.М. Древний Сухуми. Труды: в 4-х томах. Т.2. Сухуми, 1969.

Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей. Труды: В 4-томах. Т.3. Тб., 1971.

Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми, 1975.

Требелева Г.В., Сакания С.М., Юрков Г.Ю. Маркульский археологический комплекс // КСИА. Выпуск 237. М., 2015.

Тхайцуков М.С. К вопросу об этнокультурной общности абхазов и абазин в историческом прошлом // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988.

Уварова П.С. Христианские памятники // МАК. Вып. IV. Москва, 1894.

Удальцова З.В. Византийская империя в раннее средневековье (IV–XII вв.) // История Европы с древнейших времён до наших дней (в восьми томах). Т.2. Средневековая Европа. М., 1992.

Урвик Брей, Дэвид Трамп. Археологический словарь. М., 1990.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. Периоды I–III. Екатеринбург, 2013

Хафизова М.Г. Убыхи: ушедшие во имя свободы. Нальчик, 2010.

Хондзия З.Г. Новые материалы Цебельдинской культуры в Западной Абхазии // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар, 2015.

Хонелия Р.А. Некоторые вопросы политической истории Абхазии VI– VIII вв. по данным армянских источников // СНРА. Сухуми, 1967.

Хотелашвили (Инал-ипа) М.К. Страницы военной истории абхазов // Абхазоведение (историческая серия). Вып. III. Сухум, 2004.

Хотелашвили М.К., Якобсон А.Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. Том 45. М., 1984.

Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. От эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001.

Хотко С.А. История Черкесии в середине века и новое время. СПб., 2001.

Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X века. Тб., 1980.

Хрушкова Л.Г. О религиозных верованиях апсиров (IV–VII века) // ИА-ИЯЛИ. Вып. XII. Тб., 1983.

Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002.

Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА. Вып. 218. М., 2005.

Цулая Г.В. Описание Колхиды и сведения об абхазах в армянской «Географии» VII века // Ономастика Колхиды. Орджоникидзе, 1980.

Цулая Г.В. Абхазия в контексте истории Грузии. Домонгольский период. Краткие очерки. М., 1995.

Чекалова А.А. Патрикиат в ранней Византии // ВВ. Т7. М., 1997.

Челидзе В.В. Исторические хроники Грузии. Тб., 1980.

Чеченов И.М. К проблеме периодизации ранней истории тюрок Северного Кавказа (I тыс. н.э.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М., Ставрополь, 2008.

Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // ДС. Вып. 1. М., 2012.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.

Чичуров И.С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (VI – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Вып. 5. М., 1981.

Шамба Г.К. Ахачхарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970.

Шамба Г.К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // МАИА. Сухуми, 1974.

Шамба Г.К. Древний Сухум. (Поиски, находки, размышления). Сухум, 2005.

Шамба Г.К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племён в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии/Грузия»). Тб., 1999 // ВАН. № 1, Сухум, 2005.

Шамба С.М. О чём говорят монеты. Сухуми, 1982.

Шамба С.М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н.э.–XIII в. н.э.). Автореф. к докторск. диссертации. Ереван, 1998.

Шамба Т.М. Непрошин А.Ю. Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004.

Шенгелия Н.Н. Османские источники по истории Грузии XV–XIX вв. Тб., 1974 (резюме на русском языке).

Шенкао Н.К. К вопросу изучения метательного оружия (лук и стрелы, самострел) у абхазов и абазин в прошлом // Тезисы докладов научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа З.В. Анчабадзе. Сухум, 2000.

Шмалько А.В. Восточный поход Нерона // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990.

Шмидт А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // УЗИВ. Т.16. М., 1958.

Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. М., 1985.

Якобсон А.Л. По поводу статьи Д.Л. Талиса «Сюреньская крепость» // ВВ. Том 36. М., 1974.

Яннис Караяннопулос. Эпоха Юстиниана // История человечества. Т. III. VII век до н.э. – VII век н.э. Русскоязычная версия. М., 2003.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Tsibilium I. Lanécropoleapsile de Tsibilium. Les fouillesde 1977 – 1986
Youri Voronov. Le texte est prèpare pour l'èdition por Michel Kazanski.
BAR Internnationat Series 0000 2007; Tsibilium II. La nècropole apsile
de Tsibilium l'ètude du site Michel Kazanski et Anna Mastykova. BAR
Internnationat Series 0000 2007.
- Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. Lanécropoleapsilede Tsibilium (Vlleav.
J.-C.– Vlleap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étudedusite. Vol. 2. Oxford:
Johnand Erica Hedges Ltd.. 164 p. (British Archaeological Reports.
International Series; S1721), 2007.
- Maximus the Confessor and his Companions. Documents from Exile.
Oxford, 2002.
- Saltykov A.A. Lavision de saint Eustache sur la stele de Tsebelda. – Cahiers
Archeologiques, Picard, 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАНА – Вестник Академии наук Абхазии. Сухум.
- ВВ – Византийский временник. М.
- ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии. Тб.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВИ – Вопросы истории. М.
- ВКБИГИ – Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных
исследований. Нальчик.
- ВНУ – Вестник Нижегородского университета.
- ВО – Византийские очерки.
- ДЗК – Древности Западного Кавказа. Краснодар.
- ДС – Джигетский сборник. М.
- ЖМНО - Журнал министерства народного образования. С-Пб.
- ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир.
- ИАИЯЛИ – Известия Абхазского института языка, литературы и исто-
рии. Тб.
- ИАНГ – Известия Академии наук Грузии. Тб.
- КНЗ – Кавказские научные записки.
- КСИА– Краткие сообщения института археологии. М.
- ЛА – Литературная Абхазия. Сухум.
- МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
- МАИА– Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми.
- МИАЭК – Материалы по истории археологии и этнографии Крыма.
Симферополь.
- НВБГУ - Научные Ведомости Белгородского гос. университета.
- НЧ – Наука и человечество.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М.,-Магнитогорск.
- РА – Российская археология. М.
- СА – Советская археология. М.

СМГИМ – Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. М.

СНРА – Сборник научных трудов аспирантов. Сухуми.

ТАГМ – Труды Абхазского государственного музея. Сухум.

ТАГУ – Труды Абхазского государственного университета. Сухум.

ТАИЯЛИ – Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми.

ТГИМ – Труды государственного исторического музея. М.

УЗИВ – Ученые записки института востоковедения.

SUMMARY

The book of V.A. Nyushkov «History and Culture of the Apsils (2nd century B.C. - the second half of the 8th century A.D.)» is the first comprehensive monographic study on the history and culture of the Apsils. Based on the concrete historical, archaeological, ethnological, linguistic, folklore material it has been study ethno-political, socio-economic and cultural history of the Western Caucasus during the Early and Late Antiquity, in the Early Byzantine period and till the Early Middle Ages. In the book they were first summarized the scientific results of the abkhazian and foreign researchers. The ethnic history of the Apsils begins with their direct fixation on the archaeological data, i.e. since the 2nd century B.C. The territorial focus of the study is limited as follows: at an early period - Central and South-Eastern territory of the modern Republic of Abkhazia and Western Georgia (in the north on the line of the village Eshera and Gumista river - in the south the line of the rivers Rioni and Tekhuri), at a late period (6th - 7th centuries A.D.) - Central and South-Eastern territory of the modern Republic of Abkhazia (in the north on the line of the village Eshera and Gumista river - in the south the line of the river Ingur). Socio-political system of the Apsilia represented a ethno-political principality. It's obvious that the historical process, which took place in the Late Antiquity and the Early Middle Ages in the Western Caucasus, including the territory of the Apsils, is finishing the formation of an independent Kingdom of Abkhazia in 786.

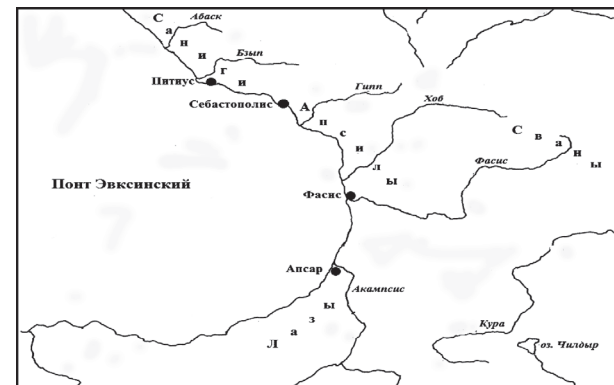
Перевод на английский осуществлён Анитой Козубовой

АПРЕЗИУМЕ

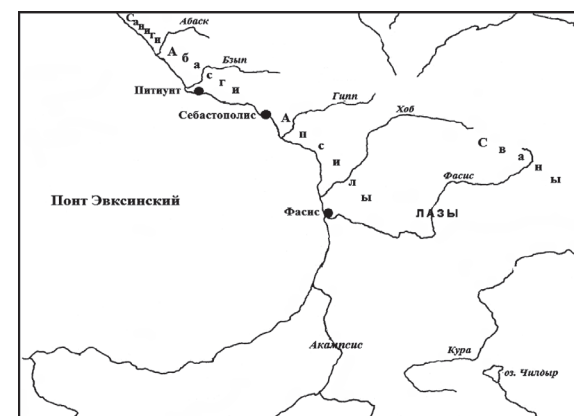
В.А.Ниушков ишәкәы: «Аңсилаа рҗоурыхи ркультуреи (II ашә.х. к.- VIII ашә. аюбатәи азбжа.)» аңсилаа ажәйтә аңсуаа ретногәыпқәа рҗоурыхи ркультуреи ирызку актәи икомплекттә монографиатә тҗаароуп. Аюымтәҗы аҗоурыхтә, археологиатә, алингвистикатә, афольклортә материалқәа шыатас инаҗаны иахәапшуп Мра- ташәаратәи Кавказ аетно-политикатәи, асоциалтә-экономикатәи акультуратә җоурых заатәи абжьаратә шәышықәса алагаанза. Рапхьаза акәны еизакуп аҗыпәнтәи ахәаанхьцтәи аҗҗааюцәа инейцыху аҗыхәтәантәи рдыррақәа. Абас, аңсилаа ретникатә җоурых алагоит археологиатә лыҗшәақәа ранҗарала, иаххәозар II ашә.х.к.инаркны. Аңсилаа ртәыла дгьылҗакыратә тҗаарақәа ахәаақәа ирҗагзоуп: заатәи астадиа- иахьатәи Аңсны Ахәынҗқар- ра агәҗеи, Алада-мрагыларатәи адгьылҗакыреи Мраҗашәаратәи Қырҗтәылеи (мрагыларала Ешыреи азиас Гәмыҗта аҗәахәала, аз- иасқәа Рионии Техурии ладатәи рхықә инықәкны) , еиҗа ихьшәоу аетап аҗны (VI- алагамҗа VII ашә.) - иахьатәи Аңсны Ахәынҗқарра агәҗеи, Алада-мрагыларатәи адгьылҗакыра (иара убас мрагыла- рала Ешыреи азиас Гәмыҗтеи – ладака, Егры азиас инаваҗаны). Аңсилаа рсоциалтә-политикатә система ахәынҗқарра еиҗкааратә стадиа аҗны иказ аетнополитикатә еидгыла аҗазшыа аманы иубон. Иубарҗоуп Мраҗашәаратәи Кавказ, аңсилаа ахьынхоз аҗыпҗы на- лаҗаны, антикатәи абжьаратә шәышықәсеи раамҗазы имәаҗысуаз аҗоурыхтә процессқәа ишырбзоурахаз 786 шықәсазы зхала иказ Аңсуа хәынҗқарра ашыақәгылара.

•ПРИЛОЖЕНИЕ•

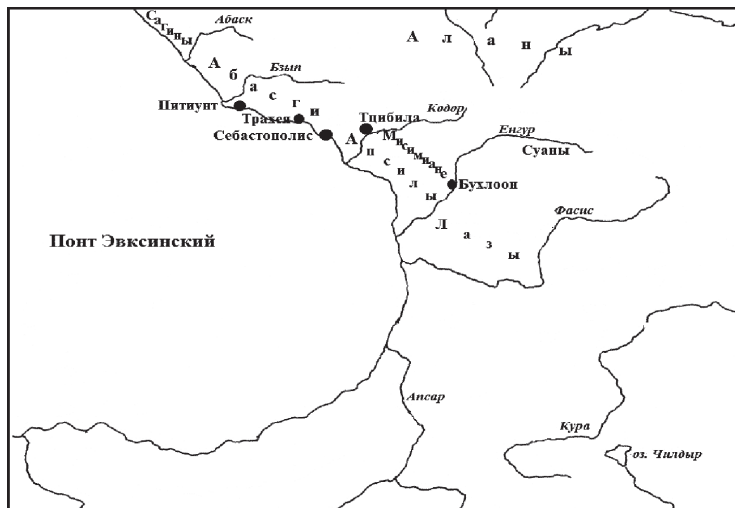
КАРТЫ

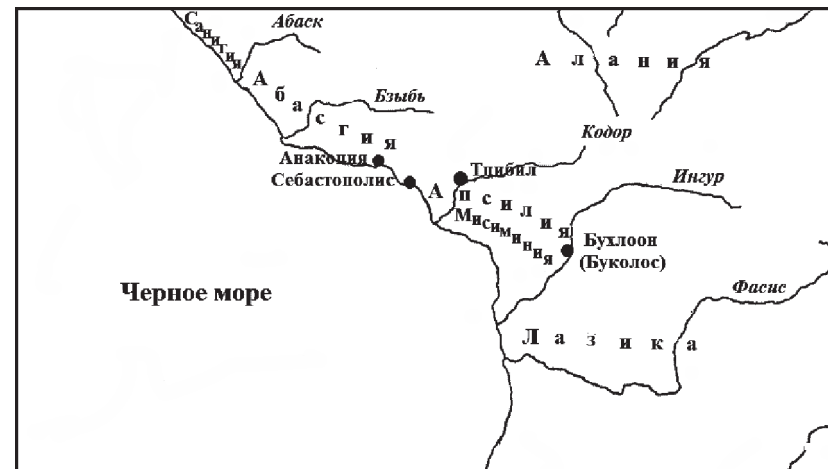
Карта 1. Восточное Причерноморье по Плинию Секунду

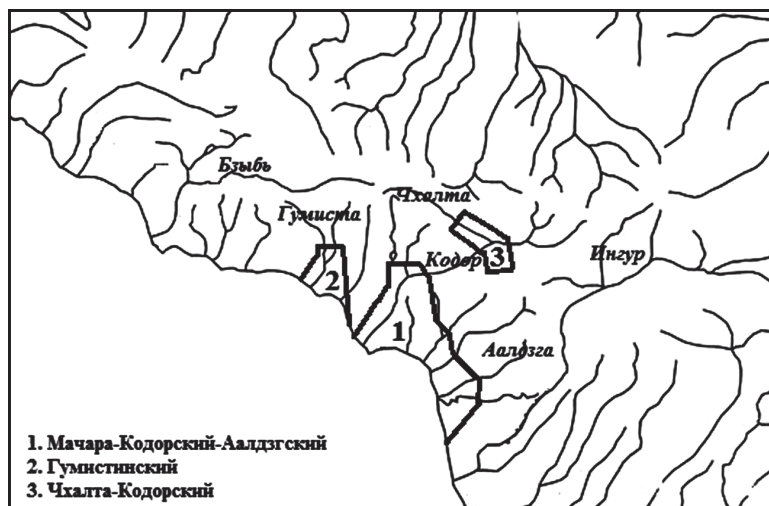
Карта 2. Восточное Причерноморье по Флавию Арриану

Карта 3. Восточное Причерноморье по Проконию и Агафию

Карта 5. Западное Закавказье в VII - начала VIII вв.

Карта 4. Цебельдинская культура и её районирование по местам находок

ФОТО КРЕПОСТИ ЦАБАЛ

1. Катапультная пятигранная башня №1

2. Квадровая кладка пятигранной башни №1

3. Квадровая кладка главной стены (протейхизмы)

4. Внешний вид башни №3

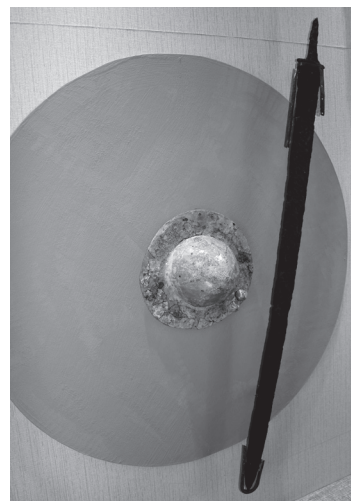

5. Внутренний вид башни №3

6. Крещальня, где крестили взрослое население апсилов (в настоящее время взорванная «чёрными копателями»)

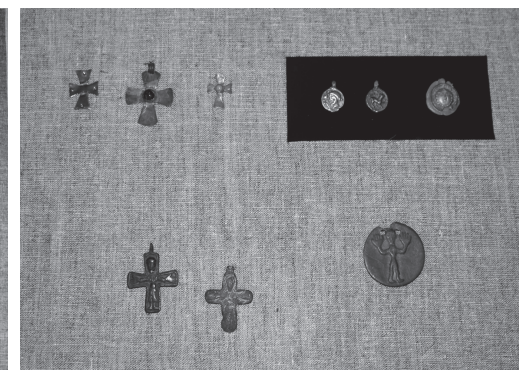
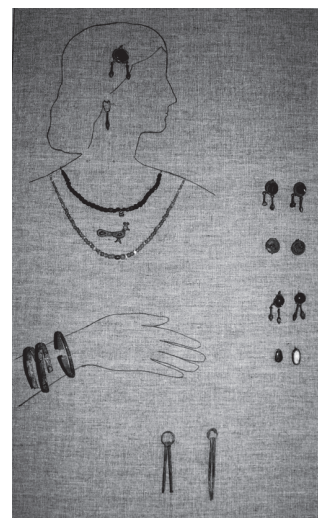
МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЦЕБЕЛЬДИНСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ,
ВЫСТАВЛЕННЫЕ В ВИТРИНАХ
АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Железный меч, умбон

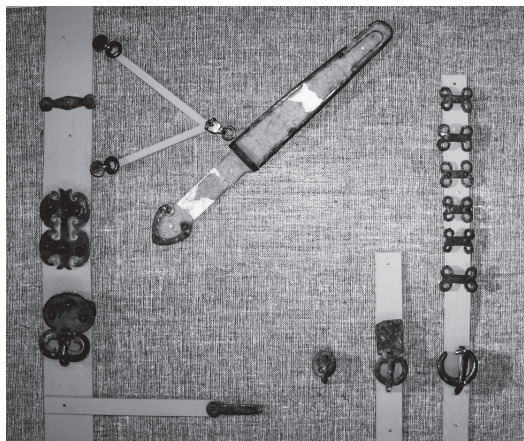

Конская уздечка

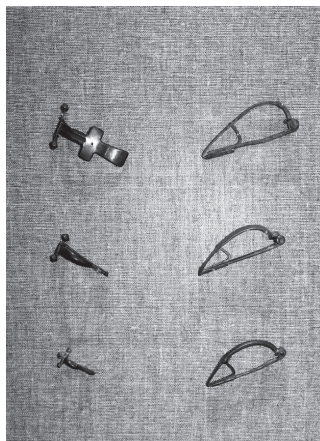

Женские украшения
и туалетные при-
надлежности

Нательные кре-
сты, медальон и
талисманы

Пряжки и бляшки от поясного набора

Фибулы

Кувшин двуручный

Кувшинчики тонкостенные

Стеклянные флаконы и кубки

Амфора

Фрагмент керамического сосуда

Мотыжки, серпы, топоры, цалда, клещи

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (О.Х. Бгажба)	3
ВВЕДЕНИЕ.....	7
АПСИЛЫ. НА РАННЕМ ЭТАПЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (I – V вв.).....	41
Этнополитическая обстановка в Восточном Причерноморье в период Римской империи	41
Воинское сословие у апсиров.....	69
В общеисторическом и культурном контексте Римской ойкумены	84
Генезис Цебельдинской культуры и общий подъём экономического развития у апсиров	94
К проблеме локализации южной этнополитической границы апсиров и их взаимоотношения с лазами	101
АПСИЛЫ. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ (VI –VIII вв.).....	124
Религиозный и социально-политический аспект развития апсильского социума, храмовая архитектура Апсии	124
Памятники фортификационного искусства Апсии и Мисиминии	150
Византийский фактор в экономической, этнополитической и культурной жизни апсиров	166
Заключение	181
Список использованной литературы	184
Список сокращений	203
Summary	206
●Приложение●	207

В. А. НЮШКОВ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АПСИЛОВ

(II в. до н.э. – вторая половина VIII в. н. э.)

Корректор **Э. М. Чкок-Эшба**
Компьютерная верстка **Н. Г. Гунба**

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Тираж 500. Физ. печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 12,56.
Заказ № 70.

Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.